

МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

О. В. ЗАХАРОВА

БЫЛИНЫ
ПОЭТИКА СЮЖЕТА

*Учебное пособие
для студентов филологических специальностей*

Петрозаводск
Издательство Петрозаводского университета
1997

ББК 82. 3. (2=РУС) – 611.1
3 382

Учебное пособие посвящено анализу сюжета былин в аспекте исторической поэтики. Особое внимание уделяется проблеме сохранения и развития традиции на материале эпической школы Рябининых-Андреевых. В пособии дается классификация ряда былинных сюжетов по мотивам.

Предназначено для студентов-филологов и всех интересующихся русским фольклором.

*Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Петрозаводского государственного университета*

Рецензенты:
доктор филологических наук
Н. А. Криничная;
доктор филологических наук, профессор
Е. М. Неёлов

*Работа выполнена при поддержке
Mrs. Giles Whiting Foundation
и напечатана при участии
Российского гуманитарного научного фонда*

3 4604000000 154 – 95
Д26(03) - 97
ISBN 5-230-0907-8

© О. В. Захарова, 1997
© Издательство Петрозаводского
университета, 1997

Введение

В истории фольклористики есть жанры, которые всегда привлекали и будут привлекать внимание исследователей. К ним принадлежит былина.

Былины — русские эпические песни о богатырях. Они могут быть героического или социально-бытового содержания.

Термин "былина" исследовательский. Ученые начала XIX века не знали этого термина. Говоря о былинах, К. Ф. Калайдович, С. Н. Глинка, К. С. Аксаков, А. С. Хомяков использовали выражение "древние российские стихотворения" или "эпические/богатырские песни". Сказители называли этот жанр старинами, старинушками, старинками. На этот счет есть свидетельства у П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга и Е. В. Барсова¹.

Считается, что термин "былина" был введен в 1839 г. И. П. Сахаровым. Один из разделов книги "Сказания русского народа" он назвал — "Былины русских людей"² и поместил в нем 7 текстов былин: "Добрыня Никитич", "Илья Муромец", "Василий Буслаев", "Алеша Попович", "Соловей Будимиро-

¹ Рыбников П. Н. Заметка собирателя // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3 т. Петрозаводск, 1989. Т. 1. С. 47–83; Гильфердинг А. Ф. Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: В 3 т. М.; Л., 1949. Т. 1. С. 29–84; Барсов Е. В. Об Олонецком песнотворчестве // Записки Русского Географического Общества по Отделению Этнографии. 1873. Т. III. С. 515–522.

² Сахаров И. П. Сказания русского народа. СПб., 1839. Т. 1. Кн. 4.

вич", "Иван Гостиной сын", "Чурила Пленкович". В. Ф. Миллер объясняет такое употребление термина "былина" неправильным пониманием И. П. Сахаровым строки из "Слова о полку Игореве" — "по былинам сего времени". Он пишет: "В слове о полку Игореве былина является в значении исторического события, деяния, в противоположность «старым словесам», поэтическим вымыслам «замышления Боянова»"³. Ему возражал О. Ф. Миллер, ссылаясь на диссертацию Л. Н. Майкова "О былинах Владимира цикла": "на древность слова «былина» обратил уже внимание г. Майков. На основании известного приступа певца Игорева «начати же ся тый пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію бояню», он совершенно основательно предполагает, что «былины, как особый род эпоса, существовали в нашей народной поэзии уже в XII в.» и что «содержание их заимствовалось из показаний современности». Другой вопрос — насколько слово *былина* употребительно и теперь в народе — даже в тех местностях, где былины поются. По свидетельству г. Барсова, сами олонецкие певцы былин обыкновенно называют их *старинами* — выражение, в своем роде меткое и даже с оттенком сродным (*старое* ведь и есть *былое*). Кроме же того народ вообще называет этот род произведений и просто *песнями*, многозначительно противопоставляя их сказкам, в следующем изречении, давно уже истолкованном К. С. Аксаковым: «песня *быль*, а сказка *складка*». Но ведь таким образом в народном толковании слова *песня* заключается тоже указание на *былевую*, действительную основу, тогда как «складка» очевидно соответствует тут «замышленью боянову». И так, в народе и до сих пор хранится тот же разграничительный взгляд XII сто-

---

³ Миллер В. Очерки русской народной словесности: Былины. М., 1897. Т. 1. С. 28.

летия"⁴. Комментируя народное понимание песни как рассказа "про старое, про бывалое", выразившееся в названии "старина", С. К. Шамбинаго писал, что оно вернее передает ее сущность, нежели книжный термин "былина", утвердившийся в науке⁵.

Точка зрения В. Ф. Миллера стала настолько общепринятой, что вошла в авторитетные лексикографические издания: "былина «эпическая народная песня»; на основании др.-русск. *былина* ("Слово о полку Игореве") придумано Сахаровым; см. Вс. Миллер, Очерки 1, 27 и сл. О старом употреблении слова см. русск. диал. *былина́* «быль, то, что было» (арханг.); см. Архангельский, ИОРЯС 3, 1331 и сл. Далее — к *был*, быть. Вместо *былина* в народе говорят *песня*, *старина́*⁶. Однако сам И. П. Сахаров в предисловии к разделу "Былины русских людей" пишет: "Для издания Русских Былин был принят за основание текст, помещенный в рукописи, принадлежавшей Тульскому купцу Бельскому. Вариантами служили: 1. Русские Былины, собранные почтеннейшим В. И. Далем из устных преданий жителей Казанских и Оренбургской губернии по Уралу 2. Сборник Демидова, изданный прежде А. Ф. Якубовичем, а потом К. Ф. Калайдовичем, под ложным именем Кирши Данилова. При печатании, Былины Русских людей были мною разделены на семь отдельных песен так, как они были помещены в рукописи Бельского"⁷. Примечательно, что книгу В. И. Даля И. П. Сахаров ставит ря-

⁴ Миллер О. Ф. Илья Муромец и богатырство Киевское: Сравнительно-исторические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса. СПб., 1869. С. XXI–XXII.

⁵ Шамбинаго С. К. Вступ. ст. // Былины-старины. М., 1938. С. V.

⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1986. Т. 1. С. 258–259.

⁷ Сахаров И. П. Указ. соч. С. 4.

Введение

дом со сборником Кирши Данилова и ссылается на заглавие этого труда как на источник заимствования слова *былина* ("Русские Былины, собранные почтеннейшим В. И. Далем из устных преданий жителей Казанских и Оренбургской губерний по Уралу"). Таким образом, из контекста высказывания становится ясно, что употребление слова *былина* по отношению к русским эпическим песням следует, в первую очередь, связывать с В. И. Далем, а потом уже с И. П. Сахаровым, который представлял в "Сказаниях русского народа" концепцию жанра В. И. Даля.

Сейчас трудно однозначно сказать, существовало ли слово *былина* как название жанра в эпической традиции или его придумал В. И. Даляр: в современном русском языке это слово вытеснило более распространенное название эпических богатырских песен. Но столь же очевидно, что *старина* — позднее понимание жанра, который в первое время бытования мог вполне называться и иначе: возможно, *былина* или *былина*.

Слово *былина*, хотя и достаточно редкое, было в древнерусском языке. Оно присутствует в засинах "Слова о полку Игореве" и "Задонщины" и имеет жанровое значение. К XIX веку и "Слово о полку Игореве" и "Задонщина" были уже утраченными литературными жанрами, и вполне понятно желание исследователей найти неведомый в современной литературе жанр. В любом случае В. И. Даляр знал эти значения слов. В своем Словаре он дает такое толкование слова *былина*: "*Бывалка, бывальщина, быльца, быльна, быль* ж. что было, случилось, рассказ не вымысленный, а правдивый; *старина*; иногда вымысел, но сбыточный"⁸. Очевидно,

---

⁸ Даляр В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955. Т. 1. С. 148.

Введение

что толкование В. И. Далем слова *былина* адекватно тому значению, которое С. К. Шамбинаго приписывает "старине". Более того, у В. И. Даля "былина" и "старина" — синонимы.

Впрочем, еще ранее (цензурное разрешение 4 сентября 1835 г., цензор А. В. Никитенко) В. И. Даль опубликовал замечательное произведение "Илья Муромец. Сказка Руси богатырской". Ему сопутствует эпиграф из сборника Кирши Данилова: "Благословите, братцы, про старину сказать..."⁹ В. И. Даль создал оригинальное по жанру произведение: пересказана эпическая песня, повествование представляет собой сочетание прозаического сказа и стихотворных фрагментов эпических песен. В целом же "Илья Муромец" В. И. Даля ориентирован не столько на сказку или старину, сколько на "Слово о полку Игореве" и "Задонщину". В. И. Даль следует этой литературной традиции, о чем можно судить уже по зачину "богатырской сказки": "Не под десницею богов безответных, захожан спесивых из стран привольных, полуденных; не вдохновением стародавних иноверческого неба обитателей, которых я не зывал, а ты, быть может, не докликался, хочу слагать, как подчас водилося, повести про житье бытье неправославное, русским говором, да не русскую речь вести! — Нет, не стану..."¹⁰ и т. д. Ср.: "Не лѣпо ли ны бяшеть, братие, начати старыми словесы трудныхъ повѣстий о пльку Игоревѣ, Игоря Свѧтъславича? Начати же ся тый пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню!"¹¹ Аналогично в "Задонщине":

---

⁹ Повести, сказки и рассказы казака Луганского // Даль В. И. Собр. соч. СПб., 1846. Т. 1. С. 3.

¹⁰ Там же.

¹¹ Слово о полку Игореве // Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980. С. 372.

Введение

"...лудчи бо нам, брате, <...> Начаша ти повѣдати по дѣлом и по былинам"¹².

В. И. Даль *угадал* этот жанр, связав русские эпические песни с известным, но загадочным и, казалось, утраченным к тому времени жанром древней русской литературы. Ему внимал И. П. Сахаров, поместив вслед за "Былинами русских людей" такие произведения, как "Слово о полку Игореве", "Сказание о нашествии Батыя на Русскую Землю", "Слово Дании Заточника" (так в тексте! — *O. 3.*), "Сказание о Мамаевом побоище". Очевидно, что русские эпические песни не случайно были названы в XIX веке былинами и это слово имеет важный и глубокий исторический смысл.

Одним из первых определение былины через отношение к сказке предпринял К. С. Аксаков в работе "О различии между сказками и песнями русскими: по поводу одной статьи"¹³. Он впервые указал на различие сказки и былины по форме: сказка — сказывается, а былина — поется. К. С. Аксаков отмечал, что "предмет песни или религиозный (стихи), или народный: народные события, историческая и бытовая жизнь; или частный: событие и чувство личное. Все это — быль. Певца и сочинителя в песне не слышно"¹⁴. По мнению К. С. Аксакова, своеобразие былины состоит в том, что хотя в песнях "нельзя не признать чародейственного элемента, но он всегда на враждебной стороне, противен Русскому духу, и боятъри Русские не только не почерпают в нем сил,

---

¹² Задонщина // Памятники литературы Древней Руси: XIV — середина XV века. М., 1981. С. 96, 98.

¹³ Аксаков К. С. О различии между сказками и песнями русскими: по поводу одной статьи // Аксаков К. С. Поли. собр. соч. М., 1861. Т. 1. С. 399—408.

¹⁴ Там же. С. 400.

Введение

но постоянно ведут с ним бой, прибегая с молитвою к одному Богу..."¹⁵

Л. Н. Майков, соглашаясь с К. С. Аксаковым, видит в былине стремление сглаживать чудесное¹⁶. Он считает, что чудесные предметы в былине дополняют содержание и их назначение — придать более идеальный характер богатырям, а в сказке они являются главной завязкой в сюжете¹⁷.

По наблюдению О. Миллера, былина и сказка вышли из одной основы, но они имеют ряд различий¹⁸. Существенным свойством былин он называет их историческое приурочение¹⁹. О. Миллер пишет, что мифологический смысл в былине подвергся изменениям, но не забвению, как в сказке²⁰.

Вопрос о соотношении былины и других фольклорных жанров продолжает интересовать и исследователей XX века.

В. Я. Пропп, говоря о сказках с былинными сюжетами, считает, что они не могут быть отнесены к области эпоса, так как у них нет ряда жанровых признаков, а именно музыкальности исполнения и былинной формы стиха²¹. По мнению В. Я. Проппа, "сказка обычно превращает героический подвиг в забавное приключение"²².

Обсуждая вопрос о соотношении былины и исторической песни, В. Я. Пропп пишет: "Былина весьма близка к исторической песне, но тем не менее меж-

¹⁵ Там же. С. 401–402.

¹⁶ Майков Л. Н. О былинах Владимира цикла. СПб., 1863. С. 26.

¹⁷ Там же. С. 29.

¹⁸ Миллер О. Опыт исторического обозрения русской словесности. СПб., 1865. Ч. 1. Вып. 1. С. 197.

¹⁹ Там же. С. 199.

²⁰ Там же. С. 198.

²¹ Пропп В. Я. Русский героический эпос. М., 1958. С. 10.

²² Там же.

Введение

ду ними имеется глубокая и принципиальная разница <...> Былина и историческая песня выражают сознание народа на разных ступенях его исторического развития в разных формах. Эпос рисует идеальную действительность и идеальных героев. В эпосе огромный исторический опыт народа обобщается в художественных образах необычайной силы, и это обобщение — один из самых существенных признаков эпоса. Эпосу всегда присуща некоторая величавость, монументальность, которая в лучших образцах народного искусства сочетается с простотой и естественностью. Героические песни обычно основаны на художественном вымысле, в котором только исследователь может обнаружить их историческую почву. В исторических песнях сюжет, фабула черпаются непосредственно из действительности. События, переданные в исторической песне, не вымыщлены (песни о взятии Казани и многие другие), фантастически обработаны лишь детали. Историческая песня — продукт более поздней эпохи и иных форм осознания действительности, чем былина"²³.

Почти все исследователи былин сходятся во мнении, что исторические корни былины лежат в мифе. Ф. И. Буслаев, определяя периоды развития русского эпоса, так объяснял превращение мифа в эпос: "Мифы природы слишком громадны в своих размерах. Становясь сюжетами эпическими, они сокращаются, принимая местные формы исторического быта и окрашиваясь в местный, бытовой колорит"²⁴.

Подробное определение былины дал в свое время И. Лось. Он выделил такие жанровые признаки бы-

---

²³ Там же. С. 9–10.

²⁴ Буслаев Ф. И. Бытовые слои русского эпоса // Буслаев Ф. И. Народная поэзия: Исторические очерки. СПб., 1887. С. 252.

лины: "Былины являются эпическими песнями о русских богатырях; именно здесь мы находим воспроизведение общих, типических их свойств и историю их жизни, их подвиги и стремления, чувства и мысли. Каждая из этих песен говорит, главным образом, об одном эпизоде жизни одного богатыря и таким образом получается ряд песен отрывочного характера, группирующихся около главных представителей русского богатырства <...> Все былины, кроме единства описываемого предмета, характеризуются еще единством изложения: они проникнуты элементом чудесного, чувством свободы и (по мнению Ореста Миллера) духом общины"²⁵. Внешнее же единство былины прежде всего И. Лось видел в стихе, слоге и языке²⁶.

В свою очередь, В. Я. Пропп выделил следующие признаки жанра:

- "наиболее важным, решающим признаком эпоса является *героический характер его содержания*"²⁷;
- "он слагается из песен, которые предназначены не для чтения, а для музыкального исполнения"²⁸;
- "*весь* стихотворный фольклор *всегда* поется", стихотворная форма эпических песен тесно связана с напевом²⁹.

К этим признакам можно добавить то, что содержание эпоса имеет установку на достоверность, реальность. Сказитель всегда верит, что события, о которых поется в былине, действительно имели место, и трактует их как историческое прошлое государства.

---

²⁵ Лось И. Былины // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефона. СПб., 1891. Т. 5. С. 142–143.

²⁶ Там же. С. 143.

²⁷ Propf V. Я. Русский геропческий эпос. С. 5.

²⁸ Там же. С. 6.

²⁹ Там же. С. 7.

Введение

Былина — эпическая песня преимущественно о богатырях. В научной литературе существуют две точки зрения на происхождение этого слова. Наиболее распространено мнение, согласно которому слово *богатырь* является заимствованием из тюркских языков. Критикуя эту этимологию, О. Миллер пишет: "Уже г. Майков обратил внимание на то, что они (богатыри. — О. З.) упоминаются и в летописи, как участники древнейших событий, не идущих далее XIII в. Между тем уже не со вчерашнего дня стали у нас доказывать, что слово *богатырь* — не русское, а татарское. Вот что значится относительно этого уже в Плюшаровском Энциклопедическом Словаре: «*Богатырь* — слово языков монгольских, в которых оно произносится *багадур*, *батур*, *батор*, *бегадар*, распространенное ныне по всему востоку, значит *герой*. Титул богатырей получали у Монголов и Турок удалые воины, которые трижды вторгались первые и поодиночке в неприятельские ряды, и убивали по крайней мере одного человека... Получивший титул богатыря присоединял его к своему имени, как у нас титулы граф или князь. Многие государи носили его». Такого же взгляда на происхождение слова *богатырь* держится, по-видимому, даже В. И. Даль, в словаре которого после этого слова значится — *татр.*, т. е. татарское"³⁰. Действительно, В. И. Даль так объясняет значение этого слова: "Богатырь м. татр. человек рослый, дородный, дюжий и видный; необычайный силач; смелый и удачливый, храбрый и счастливый воин, витязь. Сказочные богатыри, великаны, побивающие одним махом десятки врагов и разные чудища"³¹.

³⁰ Миллер О. Ф. Илья Муромец и богатырство Киевское. С. ХХIII–XXIV.

³¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1. С. 102.

Придерживается тюркской этимологии и М. Халанский, который полагает, что до татар вместо слова *богатырь* употреблялись: *кмет*, *витязь*, *муж*, *воин*, *храбрый*; а в позднейших памятниках стали употребляться такие синонимы, как *удалец*, *резвец*³². Он считает, что "в древней Руси мысль о герое имела одну твердо установленную форму" — форму храброр, с которой связывалось такое же представление, что и со словом *богатырь*³³. М. Халанский пишет: "Храбры — были служилые люди, отличавшиеся своею силою и удалью. В представлении о них не было ничего сверхъестественного, сказочного: их образ <...> вполне реален. Для выражения понятия *гиганта* существовало в старинном русском языке особое слово, уцелевшее и до сих пор в былинах"³⁴. По его мнению, "соблюдение строгого и систематического различия в употреблении двух синонимов — своего — храброр для своих героев, чужого — богатырь — для чужих — не могло долго удерживаться в песнях и обыденной речи"³⁵. Поэтому последовало сначала безразличное употребление обоих слов, а затем — замена одного слова другим.

Тюркская этимология слова *богатырь* достаточно авторитетна. Например, В. Миллер в "Лекциях по русской народной словесности" отмечает, что "восточное, монгольско-туркское происхождение этого имени вполне доказано: по мнению ориенталистов, монгольское слово багатур, означающее храбреца, молодца, перешло в тюркско-джагатайское багадур и далеко распространилось на западе среди русского

---

³² Халанский М. Великорусские былины Киевского цикла // Русский филологический вестник. 1884. № 3. С. 150.

³³ Там же. С. 150–151.

³⁴ Там же. С. 158.

³⁵ Там же.

Введение

и инородческого населения"³⁶. Эта точка зрения подробно аргументирована в Этимологическом словаре Фасмера: "Заемств. из др.-турк. *baγatur (откуда и венг. bátor «смелый»), дунайско-булг. βαγατούρ, тур., чагат. batur «смелый, военачальник», шор. paγattyг «герой», монг. bagatur, калм. bāt; см. Гомбоц 41; Рамstedt, KWb. 38; Бернекер 1, 66; Маркварт, Chronol. 40; Банг, KSz 18, 119; Mi. TEl. 1, 254, Доп. 1, 9; 2, 80. Объяснение вост. слов из ир. *baγariθra- (Локоч 15) весьма сомнительно"³⁷.

Между тем уже в процессе аргументации тюркской этимологии появились веские возражения. Так, Ф. Буслаев в статье "Русский богатырский эпос" указывает на то, что "хотя современники князя Владимира слывут *богатырями*, но, без сомнения, это название перенесено на них от лиц древнейших, титанических; потому что *богатырь* происходит от слова *бог* через прилагательное *богат*, и собственно значит существо, одаренное высшими, божескими преимуществами, как герой, произошедший от *бога*"³⁸. Вывод Ф. Буслаева категоричен: "И так *богатырь* есть не что иное, как собственно русское название тех же существ, которые в сербском эпосе слывут под общим индоевропейским именем *дивов*"³⁹. В доказательство этого он приводит следующие данные, что как "латинское *dives* (богатый) происходит от *deus* (бог), *divus* (божественный, от корня *div* — светить, откуда и наши *див* — богатыри): так и наше

³⁶ Миллер В. Лекции по русской народной словесности. М., 1909. С. 280.

³⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 1. С. 183.

³⁸ Буслаев Ф. И. Русский богатырский эпос // Русский Вестник. 1862. № 9. С. 80.

³⁹ Там же.

Введение

богат первоначально имеет смысл мифический, ровно как и *сбожие* (тоже от слова *бог*) в смысле жита и хлеба, а потом имения вообще, богатства⁴⁰. Соглашаясь с Ф. Буслаевым, О. Миллер пишет: "...*богатырь* – богато одаренный, силами обильный, т. е. слово это от одного корня с *богатство*, а также и с *бог, божественный*; богатыри – это, стало быть, люди, одаренные богатством, божественным изобилием сил"⁴¹.

Из приведенных суждений ученых очевидно, что *богатырь* – общеславянское слово, которое представлено в самых разных славянских языках и что в русском языке оно появилось еще до нашествия монголо-татар (слово *богатырь* отмечено в Ипатьевской и Никоновской летописях). Но самым убедительным аргументом, опровергающим тюркскую этимологию, является очевидное славянское словообразование, которое объясняет происхождение слова *богатырь* от слова *бог* через наращение суффиксов – *-ат-* + *-ырь-*.

Одна из первых работ, посвященных анализу героев былин, – книга К. С. Аксакова "Богатыри времен великого князя Владимира: по русским песням" (1865)⁴². В ней К. С. Аксаков дает глубокую и проникновенную характеристику поэтических возможностей жанра. По его мнению, не случайно историческая эпоха князя Владимира запечатлелась в народных эпических песнях. Он сопоставляет эпическую

---

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Миллер О. Опыт исторического обозрения русской словесности. Ч. 1. Вып. 1. С. 220.

⁴² Аксаков К. С. Богатыри времен великого князя Владимира: по русским песням // Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М., 1981. С. 89–138.

Введение

песню с древними летописями и обыденной речью. И сам К. С. Аксаков дает вдохновенные поэтические характеристики эпического мира, например:

"...и вот, властью народного долговечного слова, перед нами возникают во всей своей жизни: Киев, пиры бесконечные и могучие витязи, собравшиеся вокруг великого князя Владимира.

Много их сидит на богатырской скамье; не по аристократическому праву породы занимают они это почетное место. Аристократическое понятие, образовавшееся на Западе рыцарством, не существовало в древней Руси. На богатырской скамье сидит и Ставр, богатый боярин, и Алеша, сын попа, и Иван, сын гостя (купца), и наконец Илья Муромец, крестьянин. Всем им ровный почет. Двор князя Владимира всегда открыт: на дворе его княжнецком врыты дубовые столбы, в столбы ввернуты булатные кольца. Приезжает богатырь, привязывает ретивого коня к булатному кольцу, потом идет в светлую гридню, молится Спасову образу, кланяется князю со княгинею и на все четыре стороны. — Этот последний, общественный, всем равный, поклон, невольно рисующий множество народное, удержался и доныне. Великий князь спрашивает богатыря о роде и племени, велит поднести или сам подносит турий рог меду сладкого. Богатырь выпивает, садится на богатырскую скамью и пирут. Среди пированья, в тот час, как будет день в половину дня, будет пир в полупире, Владимир-князь распотешился, ходит по своей гридне, расчесывает черные кудри и предлагает подвиги богатырям. Один из них вызывается, выпивает подносируемую чашу, и тогда:

Разгоралася утроба богатырская,
И могучие плечи расходились.

Введение

Богатырь едет в дальний путь, на трудный подвиг и прославляет вновь свою богатырскую силу.

Вот общий очерк событий, конечно, различных между собою, нашей народной эпопеи, но содержание ее, как мы сказали, лежит не в событии, а в жизни самой⁴³.

К. С. Аксаков рассматривает эпический мир русских песен как православный образ Святой Руси: "Битвы и подвиги, свадьбы и пиры составляют внешний строй этой жизни, в которой слышится воля и приволье. Но весь этот шумный мир, еще много хранящий в себе следов недавнего язычества, проникнут уже, как сказали мы выше, лучами Христовой веры. Таким образом, первое и главное, что выдается из этого мира Владимировых песен, — это христианская вера; она постоянно и всюду основа жизни; особенно слышится это в песне о Калинечаре, особенно видится даже и в сказочном образе Ильи Муромца, причтенного в действительной жизни нашей церковью к лицу святых. Все богатыри — православные, и постоянно повторяется богатырское присловие, когда приезжает православный витязь к неправославному государю"⁴⁴.

Этот аспект содержания былин не представлен в советских исследованиях. В XX веке до последнего времени предпочитали писать о языческих корнях эпических представлений, о двоеверии русского народа. Это справедливо, но в народном сознании языческая вера естественно входила в иерархию христианских ценностей: язычество не противоречило христианству, более того объясняло своеобразие народного понимания православия. В одной из недавних статей вводится даже понятие "эпическое право-

---

⁴³ Там же. С. 94.

⁴⁴ Там же. С. 95.

Введение

славие", которое авторы определяют следующим образом: "Под «эпическим православием» понимаем комплекс христианских представлений, связанный с эпическим конфликтом, т. е. с героическим противостоянием «своего» и «чужого» миров. Этот духовный феномен, возникший в результате христианизации национального эпического сознания, нашел отражение в былинной традиции, исторических преданиях, культуре казачества (в особенности, ранних его форм – Запорожского и Донского), в менталитете русских солдат и крестьянства в целом. В этом отношении богатырский эпос является особо значимым материалистом ввиду его высокого ценностного статуса в контексте национальной духовности: в былинах воплощен идеал русского патриотизма, сохранена память о «золотом веке» этнической истории. <...> Очевидно, что взаимодействие архаических эпических закономерностей с христианскими представлениями дает самый ранний (с точки зрения культурной истории, а не хронологически) тип эпического православия"⁴⁵.

В книге "Богатыри времен великого князя Владимира: по русским песням" К. С. Аксаков дает пре- восходные поэтические характеристики князя Владимира, Добрыни Никитича, Алехи Поповича, Дуная, Чурилы Пленковича, Ильи Муромца и т. д. Так, например, он описывает князя Владимира:

"Владимир в песнях не одарен богатырской силой, не имеет даже храбрости, часто смущается и пугается перед бедою; в особенности страшен ему, грозен посол из Орды, – одним словом, образ его в песнях вовсе не величав. Но зато образ этот вполне добродушен, но зато привет и ласка – его

---

⁴⁵ Николаев О. Р., Тихомиров Б. Н. Эпическое православие и русская культура: материалы и постановка проблемы // Русская литература. 1993. № 1. С. 3–4.

Введение

неотъемлемые качества. Добрая душа греет людей, и страшно-могучие богатыри Владимира, от подвигов которых он иногда не знает сам куда деваться, любят его, служат ему охотно и зовут «красное солнышко, ласковый Владимир-князь!» Постоянно радушный и ласковый хозяин, Владимир является в песнях почти всегда на веселом пиру со своими гостями⁴⁶.

Это одна из лучших характеристик былинного персонажа.

Иную характеристику образа князя Владимира дал В. Миллер:

“Рядом с чертами симпатичными — ласковостью, щедростью, радушием, гостеприимством — оказались у эпического Владимира такие отрицательные черты, в которых совершенно неповинен исторический Владимир и которые вообще не имеют национально-исторической подкладки. Он вечно празднен, труслив при угрожающей беде, неблагодарен лицам, оказавшим ему услуги, беспринципно гневлив и несправедлив, верит наговорам на народного богатыря, склонен унижаться и льстить, когда попал в беду, охочь до чужих жен и, вместе с тем, прощает своей жене ее неверность”⁴⁷.

Он считает, что русские сказители, чтобы оттенить “высокие нравственные черты своего идеального богатыря <...> перенесли отрицательные черты восточного властителя на своего былевого князя и, таким образом, по недомыслию, допустили историческую несправедливость относительно князя Владимира”⁴⁸.

---

⁴⁶ Аксаков К. С. Богатыри времен великого князя Владимира... С. 97.

⁴⁷ Миллер В. Экскурсы в область русского народного эпоса: В 8 т. М., 1892. Т. 1. С. 25.

⁴⁸ Там же.

Введение

Некоторая неточность в суждении В. Миллера состоит в том, что он слишком буквально, так сказать, по-бытовому понимает причину такого изображения князя Владимира. Русские сказители делали это не "по недомыслию", а из-за того, что это один из принципов изображения героя в былине — принцип композиционного противопоставления богатыря и князя. В. Миллер полагает, что "значительную гарантию в точности традиции следует видеть в постоянстве и прочности сюжетов и былевых типов"⁴⁹. Он доказывает, что "нравственный облик богатыря весьма типичен: Илья всегда будет идеалом мужества и спокойной уверенности в силе, всегда будет с чувством достоинства относиться к князю Владимиру и с покровительственною лаской к юным богатырям; Добрыня Никитич всегда отличается вежеством, Чурило — франтством и женолюбием и т. д."⁵⁰

Первые исследователи русского эпоса определяли жанровые особенности былин, анализировали их содержание, используя разные методологические подходы (мифологический, сравнительный и исторический). В XX веке появилась необходимость изучения былины как поэтического художественного целого.

А. П. Скафтымов, говоря об архитектоническом соотношении внутреннего состава былин, приходит к выводу, что "в центре творческого напряжения былин о богатырских подвигах находится герой-богатырь, а в нем его ратная доблесть и сила"⁵¹.

Ю. И. Юдин в книге "Героические былины" выделяет композиционные типы и соответствующие им типы героя. Он отмечает, что герой побеждает "не

⁴⁹ Миллер В. Былинное предание в Олонецкой губернии // Русская мысль. 1894. Кн. III. С. 11.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин: Очерки. М., Саратов, 1924. С. 95.

Введение

только своей богатырской мощью, но благодаря помощи каких-то неведомых сил, волей которых на месте боя оказывается чудесная «шапка земли греческой» (Добрыня-Змееборец), с помощью хитрости (Алеша Попович и Тугарин), с помощью заговоренной стрелы (Илья Муромец и Соловей-разбойник)⁵². Ю. И. Юдин указывает, что богатырь в былинах композиционного типа отражения вражеского нашествия предстает "не только как идеальный канонический тип, но и как эпический характер. Он обнаруживается в особом былинном психологизме. В свою очередь психологическая конкретизация образа требует более обстоятельного и полного включения в содержание художественно преображеных и направленно отобранных элементов историко-бытовой обстановки происходящих событий"⁵³. По мнению Ю. И. Юдина, в песнях на тему борьбы с внешними врагами, засевшими в Киеве, появляется новый способ изображения героев, который заключается в том, что "...главные действующие лица в центральных эпизодах песен находятся во власти целого сонма отрицательных чувств и переживаний: отвращения, насмешки, презрения, гнева, ярости и т. п. Эти чувства изображаются страстными, всепоглощающими; под влиянием их богатыри и их враги действуют энергично и самозабвенно. Во всем этом начинает вырисовываться своеобразный эпический характер, в котором место разнообразных душевных движений и свойств занимает страсть, вытесняющая из внутреннего мира героя возможности каких бы то ни было иных проявлений характера"⁵⁴.

Ключевой работой, в которой выделяются основные принципы изображения героев в былинах,

---

⁵² Юдин Ю. И. Героические былины. М., 1975. С. 37.

⁵³ Там же. С. 66–67.

⁵⁴ Там же. С. 78–79.

является книга Б. Н. Путилова "Героический эпос и действительность". Он пишет: "...любой эпический герой соединяет в себе черты индивидуальные, только/преимущественно ему присущие (имя, мотивы биографии, особенности личности, «свои» поступки), и качества типологического плана, позволяющие включить его в известный ряд и рассмотреть как определенное родовое явление эпического творчества. И то и другое одинаково важно и взаимосвязано: индивидуальное начало в значительной мере представляет собою конкретную художественную реализацию общего, типологического, заложенного в родовой природе типа; с другой стороны, оно может заключать и некоторые нарушения типологических норм и тем самым знаменовать движение, формирование нового типологического качества"⁵⁵. В основе богатырской силы Б. Н. Путилов видит "единство трех величин: возможностей самого богатыря, особых качеств его коня и чудесных свойств его оружия" (68). Он обращает внимание на то, что "собственная сила эпического героя категория достаточно сложная, составляющие ее далеко не всегда лежат на поверхности, нередко они уведены в подтекст, «зашифрованы», даны намеком" (71). В своей книге он особо выделяет категорию эпической истории, согласно которой "богатыри ликвидируют татарское нашествие, берегают Киев, уничтожают и изгояют захватчиков и тем самым предупреждают установление ига на Русской земле. В былинах идея управительных подвигов богатырей оказывается преобладающей и, в сущности, решающей для эпической истории" (90–91). Б. Н. Путилов считает, что "богатырь восстанавливает справедливость, по-

---

⁵⁵ Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. Л., 1988. С. 67. Далее ссылки на стр. даются в тексте в скобках после цитаты.

Введение

ражая зло, которое, казалось, восторжествовало" (90). Другая важная категория в анализе образа богатыря, предложенная исследователем, это "эпический этикет" (111), под которым он понимает нравственный и поведенческий кодекс. Он предполагает, что "следование кодексу реализуется в условно-типовых ситуациях и получает формульное выражение. При этом для ряда ситуаций существуют варианты поведения" (105). Одним из принципов поведения богатыря, согласно Б. Н. Путилову, является склонность "действовать неизменно вопреки предупреждениям, запретам, предостережениям, которые, как правило, имеют провиденциальный характер, получая форму зловещих сновидений, слов вещей птицы, надписей на камне и т. д." (106). Он полагает, что "в нравственный кодекс героя входят беспощадное отношение к врагу и непримиримость к предательству, вероломству; мы имеем дело с четким разграничением моральных критериев по принципу «свои»—«чужие» (в составе этих последних оказываются и те, кто изменил «своему»). «Чужой» мир противопоставлен «своему» в нравственном плане, и борьба с ним, необходимость его уничтожения обосновывается в эпосе не только политически, но и морально" (112).

Эпическому герою соответствует эпический мир. М. М. Бахтин дал следующее определение эпического мира: "Мир эпопеи – национальное героическое прошлое, мир «начал» и «вершин» национальной истории, мир отцов и родоначальников, мир «первых» и «лучших». Дело не в том, что это прошлое является содержанием эпопеи. Отнесенность изображаемого мира в прошлое, причастность его прошлому – конститутивная формальная черта эпопеи как жанра. Эпопея никогда не была поэмой о настоящем, о своем времени (став только для потомков поэмой

о прошлом). Эпопея как известный нам определенный жанр с самого начала была поэмой о прошлом, а имманентная эпопея и конститутивная для нее авторская установка (то есть установка произносителя эпического слова) есть установка человека, говорящего о недосягаемом для него прошлом, благоговейная установка потомка⁵⁶. Далее он выделяет три конститутивные черты, которыми характеризуется жанр эпопеи: "1) предметом эпопеи служит национальное эпическое прошлое, «абсолютное прошлое», по терминологии Гете, и Шиллера; 2) источником эпопеи служит национальное предание (а не личный опыт и вырастающий на его основе свободный вымысел); 3) эпический мир отделен от современности, то есть от времени певца (автора и его слушателей), абсолютной эпической дистанцией"⁵⁷.

Эпический мир реализуется в определенном пространственно-временном континууме. Наиболее полный анализ категории эпического времени в былине был сделан Д. С. Лихачевым в монографии "Поэтика древнерусской литературы". Соглашаясь с суждением М. М. Бахтина о том, что время действия в былинах отнесено к прошлому, Д. С. Лихачев указывает на то, что былины не имеют авторского времени. Время в былинах — время действия и время исполнительное⁵⁸. Время действия былин локализовано в прошлом — "в условной эпохе русского прошлого", которую он называет "эпической эпохой" (511). Д. С. Лихачев пишет: "...действие былин происходит

⁵⁶ Бахтин М. М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) // Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 401–402.

⁵⁷ Там же. С. 401.

⁵⁸ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы // Лихачев Д. С. Избр. работы: В 3 т. Л., 1987. Т. 1. С. 511. Далее ссылки на стр. даются в тексте в скобках после цитаты.

в эпоху русской независимости, славы и могущества, в эпоху патриархальных взаимоотношений князя и дружины богатырей, в эпоху, когда народ в лице богатырей мог брать верх, когда богатыри могли влиять на судьбы страны, и т. д., то есть в одну общую условную «эпическую эпоху». Эта «эпическая эпоха» — некая идеальная «старина», не имеющая непосредственных переходов к новому времени" (511). Но в то же время «эпическая эпоха» воспринималась сказителями как "строго историческая, действительно существовавшая, а не фантастическая", а события в былине "воспринимаются как события русской истории" (512–513). Ученый считает, что "время действия былин тем не менее замкнуто и замкнуто как бы двойной замкнутостью. Во-первых, замкнуто само эпическое время, которое занимает в русской истории как бы «островное положение» и не связано никакими переходами с остальной русской историей, и, во-вторых, замкнуто действие самой былины. Время в былине, как и в сказке, начинается с началом сюжета и заканчивается концом сюжета" (514). По мнению Д. С. Лихачева, "при всей «абсолютной завершенности» эпического времени оно завершено лишь формально, так как в идеологическом отношении эпическое время является временем русской старины, национально-героическим прошлым" (515). Эта формальная замкнутость приводит к тому, что сюжет былины один и время в нем "однонаправлено, «однолинейно»" (515), оно не знает возвращений назад и забеганий вперед. Художественное время былины, как отмечает Д. С. Лихачев, зависит от богатыря, от его активности в сюжете. Он приходит к выводу, что "неровность течения времени в былине — это неровность действия богатыря. Время движется богатырским подвигом. Богатырь как бы толкает время, движет его рыв-

ками, напряжением силы" (517). Соглашаясь с А. П. Скафтымовым, он признает, что в былине част эффект внезапности, неожиданности.

В отличие от Д. С. Лихачева Б. Н. Путилов, рассматривая проблему эпического времени, выделяет три основных временных художественных аспекта: повествовательное время, сюжетное время и эпохальное время⁵⁹. Под повествовательным временем исследователь понимает "совокупность временных отношений повествователя к повествуемому, как они воплощены в эпических текстах" (33). Необходимо рассматривать повествовательное время "как обобщенный голос эпической среды, созидающей и хранящей эпос, как материализацию эпической эстетики" (33). Сюжетное время, по Б. Н. Путилову, — это "весь комплекс временных отношений внутри сюжета, в первую очередь — отношений между событиями, между персонажами и событиями, характер и способы временной фиксации происходящего, отсчета времени" (33), а эпохальное время — "свойственное эпосу толкование прошлого как неповторимой исторической эпохи и заключенное в эпосе (имплицитное или эксплицитное) стремление соотнести это прошлое с реальностью народной жизни" (33).

Наряду с эпическим временем жанровое значение имеет и эпическое пространство, глубокий анализ которого дал Б. Н. Путилов (Героический эпос и действительность. С. 18–32). Он говорит, что пространство вне событий, происходящих в эпическом мире, вне действий его персонажей не существует. Одна из особенностей пространственных описаний, которые в эпосе сюжетно обусловлены и сюжетно направленны, — их фрагментарность. Автор указывает на сходство между эпическими пространственны-

⁵⁹ Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. С. 33. Далее ссылки на стр. даются в тексте в скобках после цитаты.

Введение

ми описаниями и театральными декорациями, которое выражено в следующем: они, во-первых, "обеспечивают привязку происходящего, представляют площадку, ее границы в данный момент, заключают в себе характеристики социального, исторического, бытowego плана" (19), во-вторых — "не претендуют на полноту и эмпирическую точность воспроизведения, им достаточно подчас нескольких выразительных подробностей" (19). Б. Н. Путилов выделяет характерные признаки пространственных описаний в эпосе: они "условны — это результат обязательного наличия элементов вымысла, фантастики, гиперболы, сгущения красок и определенной однотонности" (19), они "экспрессивны, функциональны, их необъективность очевидна, они всякий раз выполнены как бы с одной точки, и точка эта выбрана создателями эпоса, симпатии и антипатии которых стабильны и предельно четки" (19), пространство в эпосе "не столько движется, сколько сменяется, оно дискретно" (19). Он видит в любом эпосе "взаимоотношения (чаще всего — конфликтные) двух противостоящих миров — «своего» и «чужого»" (23). Далее Б. Н. Путилов замечает, что "«чужая» земля в героическом эпосе — это обычно средоточие зла для «своего» этноса. Развитие сюжетики в героико-патриотическом направлении приводит к тому, что такая «чужая» земля идентифицируется с исторически определенной страной, получает постоянное имя, становящееся нарицательным — при сохранении конкретной исторической окраски, вбирает предшествующие и последующие впечатления народа. Она оказывается тем самым и как будто исторически реальной, и вместе с тем исторически вымышленной, но семантика ее вполне устойчива" (23–24). Общей особенностью эпического пространственного континуума, по его мнению, является "пустынность, раз-

Введение

реженность, дискретность. Пространство лишь изредка заполняется и лишь на время обретает непрерывность, в принципе же мы имеем дело с прерывистой привязкой коллизий, ситуаций к отдельным локусам, промежутки между которыми часто ничем не заполнены либо обозначены отсчетом эпического времени, нужного на передвижение героя" (25). Под локусами он понимает "устойчивые образы, локусы-знаки, локусы-типы, определяющие пространственную специфику эпоса" (26), "их функциональность и ситуативность тесно связаны с их семантической зараженностью" (26), это "подчас единственная пространственная реальность, поскольку с ними связаны эпические события" (25). Б. Н. Путилов называет характерные для былин локусы: города Киев, Москва, Рязань, Казань, реки, горы и пещеры, перекрестки дорог, богатырская застава, тюрьма, камни с предупредительными надписями, чисто поле, одинокие деревья с веющимися птицами на них и т. д.

В современной фольклористике активно изучаются сюжет, композиция, поэтический язык (эпитеты, формульность, общие и типические места, повторы и т. д.). Эти категории тесно связаны с проблемой сохранения и развития эпической традиции и будут рассмотрены в следующих главах.

Первый хорошо известный сборник былин — это "Древние российские стихотворения, собранные Киршою Даниловым", датированный XVIII в. В первое издание сборника, вышедшее в 1804 г., вошли тексты 26 песен, отредактированные А. Ф. Якубовичем. Во втором издании, опубликованном в 1818 г., было значительно расширено количество приводимых текстов: вместо 26 их было уже 61. В издании "Древние российские стихотворения, собранные Киршою Даниловым", подготовленном А. П. Евгеньевой и Б. Н. Путиловым (2-е изд. — 1977 г.) опубликован 71 текст.

Введение

До начала XIX века были популярны прозаические разработки былинных сюжетов. Долгое время они рассматривались как записи былин. В. Я. Пропп, возражая, справедливо заметил: "Былина стала проникать в древнерусскую литературу. Начиная с XVII века, мы имеем рукописные повести, предметом которых служат подвиги богатырей. Из них наиболее излюбленными были повести об Илье и Соловье-разбойнике и о Михаиле Потыке. Такие произведения назывались «повесть», «гистория» или «сказание». Книжным языком того времени здесь повествовалось о тех героях и их подвигах, о которых народ пел. Эти «повести» предназначались, конечно, не для пения, а для чтения. Но эти «повести» — не «древнейшие записи былин», как думали многие ученые, это — именно «повести», отвечающие, как правило, вкусам и запросам грамотного населения растущих городов"⁶⁰.

В конце XVIII века фольклорные записи, кроме "Древних российских стихотворений, собранных Киршею Даниловым", носили случайный характер. Наиболее полным изданием русских песен, записанных в XVIII веке, явилось "Собрание разных песен" М. Д. Чулкова, опубликованное в 1770–1774 гг. Собиратель и исследователь русских песен Н. А. Львов в 1790 г. издал "Собрание русских народных песен с их голосами, положенными на музыку Иваном Прачем", но в это собрание не вошла ни одна былина, хотя позднее, в 1796 г., он написал поэму "Добрыня, богатырская песнь" в духе народных традиций.

Открытие богатейшего и хорошо сохранившегося былинного эпоса на Севере и в Сибири во второй половине XIX века вызвало огромный и живой интерес к собиранию и изучению былин. В 1860–1874 гг. в результате многолетнего собирания былин вышло

---

⁶⁰ Пропп В. Я. Русский героический эпос. С. 10–11.

Введение

издание "Песен, собранных П. В. Киреевским" в 10 выпусках, насчитывающее около тысячи песен, среди которых были и записи былин. В то же время появился малоизвестный сейчас сборник русского фольклора "Русские песни, собранные Павлом Якушкиным" в 2 выпусках. Этот сборник впоследствии полностью вошел в собрание П. В. Киреевского.

В 60-е гг. XIX века, оказавшись в ссылке в Олонецкой губернии, которую он позже назовет "Исландией русского эпоса", П. Н. Рыбников делает записи 221 былины. Эти записи, наряду с другими жанрами русского фольклора вошли в 4-томное собрание "Песен, собранных П. Н. Рыбниковым". Записи былин в этом издании распределены по тридцати трем исполнителям, особо выделены непаспортизованные тексты. По следам П. Н. Рыбникова в 1871–1872 гг. в Олонецкую губернию отправился А. Ф. Гильфердинг, который записал 318 былинных текстов от разных сказителей; они были опубликованы в 3-томном собрании "Онежские былины".

Данные издания пробудили интерес к былинному наследию русского Севера и поэтому в 90-х годах XIX века этот регион посетило несколько экспедиций. Так, в результате экспедиции 1886 года в Олонецкую и Архангельскую губернии Г. О. Дютша и Ф. М. Истомина появился сборник "Песни русского народа". В 1893–1894 гг. исследователь и собиратель былин Е. А. Ляцкий обнаружил, что открытый П. Н. Рыбниковым и А. Ф. Гильфердингом сказитель Т. Г. Рябинин передал свое умение сказывать былины своему сыну И. Т. Рябинину. От И. Т. Рябинина Е. А. Ляцкий записал и опубликовал 6 текстов былин. В собирание былин в Архангельской губернии весомый вклад внесли А. В. Марков, А. Д. Григорьев, Н. Е. Ончуков. В послереволюционный период для изучения русского эпоса на Севере отправлялись

Введение

фольклорные экспедиции под руководством Б. М. и Ю. М. Соколовых, В. И. Чичерова, А. М. Астаховой, К. В. Чистова и многих других.

Эпическая династия Рябининых-Андреевых хорошо известна в мировой фольклористике благодаря записям выдающихся собирателей фольклора от четырех поколений сказителей, что позволило почти столетие наблюдать за развитием эпической традиции. Первые записи были сделаны Н. П. Рыбниковым в начале 1860-х годов и А. Ф. Гильфердингом в 1871 году от Т. Г. Рябинина, который, как известно, "перенял" былины от Ильи Елустафьева и от своего дяди — Игнатия Ивановича Андреева. От Т. Г. Рябинина сделаны записи 27 сюжетов былин. Он выступал с исполнением былин в Русском Географическом Обществе, от него М. П. Мусоргский и Н. А. Римский-Корсаков записали эпические напевы, которые получили развитие в русской музыке. Наибольшую известность приобрел И. Т. Рябинин, который исполнял былины в Петрозаводске, Петербурге, Москве, Киеве, Одессе, Болгарии, Сербии и Австро-Венгрии. И. Т. Рябинин исполнял 17 сюжетов, но от него записано и опубликовано олонецким собирателем Е. А. Ляцким 5 былин и 2 фрагмента. Эпическая традиция сохранилась и в третьем поколении — у пасынка и племянника Ивана Трофимовича И. Г. Рябинина-Андреева, от которого записано 9 текстов и 8 фрагментов. Экспедиция Государственного института истории искусств, специально отправившаяся для записи былин от Ивана Герасимовича, не застала его в живых, но открыла нового сказителя в четвертом поколении — П. И. Рябинина-Андреева. В его наследии наибольшую фольклористическую ценность представляют первые записи, сделанные летом 1926 г.⁶¹

---

⁶¹ Былевой репертуар династии Рябининых-Андреевых представлен в виде таблицы в приложении.

Введение

Проблема аутентичности исполнения былины и ее полевой записи, полевой записи и опубликованного текста в данной работе не обсуждается, так как она не поставлена и не решена, а в некоторых случаях не может быть решена в современной фольклористике из-за отсутствия фонографических записей сказителей и невозможности восстановления полного цикла публикации текста.

Задачей данного учебного пособия является введение в проблематику изучения жанра, ознакомление с методикой анализа поэтики сюжета былин на материале эпической традиции Рябининых–Андреевых. Поэтика сюжета былин исследуется в двух аспектах: анализ вариантов одного сюжета, записанного от Т. Г. Рябинина, и анализ ряда сюжетов, общих для всех представителей эпической династии Рябининых–Андреевых.

Трофим Григорьевич Рябинин
(1791, дер. Гарницы Петрозаводского уезда
Олонецкой губернии – 1885, дер. Середка
Петрозаводского уезда Олонецкой губернии)

Иван Трофимович Рябинин
(1844, дер. Середка — 2/15.11.1909, дер. Гарницы)

Иван Герасимович Андреев
(1873, дер. Гарницы — 12.03.1926, дер. Гарницы)
с женой Марфой Петровной

Петр Иванович Андреев
(27.05/9.06.1905, дер. Гарницы —
3.02.1926, Петрозаводск)
с женой Анной Васильевной

Глава 1

ПОЭТИКА СЮЖЕТА В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Былина в современной фольклористике — достаточно изученный жанр. Но до сих пор остаются неисследованными сюжеты былин с учетом новейшего опыта изучения исторической поэтики, в рамках которой исключительное значение приобрели работы академика А. Н. Веселовского, особенно его незаконченный труд "Поэтика сюжета".

А. Н. Веселовский рассматривает "сюжет как комплекс мотивов"¹. Под мотивом он понимает "формулу, отвечавшую на первых порах общественности на вопросы, которые природа всюду ставила человеку, либо закреплявшую особенно яркие, казавшиеся важными или повторявшиеся впечатления действительности"². По мнению А. Н. Веселовского, "простейший род мотива может быть выражен формулой а + б: злая старуха не любит красавицу — и задает ей опасную для жизни задачу"³. Признаком мотива А. Н. Веселовский считает "его образный одночленный схематизм; таковы неразлагаемые далее элементы низшей мифологии и сказки: солнце кто-то похищает (затмение); молнию-огонь сносит с неба птица; у лосося хвост с перехватом: его ущемили и т. п."⁴ Второе определение мотива у А. Н. Весе-

¹ Веселовский А. Н. Поэтика сюжетов // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М., 1989. С. 301.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

ловского: "Под мотивом я разумею простейшую повествовательную единицу, образно ответившую на разные запросы первобытного ума или бытового наблюдения"⁵.

С критикой, точнее с уточнением, концепции А. Н. Веселовского выступил В. Я. Пропп в книге "Морфология сказки": "По Веселовскому, мотив есть неразлагаемая единица повествования. Однако те мотивы, которые он приводит в качестве примеров, раскладываются. Таким образом, вопреки Веселовскому, мы должны утверждать, что мотив не одночленен и разложим. Последняя разложимая единица как таковая не представляет собой логического или художественного целого. Соглашаясь с Веселовским, что часть для описания первичнее целого (а по Веселовскому мотив и по происхождению первичнее сюжета), мы впоследствии должны будем решить задачу выделения каких-то первичных элементов иначе, чем это делает Веселовский"⁶. Упрек В. Я. Проппа выглядит убедительным, но в его аргументации есть и спорные моменты: он отсекает в определении мотива слово "образный" (у Веселовского — "образный одночленный схематизм"). Так, формулу мотива Веселовского $a + b$ можно представить и тематически: "солнце кто-то похищает" — как похищение солнца. В свою очередь этот "образный одночленный схематизм" раскладывается на ряд действий похищения, поэтому основной признак мотива не действие, а образ, который возникает как целостное обобщение действий.

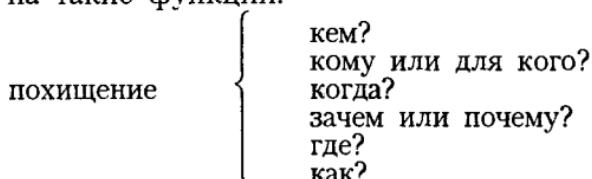
В качестве повествовательной единицы в сказке В. Я. Пропп выделяет функции действующих лиц: "Под функцией понимается поступок действующего лица, определяемый с точки зрения его значительно-

⁵ Там же. С. 305.

⁶ Пропп В. Я. Морфология сказки. М., 1969. С. 18.

сти для хода действия"⁷. Он выявил 31 функцию в волшебной сказке, но наряду с "функциями" использует и другое понятие — "мотивировки".

Действительно, мотив функционален, но мы будем понимать его функциональность не в том смысле, как определяет функцию В. Я. Пропп. "Функция" — в буквальном переводе с латинского языка "исполнение". Функция имеет ряд признаков. Так, приводившийся выше мотив "похищения солнца" может быть разложен на такие функции:

Конечно, В. Я. Проппу удалось разложить мотивы на функции, но в конкретном анализе сказок он все-таки пользуется, может быть, сам того не сознавая, открытием А. Н. Веселовского. Так, в его анализе сказок можно найти не только функцию, но и классическую формулу $a + b$. Особенно это заметно в его аналитических пересказах некоторых сказочных сюжетов.

Перевод книги В. Я. Проппа "Морфология сказки" на английский язык в 1958 году вызвал большой интерес зарубежных исследователей к структуре фольклорного произведения. Разбору книги В. Я. Проппа в теоретическом и методологическом аспекте посвящена статья К. Леви-Строса "Структура и форма", в которой автор упрекает В. Я. Проппа в "заблуждениях формализма": "Анализ испытывается синтезом. Если синтез оказывается невозможен, значит, анализ был неполным. Ничто не может убедить в несостоятельности формализма лучше, чем неспособность

⁷ Там же. С. 25.

восстановить эмпирическое содержание того момента, из которого он тем не менее исходил. Что же он потерял по дороге? Именно содержание. Пропп открыл — себе во славу, — что содержание сказок *изменчиво*; из этого он слишком часто делает вывод, что оно *случайно*, в чем и состоит основа трудностей, с которыми он сталкивается, потому что даже замены подчинены законам⁸. Далее он продолжает: "Структура сказки, как ее выводит Пропп, предстает в виде хронологической последовательности качественно различных функций, каждая из которых образует независимый «род». Можно спросить себя — как в случае персонажей и их атрибутов, — не слишком ли он рано останавливает анализ, ища форму слишком близко от уровня непосредственного наблюдения. Многие из различаемых им тридцати одной функции представляются сводимыми или уподобляемыми *одной и той же* функции, появляющейся в *разные* моменты повествования и подвергнутой при этом одной или нескольким *трансформациям*"⁹. Причину такого заблуждения К. Леви-Строс видит в непонимании Проппом дополнительности между обозначающим и обозначаемым, с одной стороны, и в приравнивании устной традиции к обычному языковому выражению, разные уровни которого неодинаково поддаются структурному анализу, с другой. К. Леви-Строс говорит о необходимости уподобления анализа фольклора анализу языковой системы, в которой важны и грамматика, и лексика: "в отношении фольклора морфология бесплодна, пока ее не оплодотворят прямые или косвенные этнографические наблюдения"¹⁰. Для структурного анализа на

---

⁸ Леви-Строс К. Структура и форма // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. М., 1985. С. 25.

⁹ Там же. С. 27.

¹⁰ Там же. С. 30.

"уровне" лексики он предлагает "мифему" — содержательно-структурную единицу мифа¹¹.

Структурную типологию индейских сказок дал А. Дандес. Развивая концепцию В. Я. Проппа, он заменил функцию другой категорией — мотифемой, в которой "объединяются значения мотива и алломотива"¹². Сказку он определил как последовательность мотифем. Он писал: "Мотифемные ячейки могут заполняться различными мотивами, а конкретные альтернативные для данной ячейки мотивы могут быть названы алломотивами"¹³. А. Дандес пришел к выводу, что "индейские сказки имеют выраженную структуру постольку, поскольку они состоят из четко выделяемых мотифемных последовательностей"¹⁴. Структурный анализ, по мнению А. Дандеса, необходим для выявления типологических связей, установления особых мотивов, выраженных в данной мотифеме, предсказания в ситуации окультуриивания, сравнения разных фольклорных жанров¹⁵.

А. Греймас в статье "В поисках трансформационных моделей" распределил 31 функцию В. Я. Проппа на 20 функциональных пар¹⁶. Такому объединению поддаются лишь некоторые функции. "Попарное объединение, определяемое как категоризация функций, освобождает анализ, по крайней мере частично, от уровня синтагматического следования: сравнение, имеющее целью соединить тождественное и разъеди-

---

¹¹ Там же. С. 30–33.

¹² Дандес А. Структурная типология индейских сказок Северной Америки // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. С. 185.

¹³ Там же. С. 185–186.

¹⁴ Там же. С. 189.

¹⁵ Там же. С. 189–191.

¹⁶ Греймас А. В поисках трансформационных моделей // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. С. 89–108.

нить противоположное, теперь может быть применено к набору функций в целом"¹⁷. Он приводит следующую схему сокращенного набора повествовательных функций: договор (предписание vs согласие); борьба (реакция vs победа); коммуникация (передача vs получение); присутствие; быстрое перемещение¹⁸.

Изучению структурной модели фольклорных жанров посвящена статья П. Маранды и Э. Кёнгас-Маранды "Структурные модели в фольклоре". Для определения "значимых элементов и их порядка" они выделили термы и функции¹⁹. Термы — "символы, представленные социально-историческим контекстом; термы могут быть <...> любыми субъектами, способными к действию или к исполнению ролей"²⁰. Они обусловлены самим повествованием и варианты. Функции "являются ролями, опирающимися на символы. Они образуют динамическое сочетание основных активных сил, задающих термам толчок, движение"²¹. Они константны. Мотивы в их понимании — это "странствующие межкультурные нарративные элементы"²².

Совершенно иной подход к изучению структуры фольклора предложили К. Брето и Н. Заньоли. Они предприняли попытку раскрыть смысловой уровень магрибской сказки, выделив "синтетическую единицу членения текста" — "диаду"²³. Под диадой они пони-

¹⁷ Там же. С. 92.

¹⁸ Там же. С. 99.

¹⁹ Маранда П., Кёнгас-Маранда Э. Структурные модели в фольклоре // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. С. 194–260.

²⁰ Там же. С. 203.

²¹ Там же. С. 204.

²² Там же. С. 196.

²³ Брето К., Заньоли Н. Множественность смысла и иерархия подходов в анализе магрибской сказки // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. С. 169.

мают взаимосвязь двух персонажей. Персонажи — это "«существа», необходимой и достаточной характеристикой которых является проявление в некоторый момент рассказа минимальной инициативы"²⁴. К. Брето и Н. Заньоли выделяют "диадные реализации" и "диадные моменты"²⁵.

Пропповская методика анализа сказки использовалась западными учеными в исследованиях разных фольклорных жанров на различном национальном материале. Одна из последних зарубежных публикаций — статья Чезаре Сегре, в которой он пишет, что "понятие повествовательной функции, выдвинутое Проппом, не заменяет понятия мотив, которое использовалось ранее: каждое из них применимо в своей области, и отказ от одного в пользу другого нанес бы ущерб <...> исследованиям"²⁶.

В современной отечественной фольклористике возможности категории "мотив" раскрыты в работах Б. Н. Путилова, Н. Г. Черняевой и Н. А. Криничной.

По наблюдению Б. Н. Путилова, "для большинства фольклористов мотив в фольклорном произведении — это относительно самостоятельный, завершенный и относительно элементарный отрезок сюжета. Современное исследование фольклорных сюжетов, в особенности эпических, основывается, как правило, на признании того, что путь к пониманию сюжета, произведения в целом, лежит через самое детальное рассмотрение составляющих его мотивов"²⁷. По Б. Н. Путилову, мотив — "это одно из слагаемых эпического сюжета, это элемент эпической сюжетной

---

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Чезаре Сегре. Две истории о друзьях—"близнецах": к вопросу об определении мотива // Мировое древо. № 1. М., 1992. С. 20.

²⁷ Путилов Б. Н. Мотив как сюжетообразующий элемент // Типологические исследования по фольклору. М., 1975. С. 143.

системы <...> Мотивы можно рассматривать как определенным образом организованные моменты движения сюжета"²⁸. По его определению, "эпический мотив — это типовая формула, являющаяся специфическим средством реализации одного из типовых элементов эпического сюжетного арсенала"²⁹. Более подробно эти подходы к изучению мотива и сюжета разработаны в монографии Б. Н. Путилова "Героический эпос и действительность"³⁰. Следует отметить, что именно Б. Н. Путилову удалось восстановить в научном статусе категорию "мотив", которая далеко не исчерпала свои познавательные и эстетические возможности.

Классификацию единиц былинного текста, основанную на категориях мотифема, мотив и алломотив, предложила Н. Г. Черняева³¹. "Типологическую шкалу" она понимает так: "в структурной поэтике выделяются лингвистические единицы текста (и соответственно низшие уровни) и повествовательные, супрангвистические единицы (и соответственно высшие уровни). Для былинного текста таковыми будут: уровень былинной строки, уровень былинной строфы, уровень былинной тирады — низшие уровни <...>; уровни былинного сюжета и композиции — высшие уровни <...> Уровни низшего порядка описаны в метрических понятиях строки, строфы, тирады, и это естественно, т. к. былина — песенно-стихотворный жанр. В то же время эти термины соответствуют таким грамматическим категориям, как фраза (строка),

---

²⁸ Там же. С. 143, 144.

²⁹ Там же. С. 145.

³⁰ Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. Л., 1988. С. 137–204.

³¹ Черняева Н. Г. Опыт изучения эпической памяти (на материале былин) // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР: Поэтика и стилистика. М., 1980. С. 101–134.

сверхфразовое единство (строфа) и крупный семантический блок (тирада). Каждый из уровней имеет свои единицы: былинная строка — былинные лексемы, которые могут образовывать былинные формулы (в понимании А. Б. Лорда), организованные метрически; былинная строфа — былинные строки; былинная тирада — былинные строфы; былинный сюжет и композиция — былинные мотивы³². Исходным понятием при анализе былинного повествования она избирает мотив: "Мотив надо рассматривать в разных аспектах (как единицу данного эпоса в целом, как единицу определенного сюжета и, наконец, как единицу реально существующего текста)"³³. По мнению Н. Г. Черняевой, для изучения типов варьирования текстов необходимо привлекать не только сюжетообразующие элементы, но и несюжетообразующие мотивы. К несюжетообразующим мотивам относятся "эмоциональные и интеллектуальные реакции персонажей, этикетные формы поведения, некоторые описания атрибутов, мест, персонажей"³⁴. Она приходит к выводу, что "понятие мотива и его производных расширяется. Во многом это продиктовано требованиями <...> работы, в методике которой установлены следующие соотношения *мотифемы*, *мотива* и *алломотива*: *мотифема* — инвариант отношения субъекта и объекта, *мотив* — конкретное воплощение отношения субъекта и объекта, а также тех атрибутов, пространственных и прочих характеристик, которые непосредственно включены в действие, *алломотив* — конкретная реализация субъекта, объекта, их отношения, атрибутов, пространственных и других показателей"³⁵.

---

³² Там же. С. 102.

³³ Там же. С. 109.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

С критикой концепции Н. Г. Черняевой выступил Б. Н. Путилов. Указывая на "зыбкость различия мотива и алломотива" в определении Н. Г. Черняевой, Б. Н. Путилов пишет, что "в своем конкретном анализе Черняева ограничивается рассмотрением отношений мотифемы и алломотива. Например, приводится былинная мотифема «Герой убивает антагониста», а к ней дается парадигматический ряд конкретных реализаций — алломотивов: «Дунай стреляет в кольцо и попадает в Настасью», «Добрыня разрывает на части Маринку», «Глеб Володьевич отсекает голову Маринке Кандальевне», «Добрыня отсекает голову змею», «Илья Муромец бросает под небеса Сокольника» и др. Возможно, что для определенных исследовательских целей мотив как промежуточное звено может опускаться. Но даже приведенные примеры говорят о том, что понимание существа, природы, генетических связей и семантики названных алломотивов возможно лишь при условии, что они не только будут возведены к общей мотифеме, но и соотнесены с уровнем мотива, как переходной ступени, как разных схематических выражений мотифемы, и разнесены по разным мотивным гнездам"³⁶. Далее он замечает, что "мотивы и алломотивы в операционном плане теснейшим образом взаимосвязаны. Сам по себе алломотив обладает значением лишь в данном тексте, в группе текстов, являющихся вариантами одного сюжета. Его глубинные значения могут открыться лишь на уровне мотива, т. е. когда известные алломотивы будут собраны, составят парадигму и между ними будет установлена семантическая и генетическая/типологическая связь. Раскрытие семантики мотива, его генетических корней предпо-

---

³⁶ Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб., 1994. С. 174.

лагает возможно более полное владение фондом соответствующих алломотивов³⁷.

Б. Н. Путилов рассматривает мотив как сочетание "субъект – действие (состояние) – объект"³⁸. Мотив "обладает относительной самостоятельностью, поскольку в нем заключены свои значения и поскольку он может реализоваться в различных алломотивах в контексте разных сюжетов и даже разных жанров. При этом мотив полностью не изолирован, он состыковывается с другими мотивами как семантически, так и конструктивно. В ряде случаев мотивы складываются в блоки, которые фактически живут как одно целое, именно таким образом обнаруживая свои значения"³⁹. Б. Н. Путилов приводит пример подобного "блока" в типичном начале былины: "княжеский пир, поведение гостей, слова князя/приход чужого посла, реакция собравшихся, поручение богатырю"⁴⁰. В свою очередь, блоки могут выступать как целостные части сюжетов, за ними следуют новые, а сюжет движется блоками мотивов, их сцеплениями.

Мотив, по мнению Б. Н. Путилова, "создает некое семантическое поле, значения которого далеко не всегда улавливаются прямо в тексте, но открываются через знание парадигмы. Так, мотив «жена готовит мужу коня в поход» встречается и в эпических песнях разного типа, и в песнях лирического склада. С этим мотивом неизменно соотносятся «проводы», «прощанья», «обещания» и т. д., т. е. круг эмоций и действий вполне естественный, «натуральный». Но семантическое поле мотива включает также предсказание, предупреждение, реакцию героя на них; в за-

---

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 175.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

висимости от отношений между персонажами всплывают переживания остающихся, их горе, но также и предательство, вероломство; в ближайшей сюжетной перспективе за этим мотивом видятся испытания героя и испытания ждущих его дома, беда, предуказанная гибель, заочное прощание и т. д.⁴¹ В целом, мотив "может задавать целый пучок дальнейших значений, а его собственный глубинный смысл открывается лишь «обратным» путем, через осмысление всего сюжета с его развязкой"⁴². В то же время сюжет не статичен, а динамичен: "фольклорная сюжетика живет непрерывной творческой работой, совершающейся внутри традиции, в том числе традиции, связанной с фондом мотивов"⁴³.

Свидетельством успешного изучения жанра предания в аспекте анализа мотивов является монография Н. А. Криничной "Русская народная историческая проза". По мнению Н. А. Криничной, мотив — "это сложное структурное единство, в котором определяющая роль принадлежит действию или состоянию, а определяемыми являются субъект, объект, обстоятельства действия или состояния, оказывающие в большей или меньшей степени влияние на основополагающий элемент — предикат. <...> Мотив составляют, как правило, следующие элементы: субъект — центральный персонаж; объект, на который направлено действие; само действие (чаще это функция героя) или состояние; обстоятельства действия, определяющие локально-временные рамки предания, а также обозначающие способ действия (заметим, что речь здесь идет о повествовательных элементах, поэтому они не могут быть полностью приравнены к

---

⁴¹ Там же. С. 181.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 184.

синтаксическим категориям)⁴⁴. Плодотворность такого подхода демонстрируется результатами предпринятого исследования — системным аналитическим описанием жанра, что само по себе уникально.

Любое типичное действие имеет составляющие. Разложение действия на составляющие есть его алгоритм, но действие в эпическом повествовании может не совпадать с алгоритмом реального действия. Алгоритм повествования избирателен, представленное в эпическом сюжете действие "этикетно". Д. С. Лихачев в книге "Поэтика древнерусской литературы" ввел понятие "литературный этикет". Говоря о возникновении литературного этикета, Д. С. Лихачев пишет, что "взаимоотношения людей между собой и их отношения к Богу подчинялись этикету, традиции, обычая, церемониалу, до такой степени развитым и despoticным, что они пронизывали собой и в известной мере овладевали мировоззрением и мышлением человека. Из общественной жизни склонность к этикету проникает в искусство"⁴⁵. Литературный этикет "вызывал особую традиционность литературы, появление устойчивых стилистических формул, перенос целых отрывков одного произведения в другое, устойчивость образов, символов-метафор, сравнений и т. д."⁴⁶ Вместе с тем Д. С. Лихачев считает, что в литературном этикете надо видеть "систему творчества, а не простую его шаблонизацию. Ни в коем случае нельзя отождествлять канон и шаблон"⁴⁷.

Проблема "этiquета" не осталась не замеченной в фольклористике. Еще в 1966 году Б. Н. Путилов

---

⁴⁴ Криничная Н. А. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. Л., 1987. С. 19, 18.

⁴⁵ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы // Лихачев Д. С. Избр. работы: В 3 т. Т. 1. С. 345.

⁴⁶ Там же. С. 358.

⁴⁷ Там же. С. 370.

Глава 1

обратил внимание на то, что "русский эпос в том его виде, как он известен нам по записям и пересказам XVII–XX вв., отличается исключительной художественной цельностью и ярко выраженной спецификой в отношении к действительности. Оба эти качества могут быть объяснены по крайней мере тремя главными причинами: действием законов жанра, за которыми стоят определенные закономерности художественного сознания его творцов; влиянием предшествующей традиции; многовековым развитием сложившихся форм"⁴⁸. Далее ученый говорит о том, что "законы жанра и связь с определенными традициями ставят былинам известные границы в их историческом содержании, в возможностях отбора и изображения явлений жизни. Есть определенный круг проблем, сюжетных тем, коллизий, ситуаций, образов, которые составляют эпический фонд"⁴⁹.

На наш взгляд, понятие эпического этикета вполне можно использовать и в фольклористике, поскольку в устном народном творчестве существует не менее жесткая нормативность, чем в средневековой литературе.

---

⁴⁸ Путилов Б. Н. Об историзме русских былин // Русский фольклор: Специфика фольклорных жанров. Т. Х. Л., 1966. С. 103.

⁴⁹ Там же. С. 105.

Глава 2

ПОЭТИКА СЮЖЕТА И ПРОБЛЕМА ЭПИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ У Т. Г. РЯБИНИНА

Трофим Григорьевич Рябинин — один из самых выдающихся эпических певцов, известный во всем мире. Первые записи от Т. Г. Рябинина, как уже отмечено нами во "Введении", были сделаны Н. П. Рыбниковым в начале 1860-х годов и А. Ф. Гильфердингом в 1871 году.

В фольклористике особенно высоко оценивают сказительское мастерство Т. Г. Рябинина. Вот как описал П. Н. Рыбников свое первое впечатление о Т. Г. Рябинине: "Он выговаривал былину пословично, я записывал начерно, а когда он кончил, я попросил его спеть и по петому поправил свою запись. Напев былины был довольно однообразен, голос у Рябинина, по милости шести с половиною десятков лет, не очень звонок, но удивительное умение сказывать придавало особенное значение каждому стиху. Не раз приводилось бросить перо, и я жадно вслушивался в течение рассказа, затем просил Рябинина повторить пропетое и нехотя принимался пополнять свои пропуски. И где Рябинин научился такой мастерской дикции: каждый предмет у него выступал в настоящем свете, каждое слово получало свое значение!"¹

Первые сведения о том, как сказители перенимали былины, содержатся в материалах собирателей былин. Не случайно в паспортных данных к каждому

---

¹ Рыбников П. Н. Заметка собирателя // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. С. 58.

Глава 2

сказителю собирателями приводятся списки учителей, иногда с указанием тех сюжетов, которые были усвоены певцом. Важную роль играют комментарии к текстам и вступительные статьи.

От Т. Г. Рябинина сохранилось 43 записи эпических текстов, в том числе 22 повторяющихся, один сюжет существует в трех записях и один — в четырех. Всего от Т. Г. Рябинина записано 27 сюжетов былин. Преимущественно большинство записей разновременные. Исключением является сюжет былины "Вольга и Мikuла", который известен в четырех записях и существует как в разновременных, так и в одновременных вариантах.

Подробная паспортизация записей в сборнике П. Н. Рыбникова отсутствует. Основной корпус былин записан в мае–июне 1860 года, но знакомство с Т. Г. Рябининым не закончилось одной встречей. По свидетельству П. Н. Рыбникова, они не раз потом виделись в Заонежье и в Петрозаводске: "всякий раз оба они (Т. Г. Рябинин и К. Романов. — О. З.) заходили ко мне и всегда почти пели свои былины «на послушанье моим знакомым», а я между тем провевал свою запись, пополнял пропуски и окончательно устанавливал текст петых ими вариантов"².

Проблема эпической памяти тесно связана с изучением процессов обучения, хранения и воспроизведения, с типами сказителей и рассматривается в совокупности с такими категориями фольклористики, как традиция, развитие и сохранение эпического сюжета, типические и переходные места, формульность.

Впервые на типические места обратил внимание А. Ф. Гильфердинг. Он выделил в былине две составные части: "места *типические*, по большей части описательного содержания, либо заключающие в себе

---

² Там же. С. 61.

речи, влагаемые в уста героев, и места переходные, которые соединяют между собою типические места и в которых рассказывается ход действия. Первые из них сказитель знает наизусть и поет совершенно одинаково, сколько бы раз он ни повторял былину; переходные места, должно быть, не заучиваются наизусть, а в памяти хранится только общий остав, так что всякий раз, как сказитель поет былину, он ее тут же сочиняет, то прибавляя, то сокращая, то меняя порядок стихов и самые выражения"³. Во время прослушивания и записи былин А. Ф. Гильфердинг приходит к выводу, что сказитель имеет свои особенные выработанные типические места и употребляет их, когда считает нужным.

К проблеме типических мест в былинах обратился В. Миллер в "Очерках русской народной словесности": "Всего более изменения входят в описание хода действия, в так называемые переходные места. Помня часто лишь только общие очертания сюжета, сказитель вводит в рассказ те или другие детали, по своему вкусу, пользуясь обыкновенно уже готовыми образами из запаса своей памяти, т. е. перенося какую-нибудь понравившуюся ему черту из одной былины в другую"⁴. В. Миллер уточнил положение А. Ф. Гильфердинга о типических местах: "если описательные места и прочнее в своих деталях, то все же изменения в текстах былин обычны и в этом отношении. Тот или другой сказитель мог по личному вкусу вставлять их чаще или реже, затягивая ими ход рассказа или, напротив, сокращая его"⁵. В. Мил-

³ Гильфердинг А. Ф. Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. С. 57.

⁴ Миллер В. Очерки русской народной словесности: Былины. Т. 1. С. 16.

⁵ Там же. С. 17.

Глава 2

лер отметил, что измениться может и характер богатыря. Он выделил такие способы изменения: перенесение типических речей, сопровождающих то или иное действие, с одного богатыря на другого, подчеркивание различных черт характера героя. Но эти изменения не нарушают сложившегося типа богатыря. Личность сказителя, по мнению В. Миллера, проявляется и в типических, и в переходных местах.

М. Сперанский рассматривал проблему типических мест как проблему сложения и передачи сказителем былины: "композиция былины сводится для певца к следующему: к фабуле, которою при помощи памяти он должен овладеть, как не повторяющеся сущностью содержания, особенно напряженно; затем — к типичной, определенной отчетливо фигуре героя или действующих лиц, повторяющихся в ряде былин, а потому и более легко удерживаемых в памяти; наконец, к типичным общим местам, запасом коих по своему усмотрению распоряжается певец применительно к его пониманию художественных своих задач; сюда же, конечно, следует отнести и напев былины, который подбирается так же, как и типичные места, из запаса музыкальных мотивов, находящихся в распоряжении сказителя"⁶.

А. М. Астахова выделила три основные группы сказителей, "по тому, как они воспринимают, а затем воссоздают былины"⁷. Одна из них — "сказители-исполнители"⁸, т. е. "это сказители, перенявшие тексты совершенно или почти точно и в таком же виде их передающие. Здесь сказывается, с одной стороны,

⁶ Сперанский М. Былевая песня и современные ее носители // Русская устная словесность: В 2 т. М., 1919. Т. 2. С. XVII-XVIII.

⁷ Астахова А. М. Былины Севера: В 2 т. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 71.

⁸ Там же. С. 85.

общее хранителям эпической старины стремление петь так, как «старики певали», с другой стороны — исключительная сила памяти, позволяющая удержать в сохранности не только композицию былины в общих ее очертаниях, не только запомнить точный порядок всех эпизодов, но и почти дословно усвоить и самое словесное оформление большинства эпизодов, а иногда и всей былины в целом⁹. Вторая группа — «сказители-творцы»¹⁰ — характеризуется тем, что "перенимая былину, сказитель этого второго типа усваивает по преимуществу, по словам Гильфердинга, лишь «общий остов». Путем отбора «типовических» мест и свободного создания «переходных» и вырабатывается собственный, постоянный текст, отливаясь в определенную композиционную и словесную форму. В дальнейшем эта форма в основном остается неизменной и варьируется лишь в деталях"¹¹. Третий тип сказителей — это импровизаторы, которые "запомнив, подобно исполнителям второго типа, лишь сюжетную схему по преимуществу <...>, однако, не вырабатывают, не создают постоянного текста, а каждый раз меняют его, пользуясь всем арсеналом сюжетов, эпизодов, мотивов, образов, формул, которыми они владеют. Текст каждый раз будет представлять значительные отклонения от ранее данного варианта на тот же сюжет"¹². Существуют также переходные типы сказителей.

К проблеме эпической памяти обратился Б. Н. Путилов. Он рассмотрел ее как проблему сохранения текста: "Певец, как правило, действительно хранит в сознании некий устойчивый и, с его точки зрения,

---

⁹ Там же. С. 71.

¹⁰ Там же. С. 81.

¹¹ Там же. С. 75.

¹² Там же. С. 82.

Глава 2

полный и верный текст песни"¹³. В сказывании этого "верного текста" проявляется мастерство сказителя, которое состоит не в запоминании, а в воспроизведении былины: "Мастерство сказителя состоит не в том, чтобы запомнить наизусть тысячи кем-то до него сложенных былинных стихов, а в том, чтобы научиться воссоздавать их в ходе сказывания былины"¹⁴. В качестве основной категории сказывания Б. Н. Путилов называет былинный стих: "...былинный стих создается каждым певцом в сущности заново и при каждом новом исполнении воспроизводится с различными вариантами. Один из характерных способов создания стиха состоит в подборе и соединении формул, запас которых есть у каждого сказителя. Даже в тех случаях, когда ученик как будто следует за учителем и в ряде случаев повторяет его почти строка в строку, самая конструкция строк, их внутреннее строение и структура системы строк все-таки не совпадают"¹⁵. Сказывание былин всегда творческий процесс: "Сказитель мог воссоздавать творчески то, чему он выучился; он следовал — более или менее творчески — традиции, которой постепенно овладевал в течение длительного времени; в рамках этой традиции он многое мог сделать. Никто не учил сказителя сочинять, его учили петь былину, он исподволь и незаметно узнавал и запоминал многообразие эпических тем и сюжетов, проникался эпической атмосферой, приобретал знания по эпической истории, усваивал биографии и характеристики героев, взаимоотношения между ними; он овладевал сложным и богатым арсеналом поэтических средств

¹³ Путилов Б. Н. Искусство былинного певца: из текстологических наблюдений над былинами // Принципы текстологического изучения фольклора. М.; Л., 1966. С. 224.

¹⁴ Там же. С. 231.

¹⁵ Там же. С. 237.

и приемов эпоса"¹⁶. Проблему "типовидных" мест Б. Н. Путилов обсуждает в связи с "теорией формульности": "Любая эпическая ситуация, любое действие, состояние, движение, повторяющиеся в былинах и получающие традиционное формульное выражение, относятся к «типовидным местам». Но «типовидны» не только более или менее развернутые описания, состоящие из ряда организуемых формул, «типовидны» и сами эти формулы. Варьированию подвергаются и формулы; и стихи, и стиховые сочетания в ходе их песенного воспроизведения"¹⁷.

Теорию формульности или "поэтическую грамматику" предложил и обосновал А. Лорд в книге "Певец поэм"¹⁸. Под формулой он понимает "группу слов, которая постоянно используется в одних и тех же метрических условиях для того, чтобы выразить данную существенную идею"¹⁹. При анализе творчества югославских сказителей он пользуется такими категориями, как формульное выражение, тема.

С критикой формульной теории А. Лорда выступил В. М. Гацак: "Главное в эпической памяти — не формула в точном и неизменном словесном выражении, а художественное содержание, поэтическая фактура повествования"²⁰. В статье "Основы устной эпической поэтики славян (антитеза «формульной» теории)" В. М. Гацак пишет: "Отстаивая приоритет памяти на текст — или, точнее, на текстовую материю — перед памятью на правила композиции, мы согласуемся с понятиями самих исполнителей и за-

¹⁶ Там же. С. 250.

¹⁷ Там же. С. 259.

¹⁸ Albert B. Lord *The Singer of Tales*. Harvard University Press. 1981. P. 65.

¹⁹ Ibid. P. 30.

²⁰ Гацак В. М. Эпический певец и его текст // Текстологическое изучение эпоса. М., 1971. С. 24.

Глава 2

ключениями внимательных исследователей живой традиции. Суть уловлена А. Ф. Гильфердингом: «Главное участие принадлежит памяти», «память есть единственная сила, которая сознательно для самих певцов действует в усвоении и воспроизведении их рапсодий»²¹. Он считает, что в сказительской памяти "произведение хранится в виде своеобразной «тропы подробностей» (ср. понятие «следа» в современной теории памяти). На отдельных участках тропа способна раздваиваться, но обязательно сохраняет непрерывность. Поэтика эпического знания несводима к резумативным алломотивам; это поэтика конкретной фактурной воплощенности (включая опорные художественно-смысловые константы, синонимию замен при «добрании» подробностей)²².

Проблема эпической памяти наиболее подробно и полно разработана в работах Н. Г. Черняевой²³. Так, она дает определение эпической памяти как особой жанровой памяти на эпический тип фольклорных текстов: "эпическая память — это способность отбирать, хранить и использовать в сказительской практике те или иные элементы эпической системы и связи между ними"²⁴. Или другое определение: "эпическая память — это особый жанровый тип фольклорной памяти, память на эпический тип тек-

²¹ Гацак В. М. Основы устной эпической поэтики славян (антитеза "формульной" теории) // IX Международный съезд славистов: история, культура, этнография и фольклор славянских народов / Доклады советской делегации. М., 1983. С. 107.

²² Там же. С. 194.

²³ Черняева Н. Г. Проблемы типологии искусства северорусского былинного сказителя: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1977; Черняева Н. Г. Опыт изучения эпической памяти (на материале былин) // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР: Поэтика и стилистика. С. 101-134.

²⁴ Черняева Н. Г. Проблемы типологии искусства северорусского былинного сказителя. С. 24.

тов, это способность усваивать, хранить и воспроизводить эпические тексты. Содержание эпической памяти раскрывается только через сопоставление текстов учителя (передатчика эпических текстов) и ученика (воспринимающего эпические тексты), а также повторных записей одного и того же текста от ученика²⁵. В основе изучения эпической памяти северо-русских былинных сказителей, по мнению Н. Г. Черняевой, лежат "представления об иерархической структуре былинного текста"²⁶. Она выделяет следующие уровни для былинного текста: уровень былинной строки, уровень былинной строфы, уровень былинной тирады, уровни былинного сюжета и композиции. Об уровне былинной строки Н. Г. Черняева пишет: "именно былинная строка, тесно связанная с напевом, служит первоэлементом усвоения и воспроизведения былинных текстов"²⁷. К словесным компонентам строки она относит былинные лексемы и формулы. По мнению Н. Г. Черняевой, "две строки сопоставимы и совпадают, если они имеют при общем денотате как минимум одну общую былинную лексему и тождественность или синонимичность синтаксических конструкций"²⁸. Она отмечает, что "ориентация эпической памяти сказителя на конкретные единицы текста выявляется путем анализа совпадающих строк, в то время как импровизационные способности исполнителя, его склонность к моделированию проявляются в количественном и качественном составе несовпадающих строк"²⁹.

---

²⁵ Черняева Н. Г. Опыт изучения эпической памяти (на материале былин) // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР: Поэтика и стилистика. С. 101.

²⁶ Там же. С. 102.

²⁷ Там же. С. 103.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 107.

П. Д. Ухов, рассматривая типические места как средство паспортизации былин, приходит к следующим выводам:

1. Типические формулы, как и былины в целом при их усвоении, сказителями наизусть не заучиваются. Вот почему типические формулы сказителей-учеников отличаются от типических формул сказителей-учителей. Степень этого различия определяется творческой манерой сказителей;

2. От частого повторения былин сказители всех категорий обычно вырабатывают твердый текст типических формул. Эти формулы для данного сказителя являются специфическими, отличными от формул других сказителей;

3. Эти твердо выработанные сказителем формулы используются во всех исполняемых им сюжетах (в тех сюжетах, где они нужны по ходу действия);

4. В зависимости от содержания формулы одного сказителя в различных сюжетах могут видоизменяться, но обычно своеобразные черты этих формул прослеживаются всюду³⁰.

Мотивы	Запись П. Н. Рыбникова
1. Зачин	1–2
2. Мотив происхождения героя: родословие мужание Вольги	3–4 5, 13

³⁰ Ухов П. Д. Типологические места (*Loci Communes*) как средство паспортизации былин // Русский фольклор: материалы и исследования. М., 1957. Т. 2. С. 136–137.

Высокой степенью сохранности текста характеризуется сюжет былины "Вольга и Микула", представленный в наследии Т. Г. Рябинина четырьмя редакциями. Первая запись этой былины была сделана П. Н. Рыбниковым и содержит 157 строк³¹. Вторая и третья записи были сделаны А. Ф. Гильфердингом на острове Кижи в течение июля 1871 года и содержат 110³² и 176³³ строк соответственно. Четвертая редакция записана в декабре 1871 года А. Ф. Гильфердингом в Петербурге, она содержит 184 строки³⁴.

Во всех четырех редакциях совпадают 24 мотива из 37. Может показаться, что это невысокая степень сохранности мотивов в сюжете, но это не так. Следует иметь в виду, что во второй записи сюжет былины сокращен за счет пропуска 12 мотивов, входящих в мотивы состязания в богатырской силе и состязания в богатырской моши коней. В первой записи былина начинается зачином, который отсутствует в других записях. В третьей и четвертой записях после трех посрамлений следует мотив упрека оратая дружине.

Записи А. Ф. Гильфердинга		
от 7 июля 1871 г. (Кижи)	от конца июля 1871 г. (Кижи)	от 4 декабря 1871 г. (Петербург)
1–4 5, 13	1–4 5, 13	1–4 5, 13

³¹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. С. 91–95.

³² Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: В 3 т. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 780–781.

³³ Там же. С. 749–753.

³⁴ Там же. С. 4–9.

Мотивы	Запись П. Н. Рыбникова
3. "Охота" Вольги приобрести чудесную мудрость: желание неосуществимость желания	6-9 10-12
4. Сбор дружины	14-16
5. Дарение князем Владимиром трех городов	17-22
6. Выезд за данью	23-25
7. Выезд в чисто поле	26
8. Появление оратая: обнаружение оратая поиск оратая появление оратая: действия оратая орудия труда	27-30 31-42 43-48 49-51
9. Диалог: приветствие Вольги ответ оратая и вопрос о цели путешествия ответ Вольги похвальба оратая приглашение Вольги оратаю ехать вместе	52-56 57-62 63-67 68-79 80-82
10. Сборы оратая	83-85
11. Отъезд Вольги с дружиной и оратая в чисто поле	86
12. Состязание в богатырской силе: просьба испытание пяти богатырей первое посрамление испытание десяти богатырей второе посрамление испытание всей дружины третье посрамление	87-94 95-100 101-107 108-112 113-116 117 118-121

Записи А. Ф. Гильфердинга		
от 7 июля 1871 г. (Кижи)	от конца июля 1871 г. (Кижи)	от 4 декабря 1871 г. (Петербург)
6–9 10–12	6–9 10–12	6–9 10–12
14–16	14–16	14–16
17–21	17–21	17–22
22–24	22–24	23–25
25	25	26
26–29 30–39	26–29 30–39	27–30 31–39
40–45 46–48	40–45 46–48	40–45 46–48
49–52	49–52	49–52
53–57 58–62 63–74	53–57 58–62 63–74	53–58 59–63 64–75
75–78	75–78	76–79
79–83	79–81	80–84
84–86	82–83	85–87
	84–95 96–102 103–109 110–112 113–119 120–124 125–130	88–100 101–107 108–114 115–118 119–125 126–130 131–136

Мотивы	Запись П. Н. Рыбникова
победа оратая в состязании: упрек дружине демонстрация силы	122–128
13. Состязание конями и победа оратая: выезд в чисто поле помахивание Вольги колпаком обращение Вольги	129–133 134–135 136
14. Словесное состязание: обращение Вольги словесная победа оратая	137–138 139–144
15. Открытие имени победителя: обращение и вопрос Вольги ответ оратая: представление героя в крестьянском труде название имени	145–148 149–155 156–157

Из 24 мотивов в четырех редакциях дословно совпадают 14: мужание Вольги, желание Вольги приобрести чудесную мудрость и неосуществимость этого желания, сбор дружины, выезд за данью, выезд в чисто поле, обнаружение оратая, описание действия оратая и орудия труда, похвальба оратая, обращение и вопрос Вольги об имени, представление героя в крестьянском труде и называние имени.

Например, сравним содержание мотива сбора дружины Вольгой.

Первая редакция:

Избирал собе друдинушку хоробрую,
Тридцать молодцев без единого,
Сам още Вольга во тридцатых³⁵.

³⁵ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. С. 91.

Записи А. Ф. Гильфердинга		
от 7 июля 1871 г. (Книжн.)	от конца июля 1871 г. (Книжн.)	от 4 декабря 1871 г. (Петербург)
	131–137 138–144	137–144 145–151
	145–149 150–151 152	152–157 158–159 160–161
87–90 91–97	153–156 157–163	162–165 166–171
98–101	164–167	172–175
102–108 109–110	168–174 175–176	176–182 183–184

Вторая редакция:

И сберал соби друдинушку хоробрую,
А он тридцать молодцев без единого,
Сам еще Вольга во тридцатых³⁶.

Третья редакция:

И сберал соби друдинушку хоробрую,
А он тридцать молодцев без единого,
Сам еще Вольга во тридцатых³⁷.

Четвертая редакция:

И сберал соби друдинушку хоробрую,
Тридцать молодцев без единого,
Сам еще Вольга во тридцатых³⁸.

³⁶ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. С. 781.

³⁷ Там же. С. 749.

³⁸ Там же. С. 4.

Глава 2

Орфографические и стилистические различия несущественны и могут быть объяснены текстологическими и методическими принципами записи былин.

Интересно совпадение в мотиве желания Вольги приобрести чудесную мудрость чередования эпитетов моря "глубокое" и "синее". Причем в записи у П. Н. Рыбникова это чередование "глубокое—синее", а в трех записях у А. Ф. Гильфердинга это чередование "синее—глубокое".

Запись первая:

Похотелось Вольге много мудрости:
Щукой—рыбою ходить ему в глубоких морях,
Птицей—соколом летать ему под оболока,
Серым волком рыскать во чистых полях.
Уходили все рыбы во синие моря,
Улетали все птички за оболоки,
Убегали все звери во темные леса³⁹.

Вторая и третья записи:

Похотелось Вольги—то много мудрости:
Щукой рыбью ему ходить Вольги во синих морях,
Птицей соколом летать Вольги под оболоки,
Волком и рыскать во чистых полях;
Уходили—то все рыбушки во глубокия моря,
Улетали все птички за оболоки,
Убегали то все звери за темны леса⁴⁰.

Запись четвертая:

Похотелось Вольги да много мудростей:
Щукой рыбью ходить Вольги во синих морях,
Птицей соколом летать Вольги под оболоки,
Волком и рыскать во чистых полях;
Уходили—то все рыбушки во глубоки моря,
Улетали все птички за оболоки,
Убегали все звери за темны леса⁴¹.

³⁹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. С. 91.

⁴⁰ Онежские быlinы, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. С. 749, 781.

⁴¹ Там же. С. 4.

Не совпадающие дословно мотивы различаются не по содержанию, а подробностью в их разработке. Мотив поиска оратая различается тем, что путь Вольги в первой записи продолжается три дня, а в остальных два. В мотиве ответа оратая и вопроса о цели путешествия в первой записи оратай обращается не только к Вольге, но и к его дружине:

Говорил оратай таковы слова:
"Поди-тко, Вольга Святославович,
Со своею со друдинушкой хороброу,
Мне-ка надобна божья помочь крестьянствовати!
Далеко ль, Вольга, едешь, куда путь держишь
Со своею со друдинушкой хороброу?"⁴²

В мотиве приглашения Вольги оратаю ехать вместе во второй, третьей и четвертой записях появляется дополнительная мотивировка этого приглашения ("Да поедем-ко со мною <..> ко тем к городам за получкою").

Во второй, третьей и четвертой редакциях в мотиве состязания в богатырской силе просьба оратая вынуть сошку носит личный характер ("Мне нечем будет молодцу крестьяновати"), тогда как в первой редакции просьба высказана в форме риторического вопроса.

Кроме того, в первой редакции мотив словесной победы оратая содержит ругательное обращение к Вольге, которое отсутствует в других редакциях:

Говорил оратай таковы слова:
"Глупый Вольга Святославович!
Взял я кобылку жеребчиком с-под матушки
И заплатил за кобылку пятьсот рублей:
Этая кобылка коньком бы была,
За эту кобылку сметы бы нет"⁴³

---

⁴² Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. С. 91–92.

⁴³ Там же. С. 91.

В ряде мотивов (сборов оратая, отъезда Вольги с дружиной и оратая в чисто поле, испытания пяти богатырей, первого посрамления, испытания десяти богатырей, второго посрамления, испытания всей дружины, третьего посрамления, выезда в чисто поле, обращения Вольги с просьбой остановиться, обращения Вольги в словесном состязании) во второй, третьей и четвертой редакциях увеличивается количество строк за счет более подробной разработки мотивов.

Мотивы
1. Представление героя: происхождение выезд в чисто поле за "охотою"
2. Встреча с лебедушками
3. Угроза Петра Петровича
4. Предостережение лебедушек: ответ обращение к богатырю рассказ о себе совет предсказание о встрече с вороном
5. Дума Петра Петровича
6. Отказ от намерений
7. Выезд в чисто поле на пути в Киев
8. Исполнение предсказания: встреча с вороном описание ворона угроза ворону действием угроза ворону словом

Подобная устойчивость текста, которая проявляется прежде всего на уровне мотива, характерна и для былины "Королевичи из Крякова". Это может быть объяснено традиционностью и ясностью сюжета для сказителя. Сюжет былины "Королевичи из Крякова" в репертуаре Т. Г. Рябинина представлен двумя записями. Первая запись, сделанная П. Н. Рыбниковым, содержит 320 строк⁴⁴. Вторая запись была сделана 7 июля 1871-го года А. Ф. Гильфердингом и содержит 306 строк⁴⁵.

Запись П. Н. Рыбникова	Запись А. Ф. Гильфердинга
1–3	1–4
4–12	5–11
13–18	12–17
19–24	18–23
25–26	24–25
27–31	26–30
32–37	31–36
38–39	37–41
40–47	42–48
48–51	49–54
52–57	55–58
58–59	59–60
60–61	61–62
62–67	63–68
68–72	69–73
73–78	74–79

⁴⁴ Там же. С. 179–186.

⁴⁵ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. С. 143–151.

Мотивы
9. Предупреждение ворона: ответ обращение к богатырю совет предсказание ворона
10. Дума Петрова Петровича: дума отказ от желания
11. Выезд в чисто поле
12. Поединок: съезд богатырей разъезд второй съезд богатырей бой палицами: описание боя оценка боя сговор бой копьями: разъезд съезд описание боя оценка боя сговор победа в рукопашном бою: выполнение сговора одоление одной рукой угроза врагу расспрос об имени упрек: обращение ругательное обида обида Петрова Петровича повторение вопроса об имени повторный упрек: обращение ругательное обида

Запись П. Н. Рыбникова	Запись А. Ф. Гильфердинга
79	80–81
80–91	82–91
92–97	92–97
98–109	98–109
110–120, 125–133 121–124	110–121, 126–134 122–125
134–137	135–137
138–143 144–145	138–144 145–146 147–148
146–152 153–155 156–160	149–155 156–158 159–164
161–162 163	165–166 167
164–169 170–172 175–176	168–172 173–175 176–181
173–174 177–183 184–188 189–193	182–184 185–189 190–195 196–200
194–196 197–203	201–202 203–212
204–208 209–213	213–219 220–224
214–215 216–223	

Мотивы
повторная обида Петрова Петровича Петрой Петрович третий раз спрашивает об имени ответ: обращение величальное называние своего имени рассказ об увозе воспитание выезд в Святую Русь
13. Признание родства
14. Отъезд домой
15. Приезд домой: богатыри сходят с коней Петрой быстро бежит в "палатку" Лука по двору "похаживает" Петрой Петрович приходит к матери
16. Обращение к матери и загадывание загадки
17. Недоумение матери: величание ответ матери рассказ о старшем брате
18. Разъяснение загаданного вопроса
19. Встреча старшего сына с матерью
20. Финальная формула завершения сюжета

Из 64 мотивов в двух записях совпадают 59, из них 29 дословно. Это такие мотивы, как встреча с лебедушками, угроза Петрова Петровича, ответ лебедушек, их обращение к богатырю и рассказ о себе, выезд Петрова Петровича в чисто поле на пути в Киев, встреча с вороном, описание ворона, угроза ворону действием и словом, совет и предсказание ворона, отказ Петрова Петровича от намерений, выезд в чисто

Запись П. Н. Рыбникова	Запись А. Ф. Гильфердинга
224–229	
230–234	
235–237 238–239, 243–247	225–226 227–233
240–242	234–236
248–251	237–238
252–255	239–242
256–262	243–251
263–268	252–256
269–270 271–272 273–276, 306–309	257–258 259–260 261–263
277–278	264–266
279–286	267–272
287–291 292–297 298–300	273–275 276–280 281–283
301–305	284–290
310–318	291–305
319–320	306

поле, разъезд богатырей перед боем, все мотивы боя копьями, повторение вопроса об имени побежденного, выезд богатырей на Святую Русь, приезд домой и приход к матери, рассказ матери о старшем сыне, разъяснение поведения Петрова Петровича. Сюжет былины "Королевичи из Крякова" наиболее подробно разработан в варианте, записанном П. Н. Рыбниковым, за счет появления ряда мотивов, таких как мотив

повторного упрека, в который входят ругательное обращение и обида Луки Петровича, повторная обида Петра Петровича и третий расспрос об имени побежденного. В отличие от записи А. Ф. Гильфердинга у П. Н. Рыбникова отсутствует мотив второго съезда богатырей в эпизоде поединка.

В несовпадающих дословно мотивах разнотчения незначительны. Так, в первой записи Т. Г. Рябинин в мотиве обращения к матери и загадывании загадки называет ее имя — Настасья Васильевна, а во второй записи это происходит лишь в мотиве встречи старшего сына с матерью. Во второй записи в мотиве совета лебедушек появляется дополнительная мотивировка необходимости поездки в Киев, которая объясняется угрозой, нависшей над князем Владимиром:

Поезжай-ко ты в родольице чисто поле,
Да й ко славному ко городу ко Киеву,
Да й ко ласкову князю ко Владимиру:
А й Владимир князь он ест-то пьет и
проклаждается
И над собой незгодушки не ведает⁴⁶.

По-разному разработан мотив предупреждения ворона. В варианте, записанном П. Н. Рыбниковым, впервые говорится об угрозе, нависшей над князем Владимиром и Киевом, приводятся слова "паленицы":

Ездит паленица в чистом поле
На добром коне на богатырскоем,
Она кличет-выкликает поединщика,
Супротив себя да супротивника.
Говорит-то паленица таковы слова:
"Ежели Владимир стольно-киевский
Не пошлет ко мне он поединщика,
Супротив меня да супротивника,
Самого Владимира под меч склоню,
Под меч склоню, голову срублю.

---

⁴⁶ Там же. С. 144.

Черных мужичков—то всех повырублю,
Божьи церкви я все на дым спущу"⁴⁷.

В записи, сделанной А. Ф. Гильфердингом, в мотиве предсказания ворона высказывается угроза и Опраксии:

То ведь ездит поляничище в чистом поли,
Она кличет выкликает поединника,
Супротив себя да й супротивника,
Из чиста поля да что наездника:
Он не даст ли мне—ка если поединника,
Из чиста поля да что наездника, —
Розорю я славной стольно Киев град,
А'ще чернедь мужичков—то всех повырублю,
Все божьи церквы—то я на дым спущу,
Самому князю Владымиру я голову срублю
Со Опраксией да королевичной⁴⁸.

Сравнительный анализ двух вариантов былины "Королевичи из Крякова" выявляет высокую степень сохранности текста, благодаря типичности эпических формул и широкому их использованию.

Сюжет былины "Михайло Потык" в эпическом наследии Т. Г. Рябинина представлен тремя записями. Первый вариант былины, записанный П. Н. Рыбниковым, не закончен и содержит 23 строки⁴⁹. Вторая запись, сделанная П. Н. Рыбниковым, является наиболее полным вариантом и содержит 187 строк⁵⁰. Третий вариант сюжета, записанный А. Ф. Гильфердингом 27 ноября 1871 года в Петербурге, содержит 57 строк⁵¹.

⁴⁷ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. С. 181.

⁴⁸ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. С. 146.

⁴⁹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. С. 146–147.

⁵⁰ Там же. С. 147–151.

⁵¹ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. С. 110–111.

Мотивы	Первая запись П. Н. Рыбникова ⁵²
1. Поездка: поездка в орду (Литву) отношение короля и королевны к Михайле Потыку приезд к Пучай-реке "охота" Михайлы Потыка	1–2 3–6 7–8 9–10
2. Появление лебедушки	11–14
3. Разговор с татарами: обращение к татарам ответ татар	
4. Угроза лебедушке	15–19
5. Превращение лебедушки	20–22
6. Приветствие Потыка	
7. Обращение и наказ девушки	23
8. Исполнение наказа: возвращение в Киев крещение венчание возвращение домой	
9. Освобождение девушки из полона: выезд в чисто поле встреча с девушкой плач (жалоба) девушки освобождение из полона возвращение в Киев	
10. Разлад семейной жизни: ревность Мары Лебеди пьянство Михайлы Потыка сватовство царского сына к Марье Лебеди новое замужество Мары Лебеди	

⁵² Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. С. 146–147.

Вторая запись П. Н. Рыбникова ⁵³	Запись А. Ф. Гильфердинга ⁵⁴
1–9	1–2
10–13	3–9 10–11 12–13
14–16	14–17
17–20 21–28	
29–33	18–22
34–38	23–26
39–42	27–31
43–53	32–40
54 55–56 57–58	41–45 46–49 50–52 53–56
59–62 63–66 67–71 72–74 75–77	
78–81 82–84, 91–93	
85–88	
89–90	

⁵³ Там же. С. 147–151.

⁵⁴ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. С. 110–111.

Мотивы	Первая запись П. Н. Рыбникова
11. Попытка наказания за измену Марии Лебеди: известие Ильи Муромца выезд в татарскую орду угроза Михайлы Потыка хитрость Марии Лебеди	
12. Заточение Михайлы Потыка: приглашение на пир пир обман заточение появление сестры Федора Ивановича освобождение	
13. Наказание за измену: выезд царского сына с Марией Лебедью на прогулку обращение Анны-королевичны к Михайлу Потыку встреча попытка нового обмана искушение Михайлы Потыка предупреждение царской дочери наказание Марии Лебеди и Федора Ивановича	
14. Женитьба Михайлы Потыка на Анне-королевичне	
15. Сказовая формула завершения сюжета	

Былина "Михайло Потык" – единственная в репертуаре Т. Г. Рябинина, которая характеризуется малой устойчивостью сюжета: только 6 мотивов из 43 встречаются в трех записях: поездка в орду, отношение короля и королевны к Михайлу Потыку, появление

Вторая запись П. Н. Рыбникова	Запись А. Ф. Гильфердинга
94–103	
104–109	
110–117	
118–127	
128–131	
132–133	
134–139	
140–142	
143–146	
147–151	
152–155	
156–163	
164–165	
166–173	
174–175	
176–179	
180–183	
184–185	
186–187	57

лебедушки, угроза лебедушке, превращение лебедушки в девушку, обращение и наказ девушки. Для второго и третьего вариантов общими являются еще 5 мотивов: приветствие Михайлой Потыком лебедушки, возвращение в Киев, крещение, венчание и сказочная

формула, завершающая сюжет. Мотив приезда Михайлы Потыка к Пучай-реке и мотив желания поохотиться повторяются в первой и третьей записях. Интересно, что совпадающие мотивы различаются степенью разработанности. Например, мотив обращения и наказа девушки в первой записи представлен только одной строкой, которая завершает этот вариант былины:

Проязычила она языком человеческим...⁵⁵

Подробно разработан этот мотив во второй записи:

Говорит-то ему красна девица:
"Михайла Потык сын Иванович!
Не целуй меня, красну девушку:
Есть я роду неверного,
Есть я роду некрещеного.
Когда свезешь на славную святую Русь,
И будем во славном стольно-Киеве,
И сходим во матушку божью церкву,
И доставлишь во верушку крещеную,
Тогда мы с тобой примем золоты венцы,
Тогда меня целуй, красную девушку"⁵⁶.

В третьей записи сохранены почти все элементы мотива, но они даны в ином речевом оформлении:

Говорила-то ему да красна девушка:
— Ты Михайла Потык сын Иванович,
Не целуй-ко ты меня да красной девушки!
А я девушка есть роду-то невернаго,
Да й невернаго есть роду некрещоная.
Ты когда меня сведешь да в стольнё-Киев град,
Да когда доставишь в верушку крещоную,
Да й тогда с тобой мы повенчаемся,
Да й тогда с тобой мы нацёлуемся⁵⁷.

⁵⁵ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. С. 147.

⁵⁶ Там же. С. 148.

⁵⁷ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. С. 111.

Третья запись былины заканчивается исполнением наказа: возвращением в Киев, крещением, венчанием и возвращением домой. Финал этого варианта былины благополучен. Михайло Потык и Марья Лебедь возвращаются домой после венчания и начинают счастливую семейную жизнь:

Выходили оны с матушки божьей церкви,
Шли по славному по городу по Киеву,
Во свою-то шли в полату в белокаменну,
Приходили во столову свою горенку,
Стали жить да быть, во век любовь творить⁵⁸.

Вторая запись этой былины содержит в себе, по выражению В. Я. Проппа, трагедию: "...данная песня имеется в двух версиях: в одной все очень благополучно кончается браком, в другой следует трагедия"⁵⁹. По объяснению В. Я. Проппа, "песня не может закончиться браком, как это имеет место у некоторых певцов. Брак героя – обычный конец сказок, но не былин. Былинный сюжет требует продолжения. Браком кончается только первая часть песни, но не вся песня. <...> Канон древнего эпоса требовал, чтобы после женитьбы героя с его женой случилась беда"⁶⁰. Вторая запись былины осложнена ревностью Марии Лебедь, бытовой реакцией героя на это – пьянством, изменой жены:

Усмотрела его молодая жена,
Прекрасная Марья Лебедь Белая,
Стала она да усомлятися,
Что "ездит мой муж по Киеву за б.....ы".
Михайла Потык сын Иванович
Уходил он на царев кабак,
Стал он упиваться в зелено вино.
На тую пору, на времечко
Из той из Литвы из поганоей

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Пропп В. Я. Русский героический эпос. С. 119.

⁶⁰ Там же.

Глава 2

Приехал царский сын Федор Иванович,
Стал он звать за себя Марью Лебедь Белую;
И пошла за него замуж Марья Лебедь Белая⁶¹.

В поединке Михайлы Потыка с прежней женой и ее новым мужем — "татарином поганым, царским сыном Федором Ивановичем" — Потыку помогает "сестра родная, дочь царская, прекрасная Анна-королевична"⁶². Ее мудрость и любовь позволяют герою одолеть врагов:

И взяла-отняла его от стены прикована,
Стала его раночек кровавых заращивать,
Стала его, добра молодца, удабривать
И ввела его во силушку богатырскую,
Во прежнюю храбрость великую.
Царский сын Федор Иванович
Поехал с молодой женой,
С Марьей Лебедью Белою,
По своему по городу погуливати.
А его сестра, дочь царская,
Прекрасная Анна-королевична
Говорит Михайлы Потыку сыну Иванову:
"Михайло Потык сын Иванович!
Поди-тко по нашему по городу:
Где сустигнешь сына царского
Со своей со прежней молодой женой,
Где их сустигнешь, тут и смерти предай"⁶³.

Далее "прекрасная Анна-королевична" предупреждает:

И говорит ему дочь царская:
"Михайла Потык сын Иванович!
Не пей-ка этой чары зелена вина:
Если выпьешь — и сам погинешь, и меня
сгубишь"⁶⁴.

⁶¹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. С. 149.

⁶² Там же. С. 150.

⁶³ Там же. С. 150—151.

⁶⁴ Там же. С. 151.

Заслуживает внимания оригинальная художественная разработка мотива встречи. Сказитель дает выразительное использование приема, который В. Шкловский назвал остранением⁶⁵. Отправив Михайлу Потыка на встречу с прогуливающимися Марьей Лебедью и Федором Ивановичем, прекрасная Анна-королевична

сама за ним вслед пошла засматривать,
Как он насмотрел их, по царству едучись⁶⁶.

Происходит выразительное удвоение видения предмета: герой ищет соперника, героиня наблюдает его поиски.

В примечании к этой записи былины П. Н. Рыбников даёт два отрывка, которые певец припомнил, "пропевши эту старину"⁶⁷. Первый пропуск должен следовать после 57-го стиха: он во многом определяет дальнейшее развитие сюжета в этом варианте. Это мотив установления заповеди:

Принимали они золоты венцы,
Оны заповедь великую покладали между собой:
Который-де из нас впереди помрет,
Живому с мертвым в один гроб леци,
На трое суток времени.

Стали жить да быть, долго здравствовать⁶⁸.

Второй пропуск содержит мотивы исполнения условия, путешествия живого в царство мертвых и наказания жены-колдуны, которые должны размещаться после 81-го стиха:

И сделалась она нездоровая,
И тут она скоро преставилась.
Михайла Потык сын Иванович

⁶⁵ Шкловский В. Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе (1914—1933). М., 1990.

⁶⁶ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. С. 151.

⁶⁷ Там же. С. 495.

⁶⁸ Там же.

Глава 2

Сковал три прута медных и три железных,
Сковал клещи железные
И приказал сколотить домовище великое,
Чтобы в одно домовище двоим лечи.
Говорил Владимир стольно-киевский:
"Михайла Потык сын Иванович!
Зачем берешь с собой три прутика медных,
Три железных и клащи железные?"
Ответ держал Михайла Потык сын Иванович:
"Ради того беру с собой прутья медные
и железные,
И клащи беру железные,
Чтобы к моему ко гробу не плавала змея
подземельная
И не точила бы мого тела белого".
Положили их в одно домовище
И спускали в могилу глубокую.
И ко тоему гробу приплывает змея
подземельная.
Тут Михайла Потык сын Иванович
Берет клащи он железные,
Прихватил тую змею подземельную,
И бил ю прутьями медными,
И бил ю прутьями железными.
И обвернулась она Марьей Белой Лебедью,
И давала заповедь великую
Не делать впредь никаковых пакостей"⁶⁹.

Эти мотивы придают сюжету новый смысл: появляется борьба христианского эпического героя с язычеством, но в записанной былине эти мотивы остались без развития. Неустойчивость сюжета может быть объяснена тем, что данная былина является жанровой адаптацией сказочного сюжета. У сказителя были сложности в согласовании сказочной и былинной поэтики. Эту творческую задачу сказитель разрешал импровизацией, которая дала возможность существова-

---

⁶⁹ Там же. С. 495–496.

вания двух вариантов одного сюжета — счастливого (сказочного) и "трагического" (былинного, особенно если учитывать "пропущенные" места). Варианты былины показывают, что сказочные мотивы освоены другим жанром — былиной.

В целом для исполнительской манеры Т. Г. Рябинина характерна высокая степень устойчивости текста, которая проявляется в полной мере на уровне мотива. Мотив является ведущим фактором стабильности текста. Вместе с тем, когда сюжет становится неустойчивым, неизбежно возникает импровизация.

Эпическая память имеет творческий характер. Она предполагает и сохранение традиции, и индивидуальную импровизацию.

Глава 3

ПОЭТИКА СЮЖЕТА БЫЛИНЫ "ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ"

Борьба со змеем — один из архаичных фольклорных сюжетов, в котором ярко выражены мифологические корни. Он представлен в мифологии и религии многих народов мира, практически во всех эпических традициях, особенно ярко — в христианском предании о Святом Георгии и в таких шедеврах мировой литературы, как "Песнь о Нibelунгах", "Гристан и Изольда", "Повесть о Петре и Февронии" и др.

Змей — один из самых многозначных символов мировой культуры. Определяя символическое значение образа змея, Вяч. Иванов пишет, что змей — "символ, связываемый с плодородием, землей, женской производящей силой, водой, дождем, с одной стороны, и домашним очагом, огнем (особенно небесным), а также мужским оплодотворяющим началом — с другой"¹. В его статье дан широкий обзор мифов и религиозных представлений о змее у народов Европы, Азии, Африки, Америки, Австралии.

Сюжет былины "Добрыня и змей" хорошо и достаточно полно изучен в русской фольклористике. Анализу этого сюжета посвящены работы О. Ф. Миллера, Ф. И. Буслаева, В. Ф. Миллера, А. П. Скафтымова, Н. П. Сидорова, В. Я. Проппа, В. Г. Смолицкого, Б. Н. Путилова, В. Н. Аникина².

---

¹ Иванов В. В. Змей // Миры народов мира: В 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 468.

² Миллер О. Ф. Илья Муромец и богатырство Киевское: Сравнительно-исторические наблюдения над слоевым составом на-

Поэтика сюжета былины "Добрыня и змей"

В ряде работ уделяется большое внимание изучению исторических корней этого сюжета. Так, например, О. Ф. Миллер в сюжете былины видел отражение древнейшего мифа о борьбе солнца с тучами³. Ф. И. Буслаев, не отрицая того, что в основе былины лежит миф, говорит о прямой связи между Добрыней и великомуучеником Георгием⁴. В. Ф. Миллер видел в былине отражение событий, связанных с крещением Руси⁵. В последующем эта точка зрения получила развитие. Так, Н. П. Сидоров говорит о религиозно-византийских символах, используемых в былине⁶.

Сравнительно-исторический анализ былины дан в IV главе книги В. Я. Проппа "Русский героический эпос". Рассматривая русский героический эпос эпохи "развития феодальных отношений", В. Я. Пропп вы-

---

родного русского эпоса. СПб., 1869; *Буслаев Ф. И.* Бытовые слои русского эпоса // Журнал Министерства народного просвещения. 1871. Т. CLIV. Отд. 2; *Миллер В.* Экскурсы в область русского народного эпоса: В 8 т. Т. 2. М., 1892; *Скафтылов А. П.* Поэтика и генезис былин: Очерки. М.; Саратов, 1924; *Сидоров Н. П.* Заметка к былинам о Добрыне-Змееборце: Из стилистических наблюдений // Памяти П. Н. Сакулина: Сб. ст. М., 1931; *Пропп В. Я.* Русский героический эпос. М., 1958; *Смолицкий В. Г.* Былина о Добрыне и змее // Русский фольклор. Л., 1971. Т. XII; *Путилов Б. Н.* Русский и южнославянский героический эпос: Сравнительно-типологическое исследование. М., 1971; *Аникин В. П.* Былины: Метод выяснения исторической хронологии вариантов. М., 1984.

³ *Миллер О. Ф.* Илья Муромец и богатырство Киевское. С. 437.

⁴ *Буслаев Ф. И.* Бытовые слои русского эпоса // Журнал Министерства народного просвещения. 1871. Т. CLIV. Отд. 2. С. 203–239.

⁵ *Миллер В.* Экскурсы в область русского народного эпоса. С. 35.

⁶ *Сидоров Н. П.* Заметка к былинам о Добрыне-Змееборце // Памяти П. Н. Сакулина. С. 259–266.

Глава 3

деляет группу сюжетов "герой в борьбе с чудовищами", среди которых называет былину "Добрыня и змей". Этот сюжет он считает одним из лучших былинных сюжетов, представленных в репертуаре выдающихся сказителей. В. Я. Пропп выявляет исторические изменения в переосмыслении мифических чудовищ. В змее он видит "одно из наиболее ярких воплощений того зла, против которого в раннем русском эпосе ведется борьба"⁷.

Сравнительно-типологический анализ былин о змееборстве в русском и южнославянском героическом эпосе дан Б. Н. Путиловым. Для него змей — "классический фольклорный персонаж, представитель мира, враждебного человеку, таинственного и опасного"⁸. Б. Н. Путилов показывает трансформацию и исторические изменения в представлениях о змее, вскрывает "действительные исторические соотношения между эпическими героями" и обнаруживает "различные исторические пласти в эпической сюжетике"⁹. Говоря о русском эпосе, Б. Н. Путилов отмечает, что "в былине змей, не потеряв своей архаической традиционной сущности, обретает и новую сущность. Старое и новое здесь соседствует, взаимопроникает, контрастирует"¹⁰. В образе змея Б. Н. Путилов выделяет "дуальную конструкцию, возникшую на почве столкновения двух представлений о змее, свойственных двум разным эпохам, которая становится эстетической доминантой для всей былины. Двум главным функциям змея в былине (хозяин воды и похититель людей) соответствуют два постоянных места, с которыми он связан, — река (море) и

⁷ Пропп В. Я. Русский героический эпос. С. 180–181.

⁸ Путилов Б. Н. Русский и южнославянский героический эпос. С. 32.

⁹ Там же. С. 33.

¹⁰ Там же. С. 41.

горы"¹¹. Говоря о былине в целом, Б. Н. Путилов отмечает, что "дуальная система для данной формы сюжета изначальна"¹², она присутствует в характеристике персонажей и в вариантовых описаниях поединков.

Сопоставительному изучению вариантов былины посвящена книга В. П. Аникина "Былины: Метод выяснения исторической хронологии вариантов". Для исследования он выбрал 78 вариантов. В. П. Аникин дает их классификацию "на основе различия идеино-художественного развития традиционного сюжета"¹³.

---

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Исследователь выделяет "три идеино-художественных компонента": сказочный, героико-богатырский и религиозно-духовный, на основе которых он предлагает две версии былинного сюжета — "сказочно-богатырскую" и "сказочную", определяет их историко-хронологическую соотнесенность, дает сопоставительный анализ с духовными стихами и апокрифами (С. 7–164).

Сказочно-богатырская версия состоит из четырех групп:

- первая "характеризуется цельностью и последовательностью сюжетного действия и его внутренних мотивировок: логика сказочного сюжета здесь преобразована в соответствии с геронческой идеализацией богатыря" (С. 104),
- вторая "обнаружила более сильную, чем в первой группе, сказочную трактовку сюжета" (С. 105),
- третья "по характеру сюжета сходна со второй группой, но эта группа вариантов <...> лишена элементов духовно-религиозной трактовки, однако свобода от них не устранила противоречий внутри сюжета" (С. 105),
- в четвертой "заметно стремление освободить сюжет от внутреннего противоречия посредством усиления геронческого начала в рамках сказочного сюжета" (С. 105).

Сказочная версия былины состоит из двух групп:

- первая "не содержит иной трактовки сюжета, кроме сказочной. Эта трактовка так сильна, что поглотила противоречившие ей в первой версии элементы богатырской и духовно-религиозной трактовки сюжета" (С. 106),
- вторая "отличается от первой только тем, что удержала в

Глава 3

Таким образом, многие формально-поэтические и непосредственно содержательные аспекты семантики былинного действия "Добрыни и змея" уже освещены в фольклористике. Однако ряд вопросов еще остается нерешенным. К их числу относится и вопрос о поэтике сюжета в конкретной эпической традиции. Обратимся к этой проблеме.

Мы уже выяснили, что мотив структурен, функционален, вариантен, представляет собой образную целостность, является "простейшей повествовательной единицей" сюжета, а сам сюжет — "сложной схемой" или "комплексом мотивов". Попытаемся с этой точки зрения проанализировать сюжет былины "Добрыня и змей" в эпической традиции Рябининых-Андреевых. В определении сюжета былины нет проблем: все однозначно понимают его как борьбу героя со змеем. Проблема состоит в том, что обычно большое внимание уделяется разделению сюжета на две части: первый и второй поединок Добрыни со змеем, и, как следствие, некоторыми исследователями дается обособленный анализ двух частей одного

себе более или менее сильные элементы духовно-религиозной трактовки сюжета и тем самым сохранила противоречия между общей сильной сказочной трактовкой действия и осмыслением отдельных положений и действий в религиозном духе" (С. 106).

Классификация, предложенная В. П. Аникиным, вызывает, на наш взгляд, возражение. Прежде всего в ней нет общего принципа: категории "сказочное", "героико-богатырское" и "религиозно-духовное" — все это явления разного эстетического порядка, и именно поэтому она бессистемна. Варианты былин в этой классификации настолько перетасованы, что теряется не только их эстетическое качество, но и художественная целостность. В одном сюжете, как правило, представлены разные с "историко-хронологической" точки зрения "компоненты", и при отсутствии художественной "чистоты" предложенная В. П. Аникиным классификация может быть только умозрительной, не учитывающей концепцию сюжета А. Н. Веселовского.

и того же сюжета. Так, определяя композиционные типы былин и соответствующие типы героев, Ю. И. Юдин рассматривает первую и вторую части былины "Добрыня и змей" в разных разделах второй главы книги "Героические былины". Первую часть былины он относит к композиционному "типу случайных дорожных встреч и приключений"¹⁴, вторую — к "сюжетам композиционного типа поездки с поручением князя или похода"¹⁵.

Поводом для такого восприятия сюжета былины было представление о двухчастном сюжете как контаминации, а также разделение сюжета во втором, третьем и четвертом поколениях эпической традиции сказителей Рябининых-Андреевых: "Распадение композиции на две части, как бы отдельные главы повествования, причем каждая имеет свою завязку и развязку, привело к тому, что некоторые сказители стали даже исполнять эти части, как отдельные былины, под заглавиями: «Первый бой Добрыни со змеем» и «Второй бой Добрыни со змеем»¹⁶. Контаминация если и была, то произошла давно, и самые ранние записи былины, сделанные в разных регионах России, дают именно двухчастный сюжет (например, превосходная запись двухчастного сюжета представлена в сборнике Кирши Данилова). Исходя из сказанного выше будем рассматривать сюжет былины как двухчастный.

Работ, в которых бы анализировались мотивы былины "Добрыня и змей", нет. Вместе с тем можно встретить эпизодические выделения мотивов. Так, например, В. Я. Пропп говорит о "мотиве пленения

---

¹⁴ Юдин Ю. И. Героические былины. С. 36.

¹⁵ Там же. С. 53.

¹⁶ Астахова А. М. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948. С. 343.

Глава 3

змеем людей" и "мотиве освобождения пленных"¹⁷, но не выделяет другие мотивы. Ряд мотивов отмечен в указателе Л. А. Астафьевой, но ее классификация фрагментарна и бессистемна из-за отсутствия единого принципа определения и нерасчлененности значений категорий "мотив", "сюжетная ситуация", "повествовательное звено" (вариант: "сюжетное звено")¹⁸.

Один из традиционных эпических мотивов – происхождение героя. С него начинаются многие былины и мифы разных народов. Родословие открывает такие известные тексты, как священная история человечества в книге "Бытие" (V, 1–32), другие книги Ветхого Завета, Евангелия от Матфея (I, 1–17), входит в состав Евангелия от Луки (III, 23–38). Обычно, прежде чем представить героя, называют всех его предков. В сюжете былины "Добрыня и змей" мотив происхождения героя имеет важное значение: с него начинаются почти все былины о первом или о двух поединках Добрыни со змеем. Этот мотив по-разному разрабатывается сказителями. Примером подробной разработки мотива может служить начало былины "Добрыня купался – змей унес" из сборника Кирши Данилова:

Доселе Резань она селом слыла,
А ныне Резань словет городом,
А жил во Резани тут богатый гость,
А гостя-та звали Никитою,
Живучи-та, Никита состарелся,
Состарелся, переставился.
После веку ево долгова
Осталось житье-бытье богатство,
Осталось ево матера жена

---

¹⁷ Пропп В. Я. Русский героический эпос. С. 203.

¹⁸ Астафьева Л. А. Указатель мотивов, сюжетных ситуаций и повествовательных звеньев богатырских былин // Фольклор: Проблемы историзма. М., 1988. С. 200–229.

Поэтика сюжета былины "Добрыня и змей"

Амелфа Тимофеевна,
Осталось чадо милая,
Как молоды Добрынушка Никитич млад.
А и будет Добрыня семи годов,
Присадила ево матушка грамоте учиться,
А грамота Никите в наук пошла,
Присадила ево матушка пером писать.
А будет Добрынушка во двенадцать лет,
Изволил Добрыня погулять молодец
Со своею дружиною хоробраю
Во те жары петровские¹⁹.

Сжатая разработка мотива представлена в сборнике под редакцией В. Ф. Миллера "Старина про Добрыню Микитьевича":

Оставалось у Микиты все житье—бытье,
Все житье—бытье осталось имение,
Все имение осталось малу детищу,
А по имени Добрынушке Микитьевичу²⁰.

В эпической традиции Рябининых—Андреевых этот мотив разработан по-разному. У Т. Г. Рябинина он представлен в десяти стихах:

Да й спородила Добрыню родна матушка
Дай возrostила до полного до возраста;
Стал молоденькой Добрынушко Микитинец
На добром коне в чисто поле поезживать,
Стал он малых змеенышев потаптывать.
Приезжал Добрыня из чиста поля,
А й сходил-то как Добрынушка с добра коня
И он шел в свою полату в белокаменну,
Проходил он во столову свою горенку,
Ко своей ко родною ко матушке²¹.

---

¹⁹ Добрыня Никитич и Алеша Попович / Изд. подг. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1974. С. 25.

²⁰ Там же. С. 44.

²¹ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. С. 54.

Глава 3

Мотив происхождения героя у И. Т. Рябинина представлен в одиннадцати стихах:

Воспородила Добрыню родна матушка,
Ды й возrostила й до полново до возрасту.
И молодой Добрынушка Микитинец
Был удаленькой дуродный добрый молодец;
То он ездил в поле за охотою,
Он стрелял там в поли гусей-лебедей,
И стрелял серых перелетных утенышков,
И он проездил-то в раздольици в чистом поли,
И во чистом поли ды на добром кони,
А й ще целый день с утра и до вечера.
Тут проездел та й Добрынушка по другой раз...²²

Разработку этого же мотива в восьми стихах можно обнаружить в былине "Первый бой Добрыни со змеем" у И. Г. Рябинина-Андреева:

Как спородила ль Добрыню родна матушка,
А возrostила й до полного й до возрасту.
Молодой Добрынушка Мекитинец
Разудалый дуродний был он молодец,
А ездил в раздольице в чисто поле
А он в поле ездил за охотою.
Как проездил молодец по день поры
А проездил молодец по другой день²³.

А у П. И. Рябинина-Андреева этот же мотив выражен всего в шести стихах:

Как спородила й Добрынию родна й матушка,
Да й возrostила да й до полного да й возраста.
Молодой Добрынушка Микитинец
Он охоч был ездить в поле й за охотою,
Да й стрелять он в поле гусей-лебедей,
Серых малых перелетных утенышей²⁴.

²² Ляцкий Е. Сказитель И. Т. Рябинин и его былины // Этнографическое обозрение. 1894. Кн. 23. Вып. IV. С. 140–141.

²³ Былины И. Г. Рябинина-Андреева. Петрозаводск, 1948. С. 117.

²⁴ Онежские былины // Летописи. М., 1948. Т. 13. С. 449.

Из сказанного следует, что разработка мотива во многом зависит от сказителя. Возможно ли объединение нескольких мотивов в одном? Да, это может быть вызвано контаминацией мотивов, неразработанностью некоторых из них или включением одних мотивов в состав других.

Мотив структурен: в его состав входят родословие героя, молодецкие забавы Добрыни и его возвращение к матери. Родословие героя у Рябининых-Андреевых обладает устойчивой формульностью. Это единственное двустишие, которое с незначительными вариациями сохраняется у всех сказителей:

Да ѹ (как) спородила Добрыню родна матушка
Да возrostила до полного до возраста.

Мотив вариантен: за редким исключением дословные совпадения незначительны. В данном случае это особенно наглядно в развитии мотива молодецких забав (и очевидно в других случаях). В целом мотив происхождения героя функционален: он не только представляет героя, но и вводит слушателя в развитие действия (молодецкие забавы и возвращение к матери).

Особая проблема — развитие мотива, его "сокращение" и "расширение". Возможно и объединение нескольких мотивов в одном, и разложение одного мотива на ряд составляющих.

Обычный тип связи мотивов в сюжете — сочинение (последовательное соединение), но в образной нерасчленимости мотивов может возникать и подчинение, которое проявляется в иерархии мотивов. Например, иерархия мотивов легко обнаруживается в изображении второго поединка Добрыни со змеем. В состав былины, записанной от Т. Г. Рябинина, входят такие мотивы, как сборы, прощание с матерью, выезд, возвращение Добрыней о своем приезде в чисто поле, заминка коня, выявление чудесных свойств ко-

ня и одоление змеенышей, снаряжение для поединка, проникновение в "норы змеиные", обнаружение полона, нахождение Забавы и змея, обращение к Забаве, вызов змея на поединок, упрек Добрыни. В варианте былины, записанной от Леонтия Гавриловича Тупицына в г. Барнауле²⁵, в состав второго боя Добрыни со змеем входят мотивы: выезд в чисто поле, прилет змея, угроза змея Добрыне, поединок Добрыни со змеем, освобождение княгини Апраксии. В варианте, записанном от И. Г. Рябинина-Андреева, в эпизоде второго поединка Добрыни со змеем представлены такие мотивы, как выезд Добрыни в чисто поле, возвешение Добрыней о своем появлении, одоление змеенышей и выявление богатырской моши коня, снаряжение для поединка, проникновение в нору змеиную и преодоление препядствий, обнаружение полона, обнаружение змея и Забавы Путятичны, обращение к Забаве, вызов змея и ответный вызов Добрыни.

Как видно из вышесказанного, в состав общего мотива второго поединка Добрыни со змеем входит достаточно много мотивов. Между главным мотивом и его составляющими возникают иерархические отношения. Анализ сюжета по мотивам показывает, что наполнение общего мотива составляющими может быть разным.

Поскольку мотив структурен, он, как правило, разлагается на ряд действий. Он может быть выражен в одной фразе, а может быть разработан подробно — разложен на ряд последовательных действий. Например, в записи Т. Г. Рябинина мотив выезда Добрыни в чисто поле представлен двумя стихами:

То молоденькой Добрынюшка Микитинец
Он поехал по роздольицу чисту полю²⁶.

---

²⁵ Добрыня Никитич и Алеша Полович. С. 28–37.

²⁶ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. С. 64.

Поэтика сюжета былины "Добрыня и змей"

А в записи Ивана Фепонова в сборнике Гильфердинга он представлен в девяти стихах и может быть разложен на составляющие его действия:

А й садился-то Добрыня на добра коня.
Этта видли добра молодца ведь сядучись,
А й не видли ведь удалого поедучись.
Поезжает он дороженьку-ту ведь дальнюю,
Приезжает-то Добрынюшка скорым-скоро,
Становил коня да во чистом поли
И он вязал коня да ко сыру дубу,
Сам он выходил на тое ли на место на условное²⁷.

Или, допустим, у Т. Г. Рябинина — формула движения в пути:

Еще день за день как будто дождь дожжит,
Да й неделя за неделю, как река, бежит:
То он в день едет по красному по солнышку,
А он в ночь едет по светлому по месяцу²⁸.

Сокращенный вариант формулы движения в пути записан от И. Т. Рябинина:

А ще й день за день и будто й дождь дожжит,
И та неделька за недельку што река бежит²⁹.

У И. Г. Рябинина-Андреева формула движения также представлена в сжатом виде:

Он ведь едет раздольицем чистым полем
Кортает путь-дорогу во чистом поли³⁰.

За такой разработкой мотива стоят индивидуальные склонности, поэтический дар каждого сказителя.

Говоря о сюжете былины "Добрыня и змей", необходимо отметить, что многие мотивы обладают эпической этикетностью: сборы, совет с матерью перед поединком, отъезд Добрыни в "чисто поле".

---

²⁷ Там же. Т. 1. С. 547.

²⁸ Там же. Т. 2. С. 56.

²⁹ Ляцкий Е. Сказитель И. Т. Рябинин и его былины // Этнографическое обозрение. 1894. Кн. 23. Вып. IV. С. 142.

³⁰ Былины И. Г. Рябинина-Андреева. С. 68.

Структура мотива иерархична. Есть главные и подчиненные мотивы. В разных записях один и тот же мотив может быть и главным, и второстепенным. Состав главных и второстепенных мотивов в каждой записи сюжета индивидуален, но сохраняет тенденцию к устойчивости в рамках одной эпической традиции.

Результаты анализа поэтики сюжета былины "Добрыня и змей" могут быть представлены в виде таблицы. В первой колонке даны главные и подчиненные мотивы. Под цифрами указаны главные мотивы, которые являются ведущими (или "порождающими") в данном сюжете и в полной мере обладают

признаками мотива по Веселовскому — имеют об разную целостность и завершенность. Многие из этих мотивов имеют свои составляющие — подчиненные мотивы. Они могут быть более или менее разработанными. В вариантах былины, записанных от других сказителей, встречается и более полная и обстоятельная разработка этих мотивов, но в эпической традиции Рябининых-Андреевых их состав именно таков. Во второй, третьей, четвертой и пятой графах указаны пронумерованные стихи в записях былины от Т. Г. Рябинина, И. Т. Рябинина, И. Г. Рябинина-Андреева, П. И. Рябинина-Андреева, которые определяют границы мотивов. Свободные позиции означают отсутствие мотива в записи от данного сказителя.

Мотивы	Т. Г. Рябинин
1. Происхождение героя:	
родословие	1–2
молодецкие забавы	3–5
возвращение к матери	6–10
2. Запрет матери:	
обращение к Добрыне	11–13
запрет	14–29
3. Нарушение запрета:	
ослушание	30–33
сборы в "чисто поле"	34–46
выезд	47–48
приезд в "чисто поле" или в горы	49–50
"охота" Добрыни	51–54
путь к Сорочинским горам	55–61
топтанье змеенышей	62–64
заминка коня и ее преодоление	65–67
возвращение в Киев	68–76

И. Т. Рябинин	И. Г. Рябинин-Андреев	П. И. Рябинин-Андреев
1–4 5–11	1–2 3–8	1–2 3–6
12–18 19–39		7–8 9–18
40–41 42–48 49 50–52 53–56 57–64 65–68, 74–79 69–73 80–85		19–20 21–41 42–48 49 50 51–54, 59–64

Мотивы	Т. Г. Рябинин
воспоминание о запрете матери поездка на Пучай-реку	77–79
приезд	80–84
купание:	
"охота" Добрыни	85–88
и исполнение желания	89–97
совет девушек	98–102
ответ Добрыни	103–108
4. Первый поединок Добрыни со змеем:	
появление змея	109–117
угроза змея	118–126
возвращение на "свой" берег	127–131
воспоминание о материнском запрете	132–139
нападение змея	140–144
отсутствие оружия	145–154
обнаружение оружия	155–157
нанесение удара	158–160
падение змея	161–167
5. Победа (первая):	
мольба змея о пощаде	168–176
и предложение уговора	177–182
заключение договора	183–187
обряжение в праздничные одежды	188–191
6. Похищение Забавы Путятиной	192–196
7. Возвращение в Киев	197–210
8. Пир у князя Владимира:	
хождение Добрыни по пирам	211–215
обращение князя Владимира с поручением	216–228
молчание богатырей	229–232
снаряжение посольств	
Михайло Потыка и Ильи Муромца	233–254

И. Т. Рябинин	И. Г. Рябинин– Андреев	П. И. Рябинин– Андреев
86–88		55–58
89–90		65–69
		70–72
		73–75
91–95		76–83
96–106		84–89
107–110		90–96
111–121		
		97–101
122–126		102–110
127–134		119–120
151–154, 159		
		116–118
135–150		111–115
155–158		121
160		122
161–162		123–126
163–167		127–131
168–172		
		132–139
173–184		140–144
185–192		153–156
193–197		
198–199		145–152
200–211		
212–238		157–170
		9
		10–28
		29–36
		87–107

Мотивы	Т. Г. Рябинин
9. Поручение:	
совет Алеши Поповича	255–269
поручение	270–283
кручина Добрыни	
и возвращение домой	284–294
10. Совет Добрыни с матерью:	
вопрос матери	295–301
ответ Добрыни	302–318
совет матери	319–322
исполнение совета	323–326
11. Второй поединок Добрыни со змеем:	
сборы	327–344
прощание с матерью	345–353
выезд	354–361
возвращение о приезде	362–364
заминка коня	365–367
выявление чудесных свойств	
коня и одоление змеенышей	368–386
снаряжение для поединка	387–398
проникновение в "норы змеиные"	399–406
обнаружение полона	407–416
нахождение Забавы и змея	417–419
обращение к Забаве	420–427
вызов змея	428–440
упрек Добрыни	441–446
12. Победа (окончательная):	
увод Забавы	447–449
освобождение "полонов"	450–457
магическое запирание змея в норе	
13. Возвращение Добрыни в Киев	458–469
14. Финальная формула завершения сюжета	470

И. Т. Рябинин	И. Г. Рябинин– Андреев	П. И. Рябинин– Андреев
	37–61 62–86 108–115	
	116–123 124–143 144–150 151–155	
	156–184 185–193 194–196 197–199 200–204	
	205–217 218–225 226–235 236–240 241–244 245–250 251–254 255–264	
	265–280	
	281–288	
	289–308	
239	309	171

В результате анализа сюжета можно выделить устойчивые (или ведущие) мотивы: происхождение героя, запрет матери, нарушение запрета матери, первый поединок Добрыни со змеем, первая победа Добрыни над змеем, похищение Забавы Путятичны, возвращение в Киев, пир у князя Владимира, поручение Владимира, совет Добрыни с матерью, второй поединок Добрыни со змеем, вторая (окончательная) победа Добрыни над змеем, возвращение Добрыни в Киев, финальная формула завершения сюжета. Ведущие мотивы представлены у всех Рябининых-Андреевых. Они обязательны почти во всех записях былины от других сказителей и характеризуют сюжет былины "Добрыня и змей". В таблице показана также и структура мотивов, особенно таких, как происхождение героя, запрет матери, нарушение запрета, первый поединок Добрыни со змеем, первая победа Добрыни, пир у князя Владимира, поручение князя, совет Добрыни с матерью, второй поединок Добрыни со змеем, окончательная победа Добрыни.

Составляющие мотивы могут становиться ведущими, это зависит от того, какое значение им придает сказитель. Сравнительный анализ вариантов позволяет выявить высокую степень сохранения составляющих мотивов в эпической традиции, но это творческое сохранение: порождающие мотивы у каждого сказителя получают разное воплощение.

Изменения последовательности мотивов незначительны. Так, в разной последовательности располагаются мотив воспоминания о запрете матери купаться в Пучай-реке и мотив нападения змея на Добрыню. Иногда это вызвано разделением сюжета на две части. Например, в мотиве пира у князя Владимира в записи И. Г. Рябинина-Андреева происходит перестановка мотивов снаряжения посольств Михайло Потыка и Ильи Муромца и совета Алеши Поповича,

Поэтика сюжета былины "Добрыня и змей"

в которых дается краткий пересказ содержания первой части былины (первый поединок Добрыни со змеем).

Функция у мотивов может быть разная. Так, например, переосмыслен мотив поручения в записи от И. Г. Рябинина-Андреева. Традиционное словесное обращение князя Владимира к Добрыне сказитель заменяет выразительным и знаменательным жестом: князь Владимир подносит Добрыне "чарочку", которую герой принимает и тем самым соглашается исполнить поручение князя. По-разному осмысливался и мотив заминки коня. Издревле это предвестие злых и враждебных человеку сил. В этом сюжете он предвещает появление змея. П. И. Рябинин-Андреев переосмыслил этот мотив как нанесение ущерба герою:

А ведь эти малы лютые змееныши
Подточили Добрынино добро копьё,
Ему резвы ноженьки по щеточкам...³¹

Здесь заминка коня — признак его усталости от ратных подвигов. Добрыня вспоминает о совете матери и преодолевает "заминку" коня с помощью магических средств:

Там берет он в руку плеточку шелковую,
А он бил коня сперъва между ушей,
А потом меж ноги, ноги задния,
А он бил коня, сам приговаривал:
— "Ай ты, волчья сыть, ты, травяной мешок!
Ты везти не хошь али итти не мошь?..."
У Добрыни добрый конь да стал поскакивать,
Стал от ног змеенышней отряхивать³².

С творческим переосмыслинением мотива окончательной победы связано появление нового составляющего мотива запирания Добрыней змея в норе, что

³¹ Онежские былины // Летописи. Т. 13. С. 450.

³² Там же.

Глава 3

произошло в варианте И. Г. Рябинина-Андреева, где этот мотив предстает магическим обрядом, состоящим из трех действий: запирания "дверьми железными", "запорами медными" и своим словом:

А теперь ты, змеище, ведь там сиди.
Не бывать тебе, змеи, да й на белом свети.
Не видать тебе, змeya, да света белого,—
Не видать тибе да солнца красного³³.

Предложенный анализ поэтики сюжета былины позволяет подойти к решению одной из важнейших задач исторической поэтики — "определить роль передания в процессе личного творчества"³⁴, т. е. роль индивидуального и традиционного в сохранении эпических преданий, а также выяснить, каким образом мотивы приобретают новые художественные смыслы.

---

³³ Былины И. Г. Рябинина-Андреева. С. 70–71.

³⁴ Веселовский А. Н. Поэтика сюжетов. С. 300.

Глава 4

ПОЭТИКА СЮЖЕТА БЫЛИНЫ "ВОЛЬГА И МИКУЛА"

Сюжет былины "Вольга и Микула", по признанию многих исследователей, оригинален и принадлежит к числу редких. Он распространен в основном на территории Обонежья. Известны публикации семнадцати вариантов этой былины. Исследованию былины "Вольга и Микула" посвящены работы М. Н. Сперанского, В. Я. Проппа, Ф. М. Селиванова, Д. М. Балашова, Т. А. Бернштам и многих других¹.

Первые исследователи былины обратили внимание на тождественность образов Вольги и Волха. Так, М. Н. Сперанский писал, что "обе былины в настоящем виде представляют каждая уже результат сводки (контаминации) нескольких когда-то отдельно существовавших песен: о хитром, необыкновенном охотнике, о поездке богатыря и завоевании им чужого царства, песни о чудесном пахаре, рассказ о необыкновенном рождении богатыря, может быть навеянный желанием дать начало жизнеописанию

---

¹ Сперанский М. Н. Вольга (Волх) и Микула // Русская устная словесность: В 2 т. М., 1919. Т. 2. С. 3–6; Пропп В. Я. Русский героический эпос. М., 1958. С. 374–387; Селиванов Ф. М. Сюжет и композиция былин о Вольге (Волхе) // Вестник МГУ: Филология. Серия X. М., 1969. № 3. С. 30–41; Балашов Д. М. Из истории русского былинного эпоса ("Потык" и "Микула Селянинович") // Русский фольклор: Социальный протест в народной поэзии. Л., 1975. Т. XV. С. 27–54; Бернштам Т. А. "Ай же ты, великий оратаюшка" // Фольклор и этнографическая действительность. СПб., 1992. С. 119–128.

Глава 4

чудесного охотника"². М. Н. Сперанский возводит происхождение Вольги "к известному по летописным преданиям князю Олегу «вещему» (т. е. мудрому, хитрому); основой этого сближения служило, может быть, сходство типов князя Олега, уже давно попавшего в предание именно с чертами «вещего», и хитрого, необыкновенного охотника; может быть, была и еще большая аналогия: о грандиозных «ловах» Олега (и его эпического двойника княгини Ольги) были также сказания, как можно заключать по летописным преданиям: это сходство типов и преданий и дало имя первоначально безымянному охотнику. От этих сказаний об Олеге идет наслаждение и дальнейшее: Вольга—охотник получает черты князя—дружиинника, ездящего собирать дань — «полюдие», каковым он является в песне о встрече с чудесным пахарем. Таким образом, на этой почве же произошла контаминация песни об охотнике с песней о князе—дружииннике, собирающем дань и встречающемся с Микулой"³. Точка зрения М. Н. Сперанского на былину "Вольга и Микула" как контаминацию двух сюжетов считается общепринятой⁴.

Большинство современных фольклористов рассматривают эту былицу в социально—политическом аспекте. Наиболее полно он разработан В. Я. Проппом в книге "Русский героический эпос". Отрицая мифологическую и вульгарно—социологическую интерпретации былицы, В. Я. Пропп считал, что наиболее точно былица проанализирована М. Горьким, который "видел, что народный смысл былицы состоит в

² Сперанский М. Н. Вольга (Волх) и Микула // Русская устная словесность. Т. 2. С. 3.

³ Там же.

⁴ См.: Черняева Н. Г. Примечания // Русские эпические песни Карелии. Петрозаводск, 1981. С. 264—265.

Поэтика сюжета былины "Вольга и Микула"

противопоставлении пахаря и князя"⁵. В. Я. Пропп понимал Вольгу как "ярко выраженный образ феодала-крепостника, отправляющегося выжимать из своих подчиненных «получку», как "воплощение насилия и порабощения"⁶. В образе Микулы олицетворен идеал крестьянского труда. По мнению В. Я. Проппа, "основной смысл песни состоит в противопоставлении крестьянина князю, в посрамлении князя и возвеличивании крестьянина. <...> Содержанием песни служит осуждение феодального князя, крупного землевладельца и властителя"⁷.

Анализу былины в социально-политическом аспекте посвящена статья Ф. М. Селиванова "Сюжет и композиция былин о Вольге (Волхе)". Соглашаясь с тезисом М. Н. Сперанского, что Вольга и Волх — один и тот же эпический герой, Ф. М. Селиванов видел отличие сюжета о Вольге и Микуле от сюжета о чудесном охотнике Вольге (Волхе) и его походе в Индейское царство в том, что Вольга "переместился на отрицательный полюс"⁸. В основе же сюжета Ф. М. Селиванов видит "противопоставление в социальном плане: человек, связанный с трудом, с землей, с народом, неизмеримо выше князя, того самого князя, который когда-то затмил солнце"⁹.

Несогласие с рядом положений В. Я. Проппа, которых придерживается Ф. М. Селиванов, выразил Д. М. Балашов. Так, отрицая тезис В. Я. Проппа о противопоставлении в былине князя и мужика, он рассматривает Вольгу и Микулу как воплощение

⁵ Пропп В. Я. Русский героический эпос. С. 375.

⁶ Там же. С. 378.

⁷ Там же. С. 387.

⁸ Селиванов Ф. М. Сюжет и композиция былин о Вольге (Волхе) // Вестник МГУ: Филология. Серия X. М., 1969. № 3. С. 40.

⁹ Там же.

Глава 4

двух культурных предков разных времен¹⁰. Оспаривая тезис В. Я. Проппа о возвеличивании крестьянского труда, Д. М. Балашов дает другую интерпретацию текста. Исследователь пишет: "Он (Микула. — О. З.) пашет один — ибо он тот, кто изобрел пахоту. Он собирает урожай один — ибо учит всех этому занятию. Он поит всех один — ибо прочие еще не умеют делать хмельной напиток"¹¹. Д. М. Балашов писал, что Вольга "тут моложе, ибо он прикреплен уже к Киевскому княжескому дому и, возможно, конкретным деятелям русской истории, например вещему Олегу"¹². Микула же — "податель земледелия, «селянинович», т. е. глава сельской пашенной Руси"¹³. Далее Д. М. Балашов возводит образ Микулы Селяниновича к "герою-предку народа-землепашца"¹⁴.

Одним из последних исследований былины "Вольга и Микула" является статья Т. А. Бернштам, в которой анализируются этногеографическая характеристика распространения текста, сказители былины и ее изводы, сюжет произведения¹⁵. В сюжете былины Т. А. Бернштам выделяет следующий блок мотивов, характерных для Т. Г. Рябинина:

- "1 Рождение — мужание Вольги
- 2 Сбор Вольгой дружины
- 3 Владимир жалует Вольгу тремя городами
- 4 Вольга слышит оратая — три дня не может догнать
- 5 Описание пахоты (и кобылы)

¹⁰ Балашов Д. М. Из истории русского былинного эпоса ("Потык" и "Микула Селянинович") // Русский фольклор: Социальный протест в народной поэзии. Т. XV. С. 49.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 53.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 54.

¹⁵ Бернштам Т. А. "Ай же ты, великий оратаюшка!" // Фольклор и этнографическая действительность. С. 119–122.

Поэтика сюжета былины "Вольга и Микула"

- 6 Описание сохи
- 7 Вольга говорит о цели поездки
- 8 Микула рассказывает о поездке за солью и драке с мужиками
- 9 Приглашение Вольги ехать вместе
- 10 Микула опасается за брошенную соху
- 11 Дружина не может поднять соху
- 12 Микула забрасывает соху
- 13 Состязание в скачке: диалог о кобыле Микулы
- 14 Вольга спрашивает об имени-отчестве Микулы
- 15 Ответ Микулы: снимет урожай — наварит пива — угостит мужиков — они его славят¹⁶.

По мнению Т. А. Бернштам, "постоянные мотивы у всех сказителей — 5, 7, 8, 15"¹⁷, а "неустойчивые — отношения Вольги и Микулы, а также их «предыстории». Например. Мотивы 10 — 12 («испытание сохой»): Микула сам «распрягает» и оставляет соху (в одной из поздних версий Трофима Рябинина); за соху опасается Вольга или он же ее и «закидывает за ракитов куст» (П. И. и К. Г. Рябинины-Андреевы); у Касьянова-сына и Аксенова этих мотивов нет. Мотив 13 («состязание в скачке»): у Ряб.-Андр., Касьянова-сына, Пашковой и Ледкова мотива нет. Мотивы 16 — 18 (концовка И. А. Касьянова): Микула бросает «крестьянствование» и уезжает с Вольгой «в города» или оставляет его по дороге в скачке (оба Касьяновы, Аксенов, Денисов, Захаров, Ледков); «они купили соли и чего-то» (К. Г. Рябинин-Андреев)¹⁸. Автор также ставит и обсуждает вопросы о том, кто такой Микула, зачем он пашет "таку пашню великую" и как истолковать его имя "Микула"¹⁹.

---

¹⁶ Там же. С. 122.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 123.

¹⁹ Там же. С. 123—126.

Вместе с тем количество постоянных мотивов не ограничивается теми, которые называет Т. А. Бернштам. Вообще, можно сказать, что Т. А. Бернштам выделяет блок мотивов, который недостаточно полно характеризует сюжет былины, не раскрывает сложные структурные взаимоотношения отмеченных мотивных единиц. Не указаны некоторые постоянные мотивы, характеризующие сюжет былины. Так, например, совершенно утрачены главные мотивы: состязание в богатырской силе, состязание конями и словесное состязание Вольги и Микулы.

Мотивы	Т. Г. Рябинин
1. Происхождение героя: родословие мужание Вольги	1–4 5, 13
2. "Охота" Вольги приобрести чудесную мудрость: желание неосуществимость желания исполнение желания	6–9 10–12
3. Дарение князем Владимиром трех городов	17–22
4. Сбор дружины	14–16
5. Выезд за данью	23–25
6. Выезд в чисто поле	26
7. Появление оратая: обнаружение оратая поиск оратая появление оратая: действия оратая орудия труда	27–30 31–39 40–45 46–48

В анализе сюжета былины от П. И. Рябинина-Андреева отсутствует мотив, который Т. А. Бернштам называет так: "за соху опасается Вольга или он же ее и «закидывает за ракитов куст»". Т. А. Бернштам делает непонятное замечание, говоря, что мотива "состязание в скачке" у Ряб.-Андр. <...> нет", хотя этот мотив есть в сюжете у всех представителей эпической династии Рябининых-Андреевых.

В приводимой ниже таблице предлагается другая схема сюжета "как комплекса мотивов".

И. Т. Рябинин	И. Г. Рябинин- Андреев	П. И. Рябинин- Андреев
1–4 5, 13	1–4 5, 13	1–5 6
6–9 10–12	6–9 10–12	17–20
14–20 21–24	14–19 20–23	11–16 7–10
25–26		
27–29	24–26	21–22
30–34 35–48	27–30 31–45	23–26 27–35
49–50, 54–56 51–53	46–53	36–42 43–45

Мотивы	Т. Г. Рябинин
8. Диалог:	
приветствие Вольги	49–52
ответ ората и вопрос о цели	
путешествия	53–58
ответ Вольги	59–63
похвальба ората	64–75
приглашение ората ехать вместе	76–79
9. Сборы ората	80–84
10. Отъезд Вольги с дружиной и ората в чисто поле,	85–87
11. Состязание в богатырской силе:	
просьба	88–100
испытание пяти богатырей	101–107
первое посрамление	108–114
обращение пяти богатырей к оратаю	
испытание десяти богатырей	115–118
второе посрамление	119–125
возвращение к Вольге	
обращение десяти богатырей к оратаю	
испытание всей дружины	126–130
третье посрамление	131–136
возвращение к Вольге	
обращение всей дружины	
испытание Вольги	
посрамление Вольги и дружины	
возвращение Вольги к оратаю	
обращение Вольги к оратаю	
победа ората в состязании:	
упрек дружине	137–144
демонстрация силы	145–151
12. Состязание конями	
и победа ората:	
выезд в чисто поле	152–157
помахивание Вольги колпаком	158–159
обращение Вольги	160–161

И. Т. Рябинин	И. Г. Рябинин– Андреев	П. И. Рябинин– Андреев
57–61	54–55	46–48
62–69		49–52
70–75		53–58
76–89		59–66
90–93		67–68
94–96		69–70
97–98		71–72
99–112		73–81
113–118		82–83
119–125		84–87
126–131		88–93
132–138		94–96
139–141		97–100
142–149		101
		102–107
		108–113
		114–121
		122
		123–125
		126–131
		132–136
		137
		138–142
150–155		143–145
156–163		146–151
164–167		152–154
168–169		155–156
170		157–158

Мотивы	Т. Г. Рябинин
ответ оратая остановка оратая, Вольга нагоняет оратая	
13. Словесное состязание: обращение Вольги словесная победа оратая	162–165 166–171
14. Открытие имени победителя: обращение и вопрос Вольги ответ оратая: представление героя в крестьянском труде называние имени	172–175 176–182 183–184

При анализе былины можно выделить следующие устойчивые мотивы: происхождение героя, "охота" Вольги приобрести чудесную мудрость, дарение князьем Владимиром трех городов, сбор дружины, выезд за данью, выезд в чисто поле, появление оратая, разговор Вольги и оратая, сборы оратая, отъезд Вольги с дружиной и оратая в чисто поле, состязание в багатырской силе, состязание конями и победа оратая, словесное состязание и открытие имени героя. Эти мотивы представлены почти у всех сказителей эпической традиции Рябининых–Андреевых.

В эпической династии Рябининых–Андреевых в первых трех поколениях почти дословно совпадают мотивы происхождения героя и "охоты" Вольги приобрести чудесную мудрость. Начало былины в записи от Т. Г. Рябина выглядит так:

Жил Святослав девяносто лет,
Жил Святослав да переставился.
Оставалось от него чадо милое,
Молодой Вольга Святославович.
Стал Вольга ростеть матереть,
Похотелся Вольги да много мудростей:

И. Т. Рябинин	И. Г. Рябинин– Андреев	П. И. Рябинин– Андреев
		159
171		160–163
172–175 176–180	56–59 60–65	164–167 168–173
181–184		174–177
185–190 191–192		178–183 184–185

Щукой рыбую ходить Вольги во синих морях,
Птицей соколом летать Вольги под оболоки,
Волком и рыскать во чистых полях.
Уходили–то все рыбушки во глубоки моря,
Улетали все птички за оболоки,
Убегали все звери за темны леса.
Стал Вольга он растеть матереть²⁰.

Сравним с началом былины, записанной от И. Т. Рябина:

Жил Святослав девяносто лет,
Жил Святослав да й переставился.
Оставалось ево да й чадо милое,
Молодой Вольга да Святославович.
Стал Вольга растеть–матереть,
Похотелся Вольге да много мудростей:
Щукой–рыбуо ходить ему во синних морях,
Птичкой–соколом летать да под оболоки,
Рыскать волком во чистых полях.
Уходили–то все рыбушки в глубокие моря,
Улетали–то все птички под оболоки,

²⁰ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. С. 4.

Глава 4

Убегали-то все звери во темные леса.
Стал Вольга ростеть-матереть²¹.

И. Г. Рябинин-Андреев начинал свою былину так:

Жил Святослав дивяносто лет,
Жил Святослав и представилса.
Оставалось от него да й чадо й милое,
Молодой Вольга да Святославович,
Стал Вольга ростеть-матереть,
Похотелось и Вольги да много мудростей,
Щукой-рыбою ходить да во глубоких морях,
Птицей-соколом лётать ему й под оболочки,
Рыскать волком во чистых полях.
Уходили все рыбушки в глубокие моря,
Улетали все птицы под оболочки,
Убяжали все звери во темны леса.
Стал Вольга ростеть-матереть²².

В результате сравнения трех начал былины мы видим, что они почти дословно совпадают. Их различия лишь в языке и ритме. Они незначительны. Почти дословно совпадает и мотив открытия имени победителя в первом, втором и четвертом поколениях сказителей:

Говорил оратай таковы слова:
— Ай же Вольга ты Святославович!
Ржи напашу, в скирды складу,
В скирды складу да домой выволочу,
Домой выволочу, дома вымолочу.
Драни надеру да то я пива наварю,
Пива наварю, мужичков напою,
Станут мужички меня покликивать:
— Ай ты молодой Микулушка Селянинович!²³

²¹ Ляцкий Е. Сказитель И. Т. Рябинин и его былины // Этнографическое обозрение. 1894. Кн. 23. Вып. IV. С. 136.

²² Былины И. Г. Рябинина-Андреева. С. 115.

²³ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. С. 9.

Поэтика сюжета былины "Вольга и Микула"

Говорит оратай оратаюшко:
«Ай же ты, Вольга Святославович!
«А я ржи напашу и во скирды складу,
«И домой выволочу, и дома выколочу,
«А и драны надеру, да и пива наварю,
«Пива наварю и мужичков напою,
«Тогда станут мужички меня покликавати:
«Ты молодой Микулушка Селянинов!»²⁴

Говорит тут оратай–оратаюшко:
— "Ай же Вольга да й Святославьевич!
Я ржи напашу, домой выволочу,
Домой выволочу да й дома вымолочу,
Муки намолю–натолку да я й пива наварю,
Пива наварю да й мужичков напою;
Станут мужички меня й похваливати:
"Что хорош был Микулушка Селянинович!"²⁵

Почти все мотивы, как и в сюжете былины "Добрыня и змей", структурны: таковы мотивы происхождения героя, "охоты" Вольги приобрести чудесную мудрость, появления оратая, разговора Вольги и оратая, состязания в богатырской силе, состязания конями и победы оратая, словесного состязания и открытия имени героя.

Особенность сюжета былины – это двойная аргументация ряда мотивов. Так, например, в записях от Т. Г. и И. Т. Рябининых дана двойная мотивировка отъезда Вольги: выезд за данью и выезд в чисто поле. Они связаны с мотивами "охоты" Вольги приобрести чудесную мудрость и дарением князем Владимиром трех городов, что свидетельствует о контаминации двух разных сюжетов о Вольге–Волхе.

²⁴ Ляцкий Е. Сказитель И. Т. Рябинин и его былины // Этнографическое обозрение. 1894. Кн. 23. Вып. IV. С. 140.

²⁵ Онежские былины // Летописи. Т. 13. С. 418.

Глава 4

Мотивы выезда за данью и в чисто поле в записи от Т. Г. Рябинина:

Молодой Вольга Святославович,
Он поехал к городам и за получкою
Со своей дружинушкой хороброю.
Выехал Вольга во чисто поле²⁶.

В записи от И. Т. Рябинина:

Садились на добрых коней поехали
По этим городам да за получкою.
Молодой Вольга да Святославович
Й он повыехал в раздолье в чисто поле
Со своей дружинушкой хороброю²⁷.

У каждого сказителя может быть своя последовательность мотивов, могут появляться новые составляющие мотивы, возникновение которых связано с творческим переосмыслиением сюжета былины. Например, в записи от П. И. Рябинина-Андреева в устойчивом мотиве "охоты" Вольги появляется новый составляющий мотив — исполнение желания, в итоге происходит усиление силы Вольги, что также возвращает победу Микулы в соперничестве с Вольгой:

Научился Вольга много мудрости —
Щукою нырять да й в глубоких морях,
Птицею летать по синим облакам,
Серым волком рыскать во чистых полях²⁸.

В мотив состязания в богатырской силе П. И. Рябинин-Андреев вводит новые составляющие: обращение пяти богатырей к оратаю, возвращение десяти богатырей к Вольге, обращение десяти богатырей к оратаю, возвращение дружины к Вольге, обращение

²⁶ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. С. 5.

²⁷ Ляцкий Е. Сказитель И. Т. Рябинин и его былны // Этнографическое обозрение. 1894. Кн. 23. Вып. IV. С. 136.

²⁸ Онежские былины // Летописн. Т. 13. С. 417.

Поэтика сюжета былины "Вольга и Микула"

дружины к оратаю, испытание Вольги, посрамление Вольги и дружины, возвращение Вольги к оратаю, обращение Вольги к оратаю.

В былине, записанной от П. И. Рябинина-Андреева, сбор дружины предшествует мотивам дарения князем Владимиром трех городов и исполнения желания Вольги приобрести чудесную мудрость. Такая последовательность расположения мотивов — результат доминирования в сознании сказителя сюжета о князедружиннике, отправляющемся собирать дань, над сюжетом о чудесном охотнике.

В былине "Вольга и Микула" ряд мотивов этикетен. Например, мотив появления оратая:

Ен наехал в чистом поли ратоя,
А орет в поле ратой, понукивает,
С края в край бороздки пометывает,
В край он уедет — другого невидать.
То коренъя каменъя вывертывает,
Да великия он каменъя вси в борозду валит.
У ратоя кобылка соловенькая
Да у ратоя сошка кленовая,
Гужики у ратоя шелковые²⁹.

Этикетны также мотивы разговора Вольги и оратая, состязания в богатырской силе, состязания конями и победы оратая, словесного состязания.

В отличие от вариантов былины, записанных от Т. Г. Рябинина, И. Т. Рябинина и П. И. Рябинина-Андреева, запись И. Г. Рябинина-Андреева фрагментарна. Она является разработкой всего лишь 13 мотивов.

Таким образом, анализ этой былины из репертуара заонежских сказителей также подтверждает, что формой сохранения и развития сюжета является мотив.

---

²⁹ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. С. 5.

Глава 5

ПОЭТИКА СЮЖЕТА БЫЛИНЫ "КОРОЛЕВИЧИ ИЗ КРЯКОВА"

О былине "Королевичи из Крякова" написано немного. Былина принадлежит к числу редко исполнявшихся. Известные варианты былины были записаны на территории Прионежья и Кенозера. В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов причисляли "Королевичей из Крякова" к "позднему воинскому эпосу"¹. Так, говоря о былине "Королевичи из Крякова", В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов во вступительном очерке к разделу "Поздний воинский эпос" писали: "...здесь получают дальнейшее углубление проявившиеся еще в старшем эпосе тенденции к соединению героического содержания с темой социально-бытовой"². В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов выделяли в былине следующие "типические для эпоса эпизоды": "встреча героя с вешней птицей, поездка навстречу чужеземному богатырю, единоборство братьев"³. Тема былины, по мнению В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова, "характерна для русского фольклора эпохи татарского ига", а сюжет "создан под несомненным влиянием баллад"⁴.

Наиболее полный анализ былины дается в двух работах Б. Н. Путилова "Русский и южнославянский героический эпос" и "Героический эпос и действительность". По мнению Б. Н. Путилова, "былина

---

¹ Пропп В. Я., Путилов Б. Н. Вступительный очерк // Былины: В 2 т. М., 1958. Т. 1. С. 371–375.

² Там же. С. 374.

³ Там же.

⁴ Там же.

«Королевичи из Крякова» развивается до определенного момента как будто по канонам «киевской» сюжетики: кряковский богатырь, ведомый предсказаниями и предупреждениями, выступает против чужеземного нахвальщика, борется с ним, побеждает его и, перед тем как нанести последний удар, хочет узнатъ, кто он. Из рассказа поверженного нахвальщика следует, что он — родной брат богатыря, увезенный когда-то татарами, выросший на чужбине и теперь приехавший на Русь искать своих родителей⁵. В последнем мотиве Б. Н. Путилов видит второй план, который "не просто по-новому, из прошлого, освещает ситуацию, но как бы взрывает весь сюжет и круто поворачивает его течение. Второй план придает сюжету трудно разрешимые противоречия"⁶. Исследователь пишет, что "второй план сокращается до предела — неожиданное узнавание влечет восстановление предыстории, все внимание сосредоточено на предупреждении трагического исхода"⁷. Б. Н. Путилов считает, что в сюжете заложено "явное противоречие"⁸. Он пишет: "враг—нахвальщик оказывается беглецом, приехавшим на поиски родных. Противоречие это — не обмolvка певцов, оно вполне органично для нашего эпоса, оно демонстрирует исторические сдвиги в данном сюжете. Согласно определенной традиции, брат и враг — одно лицо, поэтому нет ничего удивительного в том, что былина представляет его татарским нахвальщиком. Однако в соответствии с основной тенденцией к снятию традиционных драматических коллизий разлучение братьев предстает как следствие несчастных обстоятельств, а

⁵ Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. С. 198.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 200.

⁸ Путилов Б. Н. Русский и южнославянский героический эпос. С. 216.

их встреча — как счастливое разрешение давней семейной драмы, и это столкновение различных исторических пластов прямо отражено в сюжете⁹. Говоря о мотиве охоты, Б. Н. Путилов отмечает, что он "возникает чаще всего в ситуациях, предполагающих какую-то случайную (а в предшествующей традиции и в эпическом контексте — предопределенную) и имеющую для героя жизненное значение встречу. <...> Мотив охоты зашифровывает ожидаемый ход событий, накладывая на них отпечаток нечаянности"¹⁰. Встреча эта, по мнению Б. Н. Путилова, не случайная, а предуказанная. Достоинством былины Б. Н. Путилов считает изображение самого поединка, который является "лучшим в русском эпосе" и "описывается как жестокий, трудный и бескомпромиссный"¹¹.

В былине есть одно, несомненно, "темное место". На него указывает В. Калугин, ставя вопрос, почему Петром Петрович "из Крякова" и "почему он королевич"¹²? Вероятно, ответом на этот вопрос может

служить тот исторический факт, что в Заонежье селили пленных польских солдат наполеоновских войск. Может быть, это отголосок их пребывания в Заонежье. Иначе трудно объяснить присутствие польских имен в былине с ярко выраженным русским колоритом разных исторических эпох "столичного града Киева" и татарского ига.

В "Указателе мотивов, сюжетных ситуаций и повествовательных звеньев богатырских былин" Л. А. Астафьевой можно найти только два мотива: "городу угрожает нахальщик"¹³ и "богатырь борется с неизвестным братом, похищенным татарами"¹⁴. Мотивы использованы как примеры в универсальной модели мотивов в былине. Этот недостаток может быть объяснен только тем, что исследовательница не рассматривает сюжет былины как самостоятельный объект изучения. Конечно, мотивов в сюжете не два, а больше. Это подтверждается количеством мотивов в приведенной ниже таблице.

Мотивы	Т. Г. Рябинин
1. Представление героя: происхождение выезд в чисто поле за "охотою"	1–4 5–11
2. Встреча с лебедушками	12–17
3. Угроза Петром Петровича	18–23

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 215.

¹¹ Там же. С. 216.

¹² Калугин В. И. Герои русского эпоса: Очерки о русском фольклоре. М., 1983. С. 93.

И. Т. Рябинин	И. Г. Рябинин-Андреев	П. И. Рябинин-Андреев
1–4 5–11	1–4 5–11	1–4 5–13
12–17	12–17	14–19
18–23	18–25	20–26

¹³ Астафьева Л. А. Указатель мотивов, сюжетных ситуаций и повествовательных звеньев богатырских былин // Фольклор: Проблемы историзма. С. 210.

¹⁴ Там же. С. 223.

Мотивы	Т. Г. Рябинин
4. Предостережение лебедушек: ответ	24–25
обращение к богатырю	26–30
рассказ о себе	31–36
совет	37–41
предсказание о встрече с вороном	42–48
5. Дума Петра Петровича	49–54
6. Отказ от намерений	55–58
7. Выезд в чисто поле на пути в Киев	59–60
8. Исполнение предсказания: встреча с вороном	61–62
описание ворона	63–68
угроза ворону действием	69–73
угроза ворону словом	74–79
9. Предупреждение ворона: ответ	80–81
обращение к богатырю	82–91
дума Петра Петровича	
совет	92–97
предсказание ворона	98–109
10. Дума Петра Петровича: дума	110–121, 126–134
отказ от исполнения желания	122–125
11. Выезд в чисто поле	135–137
12. Появление татарина: выкликивание на поединок	
угроза	
13. Дума Петра Петровича	
14. Просьба Петра Петровича о Божьей помощи	
15. Путь на поединок	

И. Т. Рябинин	И. Г. Рябинин– Андреев	П. И. Рябинин– Андреев
24–25	26–27	27–28
26–30	28–33	29–30, 39–44
31–36	34–42	31–38
37–41	43–51	45
42–48	52–60	46–52
49–54	61–67	53–61
55–58	68–71	62–66
59–60	72–74	67–68
61–62	75–78	69–70
63–68	79–84	71–74
69–73	85–92	75–79
74–79		
80–81	93–94	80–81, 105–106
82–91	95–104	82–92 93–104
92–97	105–112	107–113
98–109		
110–121, 126–134	113–122	
122–125	123–126	
135–137		
	127–133	114–118
	134–139	119–128
	140–150	129–134
	151–153	135
	154–155	136–137

Мотивы	Т. Г. Рябинин
16. Поединок:	
съезд богатырей	138–144
разъезд	145–146
второй съезд богатырей	147–148
бой палицами:	
описание боя	149–155
оценка боя	156–158
сговор	159–164
бой копьями:	
разъезд	165–166
съезд	167
описание боя	168–172
оценка боя	173–175
сговор	
бой саблями	
сговор	176–181
победа в рукопашном бою:	
выполнение сговора	182–184
одоление одной рукой	185–189
угроза врагу	190–195
сговор	
расспрос об имени	196–200
упрек:	
обращение ругательное	201–202
обида	203–212
обида Петрова Петровича	213–219
повторение вопроса об имени	220–224
повторный упрек:	
обращение ругательное	
обида	
повторная обида	
Петрова Петровича	
Петрой Петрович третий раз	
спрашивает об имени	
ответ:	
обращение величальное	225–226
название своего имени	227–233
рассказ об увозе	234–236

И. Т. Рябинин	И. Г. Рябинин– Андреев	П. И. Рябинин– Андреев
138–144	156–162	138–143
145–146	163	144
147–148	164	
149–155	165–169	145–147
156–158	170–171	148–149
159–164		150–153
165–166		154
167		155
168–172		156–157
173–175		158–159
		160–164
		165–167
		168–171
176–181		
182–184		172–173
185–189		174–182
190–195		183–186
	172	
196–200		187–193
201–202		194–195
203–212		196–202
213–219		203–208
220–224		209–215
		216–217
		218–224
		225–230
		231–237
225–226		238–239
227–233		240–246
234–236		247–249

Мотивы	Т. Г. Рябинин
воспитание	237–238
выезд в Святую Русь	239–242
17. Признание родства	243–251
18. Отъезд домой	252–256
19. Приезд домой: богатыри сходят с коней Петрой быстро бежит в палатку Лука по двору "похаживает" Петрой Петрович приходит к матери ,	257–258 259–260 261–263 264–266
20. Обращение к матери и загадывание загадки	267–272
21. Недоумение матери: величание ответ матери рассказ о старшем брате	273–275 276–280 281–283
22. Разъяснение загаданного вопроса	284–290
23. Встреча старшего сына с матерью	291–305
24. Финальная формула завершения сюжета	306

Представление героя — это контаминация двух мотивов: происхождения героя и выезда в чисто поле за "охотою". Причем это выражено и синтаксически: контаминация происходит в рамках одного предложения. В мотиве происхождения героя перечисляются город, село, улица, подворье, откуда отправляется на охоту Петрой Петрович.

Формула мотива представления героя

откуда   }
      кто   }
      зачем   } выезжал

И. Т. Рябинин	И. Г. Рябинин– Андреев	П. И. Рябинин– Андреев
237–238		250
239–242		251–254
243–251		255–266
252–256		267–268
	257–258 259–260 261–262	269–270 271–272
	263–266	273–275
267–271		276–282
	272–274 275–279 280–282	283–286 287–292 293–294
283–289		295–304
290–304		305–324
305–306		325–326

Например, в записи от Т. Г. Рябинина:

Из того было из города из Крякова,
С того славного села да со Березова,
А со тою ли со улицы Рогатицы,
Из того подворья богатырского,
Охвочь ездить молодец был за охвоткою;
А й стрелял-то да й гусей лебедей,
Стрелял малых перелетных серых утушок.
То он ездил по роздольицу чисту полю,
Целый день с утра ездил до вечера,
Да и не наехал он ни гуся он ни лебедя,
Да й не малого да перелетного утенушка¹⁵.

¹⁵ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. С. 143.

Глава 5

Этот мотив структурен. Для него характерно почти дословное совпадение у всех представителей эпической династии Рябининых-Андреевых.

Мотивы встречи с лебедушками и угрозы Петрова Петровича разработаны с незначительными изменениями. Их высокой сохранности способствует ясный и логичный алгоритм действия. Алгоритм встречи с лебедушками: "ездил с утра до пабедъя" — "подъехалто ко синему ко морюшку" — "насмотрел две белых две лебедушки" — на "забереги", на "затресы плавают две лебеди, колыблются"¹⁶. Алгоритм угрозы: "становил-то он коня" — "тугбй лук розрывчатой отстегивал" — "наложил-то <...> стрелочку каленую" — "натянул тетивочкушелковеньку" — "хотит подстрелить"¹⁷.

Мотив предостережения лебедушек также структурен. В него входят следующие составляющие: ответ, обращение к богатырю, рассказ о себе, совет и предсказание лебедушек о встрече с вороном. В первых трех поколениях сказителей наблюдается почти дословное совпадение этого мотива. В записи былины от П. И. Рябинина-Андреева этот мотив переосмысливается. Рассказ лебедушек о себе разделяет обращение их к богатырю, в результате создается мотивировка того, почему богатырь, убив лебедушек, не сможет "утешить себя", т. е. удовлетворить свою "охоту".

Наиболее подробно мотив первой думы Петрова Петровича разработан в былине, записанной от П. И. Рябинина-Андреева:

Так стал тут молодец да й пораздумался:
"Хоть подстрелить двух белых лебедушек, —
Не укратати плеча могучего,
Не утешить сердца богатырского,
Ихну кровь пролью я й во сырьу воду,

---

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

Ихну тушицу спущу в глубоку воду,
Ихни перья да й по синю морю, —
Не укрятати мне плеча могучего,
Не утешить мне — ко й сердца богатырского!"¹⁸

Мотив отказа от намерения повторяет описание угрозы Петрова Петровича, только в обратном порядке. Выше приводился алгоритм угрозы Петрова Петровича, сравним его с алгоритмом мотива отказа от намерений: "сымает эту стрелоцьку каленую" — "опустил тятивоцьку шелковеньку" — "тугой лук розрывцятої пристегивал"¹⁹.

Мотив выезда в чисто поле на пути в Киев — результат контаминации двух мотивировок выезда: в чисто поле и в Киев. Эта контаминация есть у всех сказителей эпической династии Рябининых-Андреевых.

Исполнение предсказания — структурный мотив, его составляющие — встреча с вороном, его описание, угроза ворону действием и словом. В записях, сделанных от И. Г. и П. И. Рябининых-Андреевых отсутствует составляющий мотив угрозы ворону словом.

В структуру мотива предупреждения ворона входят такие составляющие, как ответ, обращение к богатырю, совет, предсказание ворона. В результате изменения сюжета былины у И. Г. и П. И. Рябининых-Андреевых отсутствует мотив предсказания ворона о встрече с татарином. Интересно, что в обращение ворона к богатырю у всех сказителей входит поговорка:

В келье старца убить — ведь есть не спасенье,
Чорна ворона подстрелить — не корысть получить!²⁰

¹⁸ Онежские былины // Летописи. Т. 13. С. 453.

¹⁹ Истомин Ф. М., Дютш Г. О. Песни русского народа, записанные в губ. Архангельской и Олонецкой в 1886 г. СПб., 1894. С. 31.

²⁰ Онежские былины // Летописи. Т. 13. С. 454.

В записи былины от П. И. Рябинина-Андреева в предупреждение ворона входит мотив второй думы Петрова Петровича, после которого ворон дает ему совет отправиться в Киев. Таким образом, мотив второй думы Петрова Петровича в записи от П. И. Рябинина-Андреева теряет свою самостоятельность, становится составляющим. В записях же от трех других сказителей этот мотив самостоятелен. Мотив второй думы Петрова Петровича, как и предыдущие, — структурен. Это очень выразительный эпизод былины. У Т. Г. и И. Т. Рябининых появляется психологизм: отказ от исполнения желания дается на фоне размышлений персонажа.

С этого момента развитие сюжета идет по двум линиям. Наиболее архаичная линия сюжета представлена записями былины от Т. Г. и И. Т. Рябининых. Петром Петрович выезжает в чисто поле, где происходит его встреча с татарином.

Мотив поединка также структурен. В записи от Т. Г. и И. Т. Рябининых в него входят следующие мотивы: съезд богатырей, их разъезд, повторный съезд, бой палицами, сговор биться копьями, бой копьями, сговор биться в рукопашном бою, победа Петрова Петровича в рукопашном бою, расспрос об имени побежденного, упрек, обида, повторный расспрос об имени и ответ — называние имени. Этот мотив образует сложные иерархические отношения между составляющими. Так, мотив боя палицами включает в себя описание действия и его оценку:

Приударили во палици булатни,
Оны друг друга-то били не жалухою,
Со всей силушки да богатырской,
Били палицми булатни да по белым грудям.
И у их паличи в руках да погибалися,
А ѿ по маковкам да ѿ отломилися,
А ѿ под има как доспехи были крепкии,
Ены друг друга не сшибли со добрых коней,

Да й не били оны друг друга, не ранили,
Ни которого mestецька не кровавили²¹.

Структурен и мотив боя копьями. Вначале он включает в себя мотив разъезда и съезда. Мотив разъезда выражен лексически глаголом "порозъехались". Такого лексического выражения мотив съезда не имеет — поединок начинается с действия:

Порозъехались с роздольица чиста поля
На своих на добрых конях богатырских.
Приударили во копья муржамецкия²².

В этот мотив также входят попытка нанести ущерб и невозможность этого:

Они друг друга-то били не жалухою,
Не жалухою-то били по белым грудям.
У них копья-ты в руках да погибалися,
А й по маковкам да й отломилися;
А й под нима как доспехи были крепкии,
Ени друг друга не сшибли со добрых коней,
То не били оны друг друга, не ранили,
Никоторого mestечка не кровавили²³.

Мотивы описания и оценки боев палицами и копьями формульны. Они почти дословно повторяют друг друга.

В мотив победы в рукопашном бою входят выполнение сговора, одоление Петроем Петровичем татарина одной рукой, угроза врагу. Этот ведущий мотив — контаминация описания боя и победы. Алгоритм описания рукопашного боя отличается от алгоритмов боев палицами и копьями. Петром Петровичем "был обучен бороться об одной ручке" — "подошел <...> к поляницишу" — "схватил он поля-

²¹ Истомин Ф. М., Дютш Г. О. Песни русского народа, записанные в губ. Архангельской и Олонецкой в 1886 г. С. 34.

²² Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. С. 147.

²³ Там же. С. 147–148.

ницу за косу бодру" — "спустил на матушку сыр у землю"²⁴.

Угроза осталась неосуществленной, герой не может убить соперника:

Права руцюшка в плециях да застояласе,
В ясных оциошках да й помутилсе свет...²⁵

Влияние сказочной поэтики на былину выражается в троекратном повторении боя (бой палицами, бой копьями и рукопашный бой).

Расспрос об имени формулен, неструктурен, этикетен: "стал <...> повыспрашивать" — "скажи-тко <...> мне проведай-ко" — "с' коей Литвы" — "с коей земли" — как "именем зовут" — "звеличают по отечеству"?²⁶

Мотив упрека, напротив, структурен, он состоит из ругательного обращения: "Ай ты старая базыка ново-древная!" и обиды на Петра Петровича за вопрос об имени. Упрек обусловлен характером татарина: победив, он бы не стал расспрашивать об имени, а убил.

Обида Петра Петровича во многом повторяет мотив угрозы. Сравним эти два мотива.

Угроза Петра Петровича:

Вынимал-то свой нож булатнюю,
Заносил свою да руцьку правую,
Заносил он руцьку выше головы,
Да й спустить хотел ю ниже пояса;
Права руцюшка в плециях да застояласе,
В ясных оциошках да й помутилсе свет...²⁷

---

²⁴ Там же. С. 148.

²⁵ Истомин Ф. М., Дютши Г. О. Песни русского народа, записанные в губ. Архангельской и Олонецкой в 1886 г. С. 35.

²⁶ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. С. 148.

²⁷ Истомин Ф. М., Дютши Г. О. Песни русского народа, записанные в губ. Архангельской и Олонецкой в 1886 г. С. 35.

А вот мотив обиды:

Разгорелось сердче у богатыря
А у модода Петрова у Петровица.
Ен занес свою да руцьку правую,
Руцьку правую занес он выше головы,
Опустить юхочет ниже пояса;
Права руцюшка в плеци да застояласе,
В ясных оциошках да помутилсе свет...²⁸

Повторный мотив расспроса об имени дается по тому же алгоритму, что и первый, поэтому они словно совпадают.

В отличие от упрека мотив ответа полянича содержит обращение величальное: "Ай ты славныя богатырь святорусский!" Название своего имени строится по алгоритму представления героя, из какого города, села, улицы, подворья был увезен татарами Лука Петрович

откуда   }
      кто   }
      кого   }   увез

Выезд на Святую Русь мотивируется поиском отца и матери:

Я повыехал на матушку святую Русь
Поискать себе я отца, матушки,
Поотведать своего да роду племени²⁹.

Петрой Петрович признает в поляниче родного брата, поднимает его с земли, целует, и они вместе отправляются домой.

Мотив приезда домой также структурен, его составляющие: богатыри сходят с коней, Петрой быстро бежит в "палатку", Лука похаживает по двору, Петрой Петрович приходит к матери. Лука остается на дворе, так как он в отличие от Петрова осматривается.

---

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

Глава 5

В обращении к матери Петрой Петрович рассказывает о своей встрече с татарином. В его рассказе загадывается загадка: почему Петрой Петрович наехал в поле татарина, но "кормил я его ествушкой сахарною" и "поил я его питьицем медвяным".

Это вызывает у матери недоумение:

Как наехал ты в чистом поли татарина,
То не ествушкой кормил бы ты сахарною,
То не питьицем поил бы ты медвяным,
А й то бил бы его палицей булатною,
Да й колол бы ты его да кольем вострыим³⁰.

Дальше дается аргументация предполагаемых действий Петра Петровича:

Увезли у тебя братца они родного,
Увезли-то ены малым робеночком,
Увезли его татары-ты поганый!³¹

Ответ Петра Петровича — это разъяснение загадки. Алгоритм этого мотива более архаичный по сравнению с другими: не татарина наехал я, а родного братца — "Лука Петрович по двору похаживат, за собой добра коня поваживат"³². Мать бежит на двор, где встречает старшего сына.

Запись былины от И. Т. Рябинина почти дословно совпадает с вариантом Т. Г. Рябинина. Это говорит о высокой степени сохранения этого сюжета у И. Т. Рябинина.

Вторая линия развития сюжета произошла из-за забвения некоторых мотивов И. Г. Рябининым-Андреевым. Почти все эти мотивы были восстановлены П. И. Рябининым-Андреевым.

В варианте былины, записанном от И. Г. Рябинина-Андреева, встреча с татарином происходит не по

³⁰ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. С. 150.

³¹ Там же. С. 150–151.

³² Там же. С. 151.

предсказанию ворона, а татарин появляется сам: "выкликает поединника" и угрожает князю Владимиру:

А во тую ль пору в тое ль времецко
А крикнет татарин во чистом поли,
А он кличет выкликает поединника,
Из чиста поля себе наездника:
"Ты Владимир князь стольно-киевский,
А давай мни в поле поединника,
Из чиста поля дай мне наездника!
Ты не дашь как мне да й поединника,
Из чиста поля да й мне наездника —
Твоих черных мужиков я всех поврублю,
Твои божьи церкви я на дым спущу,
А тебя, князя Владимира, в полон возьму,
А в полон возьму да й голову срублю"³³.

Петрой Петрович размышляет, как ему ехать: прямо — биться с татарином в чистом поле, дорожкой окольней — не будет чести-хвалы от богатырей, выслуги от князя Владимира. Петрой Петрович решает ехать прямо и обращается к Богу за помощью:

Тут удалый дуродний добрый молодец
Он просил себе бога на помочь,
Пречистую й пресвятую богородицу³⁴.

Мотив съезда богатырей у И. Г. Рябинина-Андреева разработан так:

Он наехал в поле тут татарина,
Оны съехались да й поздоровались,
Становили добрых коней богатырских,
Оны делали сговор между собой,
Как же силы у друг друга отведати,
Надойть разъехаться на конях богатырских,
Приударить надоть в копья муржамецкии³⁵.

---

³³ Былины И. Г. Рябинина-Андреева. С. 104.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 105.

Глава 5

После описания и оценки боя палицами богатыри сговариваются между собой — на этом былина у И. Г. Рябинина-Андреева заканчивается.

Вариант былины, записанный от П. И. Рябинина-Андреева, представляет собой контаминацию двух сюжетных линий. Как и в варианте у И. Г. Рябинина-Андреева, встреча с татарином происходит не по предсказанию ворона, а случайно. До сгвора богатырей сюжет былины у П. И. Рябинина-Андреева развивается по схеме, сходной с И. Г. Рябининым-Андреевым. С этого момента развитие сюжета идет по архаичной линии, правда, с некоторыми изменениями.

В отличие от вариантов записей от Т. Г. и И. Т. Рябининых мотив боя копьем мало разработан. Вот сжатый вариант этого мотива:

Разъеждалися на конях богатырских,
Приударились во копья муржамецкие, —
Ихны копья в руках да погибалися,
Погибалися, по маковкам сломалися, —
Не могли сбить друг друга с добрых коней.
Никоторого mestечка ни кровавили³⁶.

Нарушая фольклорную троекратность повторения действия, П. И. Рябинин-Андреев вводит новые мотивы — мотивы сгвора сражаться саблями и боя саблями. Только после трех боев Петрой Петрович побеждает в рукопашном бою, который подробно разработан у П. И. Рябинина-Андреева:

Молодой Петры Петрович королевский сын,
Приучон ведь он бороться об одной ручкой,
Об одной ручкой он маленьким ребеночком.
Подходил он к поленице-то близешенько,
Захватил он поленицу ведь одной ручкой,
Да й здынул он поленицу выше головы,

---

³⁶ Онежские былины // Летописи. Т. 13. С. 455.

Да й спустил он поляницу ниже пояса,
Ниже пояса спустил он во кониной ступ,
Поскорешеньку соскочит на белы груди.
Во руках он держит булатный нож,
Хочет он срубить ей буйную головушку,—
Яво правая рука в плече да й застоялася,
В очах у него свет да й помущается...³⁷

Особенностью этого варианта былины является появление новых мотивов: повторный упрек, в который входят ругательное обращение и обида, повторная обида Петрова Петровича и дополнительное (в третий раз) спрашивание имени татарина. Эти мотивы дословно совпадают с упреком, обидой Петрова Петровича и повторным спрашиванием об имени.

В записи былины от П. И. Рябинина-Андреева в мотиве приезда домой отсутствует составляющий мотив — мотив похаживания Луки по двору.

У П. И. Рябинина-Андреева творчески разработан мотив встречи старшего брата с матушкой:

Как тут свет честна вдова заплакала,
Выбегала поскорешеньку на широкой двор.
Увидала й она сынка любимого,
Молодого она Луку й Петровича,—
А он ходит по двору, похаживает
Да добрых коней за повода поваживает,—
Подбегала к добру молодцу близехонько,
Да й брала его за рученьки за белые,
Да й за те ли за персни за злаченые,
Целовала его в уста сахарния,
Называла ведь сынком любимым,
Приводила их в полаты белокаменны,
Проводила их за столички дубовыя,
Да й за те ли скамеечки окольныя,
Да й кормила их ествушкой сахарной,
Да й поила питьицем медвяным,

---

³⁷ Там же. С. 456.

Глава 5

Да й дарила дары драгоценныя,
Спать ложила на кроватушку тесовую,
Да й на тую на перинушку пуховую,
Закрывала одеяльцами их теплыми...³⁸

В первом, втором и четвертом поколениях сказителей в эпической династии Рябининых–Андреевых финальная формула, завершающая сюжет, почти совпадает:

Они стали жить быть, век коротати³⁹;
Оны стали жить быть, век коротати
Еще тым–то былиночка покончилась⁴⁰;
Стали пить да быть да век коротати,
Да ведь тем былиночка й покончилась⁴¹.

Таким образом, и этот сюжет характеризуется высокой устойчивостью, и средством его сохранения является мотив.

---

³⁸ Там же. С. 458–459.

³⁹ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. С. 151.

⁴⁰ Истомин Ф. М., Дютши Г. О. Песни русского народа, записанные в губ. Архангельской и Олонецкой в 1886 г. С. 37.

⁴¹ Онежские былины // Летописи. Т. 13. С. 459.

Заключение

Представляя эпическую династию Рябининых-Андреевых, А. М. Астахова причислила их к первому типу сказителей. По ее классификации, он характеризуется тем, что певец, неоднократно прослушав текст, запоминал его полностью, усваивал дословно "словесное оформление большинства эпизодов, а иногда и всей былины в целом"¹: "Яркий пример такого типа сказительства мы видим в роду знаменитого зонежского певца былины Т. Г. Рябинина. Былины его сына, И. Т. Рябинина, в большинстве случаев почти полностью повторяют тексты отца. Его пасынок, И. Г. Рябинин-Андреев, следует точно текстам отца, а его сын, П. И. Рябинин-Андреев, учившийся и у отца, и непосредственно у деда, в основном точно воспроизводит их редакции. Так через четыре поколения почти в полной сохранности дожили до нас редакции Трофима Рябинина"². Вопреки этому авторитетному мнению, сказители запоминали не текст. Даже если и предположить, что кто-нибудь из сказителей и ставил перед собой цель заучить текст, то это не подтверждается публикациями былин.

Высокая степень сохранности текста свойственна двум редакциям одной былины, записанной от Т. Г. Рябинина ("О двух королевичах из Крякова — Петре Петровиче и Луке Петровиче"³ и "Королеви-

---

¹ Астахова А. М. Былины: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 244–245.

² Там же.

³ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. С. 179–185.

Заключение

чи из Крякова"⁴). Причина этого, на наш взгляд, — высокие поэтические достоинства и вместе с тем типичность эпических формул. Подобная степень сохранности текста — скорее исключение, чем правило. В вариантах других сюжетов разнотений заметно больше⁵.

Как показывают публикации былин, никто из сказителей не стремился "перенять" былину дословно. Конечно, запоминались типические места, яркие стилистические формулы, выразительные эпизоды, но эпическая память имеет творческий характер. Она предполагает и сохранение традиции, и индивидуальную импровизацию. Дословного воспроизведения былин нет даже при повторном исполнении сюжета одним и тем же сказителем, не говоря уже о разных сказителях. Единственным устойчивым элементом во всех вариантах былин является *мотив*.

Мотив структурен. Он, как правило, разлагается на ряд действий и может быть выражен как в одной фразе, так и разработан подробно — разложен на ряд последовательных действий.

Обычный тип связи мотивов в сюжете — сочинение (последовательное соединение), но в образной нерасчленимости мотивов может возникать и подчинение, которое проявляется в иерархии мотивов. Существуют главные и подчиненные мотивы. В разных записях один и тот же мотив может быть и главным, и второстепенным. Ведущие мотивы могут становиться составляющими в зависимости от того, какое значение им придает сказитель. Возможно объединение нескольких мотивов в одном, это может быть

---

⁴ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. С. 143—151.

⁵ Например, варианты былины "О Михайле Потыке сыне Ивановиче" и "О Михайле Потыке Ивановиче", записанные от Т. Г. Рябинина.

Заключение

вызвано контаминацией мотивов, неразработанностью некоторых из них или включением одних мотивов в состав других. Последовательность главных и второстепенных мотивов в каждом варианте сюжета индивидуальна, но в рамках эпической традиции Рябининых–Андреевых их состав устойчив.

Сравнительный анализ поэтики сюжета былин в эпической династии Рябининых–Андреевых убеждает, что основной категорией сохранения и развития эпической традиции является *мотив*.

Библиография

I

1. Былины: В 2 т. / Подг. текста, вступ. статья и комм. В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова. М.: Худож. лит., 1958. Т. 1. 564 с.; Т. 2. 521 с.
2. Былины И. Г. Рябинина-Андреева / Подг. текста и примеч. А. М. Астаховой. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1948. 148 с.
3. Былины П. И. Рябинина-Андреева / Подг. текстов, статья и примеч. В. Базанова; Под ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1940. 142 с.
4. Былины Севера: В 2 т. / Сост. А. М. Астахова. М.; Л., 1938.
5. Добрыня Никитич и Алеша Попович / Изд. подг. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий; Под ред. Э. В. Померанцевой. М.: Наука, 1974. 448 с. (Литературные памятники).
6. Древние Российские стихотворения, собранные Киршою Даниловым. 2-е изд., доп. / Подг. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М.: Наука, 1977. 488 с. (Литературные памятники).
7. Истомин Ф. М., Дютш Г. О. Песни русского народа, записанные в губ. Архангельской и Олонецкой в 1886 г. СПб.: Изд. Русск. Географ. Об-ва, 1894. XXIV+ 244.
8. Ляцкий Е. Былины — старинки богатырские. СПб.: Изд. тов-ва "Огни", 1911. XXX+196 с.
9. Ляцкий Е. Сказитель И. Т. Рябинин и его былины // Этнографическое обозрение. 1894. Кн. 23. Вып. IV. С. 105–153.
10. Онежские былины // Летописи / Подбор былин и науч. редакция текстов Ю. М. Соколова; Подг. текстов к печати, примеч. и словарь В. И. Чичерова. М.: Изд. Гос. лит. музея, 1948. Т. 13. 938 с.
11. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: В 3 т. 4-е изд. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1949. Т. 1. 735 с.; 1950. Т. 2. 811 с.; 1951. Т. 3. 670 с.
12. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3 т. / Изд. подг. А. П. Разумова, И. А. Разумова и Т. С. Курец; Под ред. Б. Н. Путилова. Петрозаводск: Карелия, 1989. Т. 1. 528 с.; 1990. Т. 2. 640 с.; 1991. Т. 3. 366 с.

Библиография

13. Русская устная словесность: В 2 т. М.: Изд. Сабашниковых, 1916. Т. 1. Былины. 453 с.; 1919. Т. 2. Исторические песни. 587 с.

14. Русские эпические песни Карелии / Изд. подг. Н. Г. Черняева; Науч. ред. Б. Н. Путилов. Петрозаводск: Карелия, 1981. 310 с.

II

15. Азадовский М. К. История русской фольклористики: В 2 т. М.: Учпедгиз, 1958. Т. 1. 480 с.; 1963. Т. 2. 364 с.

16. Аксаков К. С. Богатыри времен великого князя Владимира: по русским песням // Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М., 1981. С. 89–138.

17. Аксаков К. С. О различии между сказками и песнями русскими: по поводу одной статьи // Аксаков К. С. Поли. собр. соч. М., 1861. Т. 1. С. 399–408.

18. Андреев Н. П. Былины // Былины: Русский героический эпос / Вступ. статья, ред. и примеч. Н. П. Андреева. Л.: Сов. писатель, 1938. (Библиотека поэта).

19. Аникин В. П. Былины: Метод выяснения исторической хронологии вариантов. М.: Изд-во МГУ, 1984. 288 с.

20. Аникин В. П. Теоретические проблемы историзма былин в науке советского времени. М.: Изд-во МГУ, 1980. Вып. 3. 120 с.

21. Астафьева Л. А. Типология лейтмотивов и описаний в русских былинах // Типология народного эпоса. М.: Наука, 1975. С. 260–287.

22. Астафьева Л. А. Указатель мотивов, сюжетных ситуаций и повествовательных звеньев богатырских былин // Фольклор: Проблемы историзма. М.: Наука, 1988. С. 200–229.

23. Астахова А. М. Былины: Итоги и проблемы изучения. М.; Л.: Наука, 1966. 292 с.

24. Астахова А. М. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1948. 396 с.

25. Балашов Д. М. Из истории русского былинного эпоса ("Потык" и "Микула Селянинович") // Русский фольклор: Социальный протест в народной поэзии. Л.: Наука, 1975. Т. XV. С. 27–54.

26. Барсов Е. В. Об Олонецком песнотворчестве // Записки Русского Географического Общества по Отделению Этнографии. 1873. Т. III. С. 515–522.

Библиография

27. Бахтин М. М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) // Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 401–402.
28. Бернштам Т. А. "Ай же ты, великий оратаюшка!" // Фольклор и этнографическая действительность. СПб.: Наука, 1992. С. 119–128.
29. Буслаев Ф. И. Бытовые слои русского эпоса // Буслаев Ф. И. Народная поэзия: Исторические очерки. СПб., 1887. 456 с.
30. Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 1. 460 с.
31. Буслаев Ф. И. Русский богатырский эпос // Русский Вестник. 1862. № 9. С. 80.
32. Веселовский А. Н. Поэтика сюжетов // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. С. 301–306.
33. Гильфердинг А. Ф. Трофим Григорьевич Рябинин, певец былин // Русская старина. СПб., 1872. Т. V. № 3. С. 497–517.
34. Далгат У. Б. Эпический историзм в развитии // Фольклор: Проблемы историзма. М.: Наука, 1988. С. 72–102.
35. Зарубежные исследования по семиотике фольклора. М., 1985.
36. Захаров В. Н. Историческая поэтика и ее категории // Проблемы исторической поэтики: Сб. науч. трудов. Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1992. Вып. 2. Художественные и научные категории. С. 3–9.
37. Захарова О. В. Поэтика сюжета былины "Добрыня и змей" в эпической традиции Рябининых-Андреевых // Проблемы исторической поэтики: Сб. науч. трудов. Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1992. Вып. 2. Художественные и научные категории. С. 74–85.
38. Захарова О. В. Сюжет былины "Добрыня и змей" из репертуара Т. Г. Рябинина // Фольклорные традиции и музей: Тезисы докладов Всесоюзной конференции / О. Кизи, 1991. С. 7.
39. Иванов В. В. Змей // Миры народов мира: В 2 т. М.: Сов. энциклопедия, 1980. Т. 1. С. 468–471.
40. Калугин В. И. Герои русского эпоса: Очерки о русском фольклоре. М.: Современник, 1983. 351 с.

Библиография

41. Криничная Н. А. Жил в Кижской волости крестьянин... // Жил в Кижской волости крестьянин... СПб., 1995. С. 7–45.
42. Криничная Н. А. Концепция архетипа и проблемы преемственности образов в системе мифа и предания // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 4–24.
43. Криничная Н. А. Некоторые итоги изучения фольклорных традиций Карелии // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1989. С. 154–159.
44. Криничная Н. А. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 60 с.
45. Криничная Н. А. Сказитель Трофим Григорьевич Рябинин: биография и эпическое наследие // Фольклорные традиции и музей: Тезисы докладов Всесоюзной конференции / О. Кизи, 1991. С. 2–4.
46. Криничная Н. А. Сказитель Трофим Григорьевич Рябинин: жизнь и эпическая поэзия // Заонежье: Сб. науч. статей. Петрозаводск, 1992. С. 6–23.
47. Криничная Н. А. Указатель типов, мотивов и элементов преданий. Петрозаводск, 1990. 28 с.
48. Лазутин С. Г. Поэтика русского фольклора. М.: Высшая школа, 1981. 223 с.
49. Левинтон Г. А. К проблеме эпического подтекста // Фольклор и этнографическая действительность. СПб.: Наука, 1992. С. 162–170.
50. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы // Лихачев Д. С. Избр. работы: В 3 т. Л.: Худож. лит. 1987. Т. 1. 656 с.
51. Миллер В. Былинное предание в Олонецкой губернии // Русская мысль. 1894. Кн. III. С. 11.
52. Миллер В. Лекции по русской народной словесности. М., 1909.
53. Миллер В. Очерки русской народной словесности: Былины. М., 1897. Т. 1.
54. Миллер В. Ф. Экскурсы в область русского народного эпоса: В 8 т. М., 1892.
55. Миллер О. Ф. Илья Муромец и богатырство Киевское: Сравнительно-исторические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса. СПб., 1869.

Библиография

56. Миллер О. Опыт исторического обозрения русской словесности. СПб., 1865. Ч. 1. Вып. 1.
57. Н. Н. И. Т. Рябинин и его былины // Русское обозрение. 1894. Т. 26. Март. С. 414–417.
58. Пропп В. Я. Морфология сказки. 2-е изд. М.: Наука, 1969. 168 с.
59. Пропп В. Я. Об историзме русского фольклора и методах его изучения // Уч. зап. ЛГУ: Русская литература. Серия филол. наук. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. Вып. 72. № 339. С. 5–25.
60. Пропп В. Я. Русский героический эпос. 2-е изд., испр. М.: Худож. лит., 1958. 603 с.
61. Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи. М., 1976. 325 с.
62. Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. Л.: Наука, 1988. 225 с.
63. Путилов Б. Н. Мотив как сюжетообразующий элемент // Типологические исследования по фольклору. М., 1975. С. 141–155.
64. Путилов Б. Н. Об историзме русских былин // Русский фольклор: Специфика фольклорных жанров. Л., 1966. Т. X. С. 103–127.
65. Путилов Б. Н. Русские и южнославянские эпические песни о змееборстве // Русский фольклор: Исторические связи в славянском фольклоре. Л., 1968. Т. XI. С. 31–55.
66. Путилов Б. Н. Русский и южнославянский героический эпос: Сравнительно-типологическое исследование. М.: Наука, 1971. 315 с.
67. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб., 1994.
68. Разумова А. П. К переизданию "Песен, собранных П. Н. Рыбниковым" (о публикациях былин в олонецкой периодической печати) // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 131–149.
69. Разумова А. П. Об изучении современного состояния традиционного фольклора Карельского Поморья // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 4–22.
70. Разумова И. А. П. Н. Рыбников — первооткрыватель "Исландии русского эпоса" // Фольклорные традиции и музей: Тезисы докладов Всесоюзной конференции / О. Кизи, 1991. С. 4–6.

Библиография

71. Робинсон А. Н. Эпос Киевской Руси в соотношениях с эпосом востока и запада // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1967. Вып. 3. С. 214–218.
72. Сахаров И. П. Сказания русского народа. СПб., 1839. Т. 1. Кн. 4.
73. Селиванов В. Г. Поэтика былин: Система изобразительно-выразительных средств. М.: Изд-во МГУ, 1977. Ч. I. 128 с.
74. Селиванов Ф. М. Сюжет и композиция былин о Вольге (Волхе) // Вестник МГУ. Серия X. Филология. М.: Изд-во МГУ, 1969. № 3. С. 30–41.
75. Сенькина Т. И. Сказитель и современность // Фольклорные традиции и музей: Тезисы докладов Всесоюзной конференции / О. Кизи, 1991. С. 8–9.
76. Сидоров Н. П. Заметка к былинам о Добрыне–Змееборце: Из стилистических наблюдений // Памяти П. Н. Сакулина: Сб. статей. М., 1931. С. 259–266.
77. Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин: Очерки. М.; Саратов, 1924. 226 с.
78. Славянский фольклор. М.: Наука, 1972. 328 с.
79. Смолицкий В. Г. Былина о Добрыне и змее // Русский фольклор. Л., 1971. Т. XII. С. 181–193.
80. Текстологическое изучение эпоса.: Сб. статей. М., 1971.
81. Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР: поэтика и стилистика: Сб. статей. М., 1980.
82. Фольклор Карело-Финской ССР: Сб. статей / Под ред. Н. П. Андреева. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1941. Вып. 1. 251 с.
83. Фольклор: Образ и поэтическое слово в контексте. М.: Наука, 1984. 296 с.
84. Фольклористика Карелии: Сб. статей / Под науч. ред. Н. А. Криничной и Э. С. Киуру. Петрозаводск, 1991. 174 с.
85. Халанский М. Великорусские былины Киевского цикла // Русский филологический вестник. 1884. № 3, 4; 1885. № 1, 2, 3.
86. Халанский М. Г. К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1903. № 11. Ч. 350. С. 1–40.
87. Черняева Н. Г. К исследованию типологии искусства былинного сказителя // Советская этнография. 1976. № 5.

Библиография

88. Черняева Н. Г. Об отношении былинного сказителя к эпическому кодексу поведения // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 40–57.
89. Чистов К. В. Русские сказители Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1980. 256 с.
90. Чичеров В. И. Школы сказителей Заонежья. М.: Наука, 1982. 198 с.
91. Шамбинаго С. К. К литературной истории старин о Вольге // Журнал Министерства народного просвещения. СПб. 1905. № 11. Ч. 362. С. 131–150.
92. Юдин Ю. И. Героические былины: Поэтическое искусство. М.: Наука, 1975. 120 с.,
93. Юдин Ю. И. Типы героев в героических русских былинах // Русский фольклор: Проблемы художественной формы. Л., 1974. Т. XIV. С. 34–45.

Приложение

Былевой репертуар

Сюжеты былин	Т. Г. Рябинин
1. Вольга и Микула	+
	(4 записи)
2. Илья Муромец и Соловей-Разбойник	+
	(2 записи)
3. Добрыня и змей	+
4. Королевичи из Крякова	+
	(2 записи)
5. Илья Муромец и Калин-царь	+
6. Илья Муромец в ссоре с Владимиром	+
7. Илья Муромец и дочь его	+
	(2 записи)
8. Добрыня и Маринка	+
9. Добрыня и Василий Казимиров	+
	(2 записи)
10. Дюк	+
	(2 записи)
11. Дунай	+
	(2 записи)
12. Хотен Блудович	+
	(2 записи)
13. Скопин Шуйский	+
	(2 записи)
14. Молодец и худая жена	+
15. Худая жена, жена умная	-
16. Михайло Потык	+
	(3 записи)
17. Иван Годинович	+
	(2 записи)
18. Сорок калек	+
	(2 записи)

Былевой репертуар династии Рябининых-Андреевых

И. Т. Рябинин	И. Г. Рябинин-Андреев	П. И. Рябинин-Андреев
+	фрагмент	+
+	фрагмент	+
и фрагмент		
+	бой 1 – фрагмент бой 2 +	бой 1 +
+	+ и фрагмент	+
+	+	-
+	+	-
+	+	-
+	+	-
+	+	-
+	-	+
+	+	-
+	-	-
+	-	-
+	-	-
+	-	-
+	-	-
-	+	+
	и фрагмент	
-	-	-
-	-	-
-	-	-

Приложение

Сюжеты былин	Т. Г. Рябинин
19. Горе	+
	(2 записи)
20. Самсон-богатырь	+
21. Святогор	+
22. Илья Муромец и поганое Идолище	+
23. О Ставре Годиновиче	+
24. О Василье Буслаевиче	+
25. О Садке-купце, богатом госте	+
26. О грозном царе Иване Васильевиче	+
27. Иван Грозный и сын	-
28. Илья Муромец	-
29. Женитьба князя Владимира	-
30. Василий Окулевич	-
31. Добрый в отъезде	-
32. Илья Муромец на заставе	-
33. Скора князя Владимира	-
34. О Ермаке Тимофеевиче	+
35. Поездка Василия Буслаева	+

Былевой репертуар династии Рябининых-Андреевых

И. Т. Рябинин	И. Г. Рябинин-Андреев	П. И. Рябинин-Андреев
-	-	-
-	-	-
-	-	-
-	-	-
-	-	-
-	-	-
-	-	-
-	-	-
-	-	-
-	-	-
+	-	-
+	-	-
-	+	-
-	+	-
-	фрагмент	-
-	фрагмент	-
-	+	-
-	-	-
-	-	-

Приложение

Анализ сюжета былины "Вольга и Микула" по мотивам

Зачин

- Р.¹ Когда воссияло солнце красное
На это на небушко на ясное,

Мотив происхождения героя: родословие

- Р. Тогда зарождался молодой Вольга,
Молодой Вольга Святославович.
- Г.² Жил Святослав девяносто лет,
Жил Святослав да переставился.
Оставалось от него чадо милое,
Молодой Вольга Святославович.

мужание Вольги

- Р. Стал Вольга растеть—матереть,
Г. Стал Вольга росте́ть матерéть,

"Охота" Вольги приобрести чудесную мудрость: желание

- Р. Похотелось Вольге много мудрости:
Щукой—рыбою ходить ему в глубоких морях
Птицей—соколом летать ему под оболока,
Серым волком рыскать во чистых полях.

---

¹ О Вольге Святославиче // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3 т. Петрозаводск, 1989. Т. 1. С. 91–95.

² Вольга и Микула // Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 4–9.

Анализ сюжета былины "Вольга и Микула" по мотивам

- Г. Похотелося Вольгъ да много мудростей:
Щукой рыбою ходить Вольги во синых морях,
Птицей соколом летать Вольги под оболоки,
Волком и рыскать во чистых полях;

неосуществимость желания

- Р. Уходили все рыбы во синие моря,
Улетали все птички за оболока,
Убегали все звери во темные леса.
Г. Уходили-то вси рыбушки во глубоки моря,
Улетали вси птички за оболоки,
Убегали вси звери за темны леса.

мужание Вольги

- Р. Стал Вольга растеть-матереть,
Г. Стал Вольга ростеть матереть,

Сбор дружины

- Р. Избирал собе дружинушку хоробрую,
Тридцать молодцев без единого,
Сам още Вольга во тридцатых.
Г. И сбераля соби дружинушку хоробрую,
Тридцать молодцев без единого,
Сам еще Вольга во тридцатых.

Дарение князем Владимиром трех городов

- Р. Жаловал его родный дядюшка,
Ласковый Владимир стольно-киевский,
Тремя городами со крестьянами:
Первым городом — Гурчевцом,
Другим городом — Ореховцем,
Третьим городом — Крестьяновцем.
Г. Был у него родной дядюшка,
Славный князь Владимир стольно-киевской.
Жаловал его трима городами все крестьянами:
Первым городом Гурчевцом,
Другим городом Ореховцем,
Третьим городом Крестьяновцем.

Приложение

Выезд за данью

- Р. Молодой Вольга Святославгович
Со своею дружинушкой хороброю
Он поехал к городам за получкою.
- Г. Молодой Вольга Святославгович,
Он поехал к городам и за получкою
Со своей дружинушкой хороброю.

Выезд в чисто поле

- Р. Выехал в раздольице чисто поле,
Г. Выехал Вольга во чисто поле,

Появление ората:
обнаружение ората

- Р. Он услышал в чистом поле ратая:
Орет в поле ратай, понукивает,
Сошка у ратая поскрипывает,
Омешики по камешкам почеркивают.
- Г. Ен услышал во чистом поли ратоя.
А орет в поли ратой, понукиваёт,
А у ратоя—то сошка поскрипываёт,
Да по камешкам омешики прочиркивают.

поиск ората

- Р. Ехал Вольга до ратая
День с утра он до вечера
Со своею дружинушкой хоробреей,
А не мог он до ратая доехати.
Ехал Вольга още другой день,
Другой день с утра до вечера,
А не мог он до ратая доехати.
Орет в поле ратай, понукивает,
Сошка у ратая поскрипывает,
Омешики по камешкам почеркивают.
Ехал Вольга още третий день,
Третий день с утра до пабедья,

Анализ сюжета былины "Вольга и Микула" по мотивам

Г. Ехал Вольгà он до ратоя,
День с утра ехàл до вечера,
Да не мог ратоя в поле наехати.
А орет-то в поли ратой, понукиваёт,
А у ратоя сошка поскрипывает,
Да по камешкам омешки прочиркивают.
Ехал Вольгà еще дрóгой день,
Дрóгой день с утра до пáбедыя,
Со своей со дружинушкой хороброю.

*появление оратая:
действия оратая*

- Р. Наехал он в чистом поле ратая.
Орет в поле ратай, понукивает,
С края в край бороздки пометывает;
В край он уедет – другого не видать;
Коренъя, каменъя вывертывает,
А великие-то все каменъя в борозду валит;
- Г. Ен наехал в чистом поли ратоя,
Орет в поле ратой, понукиваёт,
С края в край бороздки пометывает,
В край он уедет – другого нéвидàть.
То коренъя камéнъя вывертывает,
Да великия он кáменъя вси в бóрозду валít.

орудия труда

- Р. Кобылка у ратая соловая,
Сошка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковые.
- Г. У ратоя кобылка солóвенька,
Да у ратоя сошка кленовая,
Гужики у ратоя шелковые.

*Диалог:
приветствие Вольги*

- Р. Говорил Вольга таковы слова:
"Божья ти помочь, оратаюшко!
Орать, да пахать, да крестьянствовати,
С края в край бороздки пометывать,
Коренъя, каменъя вывертывать!"

Приложение

- Г. Говорил Вольгà таковы слова:
— Бог тебе помочь оратаюшко,
А орать да пахать да крестьянствовати,
С края в край бороздки пометывать!

ответ оратая и вопрос о цели путешествия

- Р. Говорил оратай таковы слова:
"Поди-тко, Вольга Святославович,
Со своею со дружинушкой хороброю,
Мне-ка надобна божья помочь
крестьянствовати!
Далеко ль, Вольга, едешь, куда путь держишь
Со своею со дружинушкой хороброю?"
- Г. Говорил оратай таковы слова:
— Да поди-ко ты Вольга Святославович!
Мни-ка надобно Божья помочь
крестьянствовать,
С края в край бороздки пометьвать.
А я далече ль Вольгà едешь, куда путь держиш
Со своею со дружинушкой хороброю?

ответ Вольги

- Р. "Ай же ты, ратаю-ратаюшко!
Еду к городам за получкою:
Ко первому городу ко Гурчевцу,
Ко другому ко городу к Ореховцу,
Ко третьему городу ко Крестьяновцу".
- Г. Говорил Вольгà таковы слова:
— А еду к городам я за получкою,
К первому ко городу ко Гурьевцу,
К другому-то городу к Ореховцу,
К третьему городу к Крестьяновцу.

похвальба оратая

- Р. Говорил оратай таковы слова:
"Ай же Вольга Святославович!
А недавно я был в городни, третьёго дни,
На своей кобылке соловоей,

Анализ сюжета былины "Вольга и Микула" по мотивам

Увез я оттоль соли столько два меха,
Два меха соли по сороку пуд,
И живут-то мужики – все разбойники,
Оны просят гроши подорожных;
А был я шалыгой подорожною,
Платил им гроши подорожные:
Который стоя стоит – тот и сидя сидит,
А который сидя сидит – тот и лежа лежит".

- Г. Говорил оратай таковы слова:
— Ай же Вольга Святославович!
Да недавно я был в городи, третьяго дни,
На своей кобылке соловою,
А привез оттоль соли я два меха,
Два меха–то соли по сороку пуд,
А живут мужики там разбойники,
Ены просят гроши подорожных,
А был я шалыгой подорожною,
А платил им гроши я подорожными:
А кой стоя стоит, тот и сидя сидит,
А кой сидя сидит, тот и лёжа лежит.

приглашение Вольги оратаю ехать вместе

- Р. Говорил Вольга таковы слова:
"Ай же оратай–оратаюшко,
Поедем со мною в товарищах!"
- Г. Говорил Вольга таковы слова:
— Ай же оратай оратаюшко!
Да поедем–ко со мною во товарищах
Да ко тем к городам за получкою.

Сборы оратая

- Р. Этот оратай–оратаюшко
Гужики шелковенъки повыстенул,
Кобылку из сошки повывернул;
- Г. Этот оратай оратаюшко
Гужики с сошки он повыстенул
Да кобылку из сошки повывернул
А со тою он сошки со кленовенкой,
А ѹ оставил он тут сошку кленовую,

Приложение

Отъезд Вольги с дружиной и оратая в чисто поле

- Р. Сели на добрых коней, поехали.
Г. Он садился на кобылку соловеньку;
Они сели на добрых коней, поехали
По славному раздолыцу чисту́ полю.

Состязание в богатырской силе: просьба

- Р. Говорил оратай таковы слова:
"Ай же Вольга Святославович!
Оставил я сошку в бороздочке,
И не гля-ради прохожего, проезжего,
А гля-ради мужика-деревенщины.
Как бы сошка с земельки повыдернути,
Из омешиков земелька повытряхнути
И бросить бы сошку за ракитов куст?"
Г. Говорил оратай таковы слова:
— Ай же Вольга Святославович!
А оставил я сошку в бороздочки,
Да не гля-ради прохожаго проезжего,
Ради мужика деревенщины:
Они сошку с земельки повыдернут,
Из омешиков земельку повытряхнут,
Из сошки омешики повыколнут,
Мне нечем будет молодцу крестьяновати.
А пошли ты дручинушку хоробрую,
Чтобы сошку с земельки повыдернули,
Из омешиков земелька повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.

испытание пяти богатырей

- Р. Молодой Вольга Святославович
Посыпает он с дручинушки хоробрыя
Пять молодцев могучиих,
Чтобы сошка с земельки повыдернули,
Из омешиков земелька повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.

Анализ сюжета былины "Вольга и Микула" по мотивам

Г. Молодой Вольгà Святославович
Посыпает тут два да три добрых мόлодца
Со своей с дружинушки с хороброей
Да ко этой ко сошке кленовенькой,
Чтобы сошку с земельки повыдернули,
Из омешиков земелька повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.

первое посрамление

- Р. Эта дружинушка хоробрая,
Пять молодцев могучих,
Приехали к сошке кленовыя:
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки с земельки повыдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.
- Г. Едут туды два да три добрых молодца
Ко этой ко сошки кленовоей;
Они сошку за обжи кругом вертят,
А им сошки от зéмли поднять нельзя,
Да не могут сошки с земельки повыдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.

испытание десяти богатырей

- Р. Молодой Вольга Святославович
Посыпает он целым десяточком,
Чтобы сошку с земельки повыдернули
Из омешиков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.
- Г. Молодой Вольга Святославович
Посыпает он целым десяточком
Он своей дружинушки хоробреей
А ко этой ко сошке кленовоей.

второе посрамление

- Р. Оны сошку за обжи вокруг вертят —
Сошки от земели поднять нельзя,
Не могут из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.

Приложение

Г. Приехали оны целым десяточком
Ко этой славной ко сошке кленовенькой;
Оны сошку за обжи кружком вертят,
Сошки от земели поднять нельзя,
Не могут они сошки с земельки повыдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.

испытание всей дружины

Р. Посыпал он всю друдинушку хоробрую:
Г. Молодой Вольга Святославович
Посыпает всю друдинушку хоробрую,
То он тридцать молодцов без единаго,
Этая друдинушка хоробрая,
Тридцать молодцов да без единаго.

третье посрамление

Р. Оны сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки с земельки повыдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнути,
Бросить сошки за ракитов куст.
Г. А подъехали ко сошке кленовенькой,
Брали сошку за обжи, кружком вертят,
Сошки от земели поднять нельзя,
Не могут они сошки с земельки повыдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнути,
Бросити сошки за ракитов куст.

победа оратая в состязании: упрек дружине

Г. Говорит оратай таковы слова:
— Ай же Вольга Святославович!
То не мудрая друдинушка хоробрая твоя,
А не могут оны сошки с земельки повыдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнути,
Бросити сошки за ракитов куст.
Не друдинушка тут есте хоробрая,
Столько одна есте хлебоясть.

Анализ сюжета былины "Вольга и Микула" по мотивам

демонстрация силы

- Р. Подъехал оратай–оратаюшко
На своей кобыле соловенькой
Ко этой ко сошке кленовоей:
Брал–то он сошку одной рукой,
Сошку с земельки повыдернул,
Из омешиков земельки повытряхнул,
Бросил сошку за ракитов куст.
- Г. Этот оратай оратаюшко
Он подъехал на кобылке соловенькой
А ко этой ко сошке кленовенькой,
Брал эту сошку одной ручкой,
Сошку с земельки повыдернул,
Из омешиков земельку повытряхнул,
Бросил сошку за ракитов куст.

*Состязание конями и победа оратая:
выезд в чисто поле*

- Р. Сели на добрых коней, поехали.
Оратая кобылка–то рысью идет,
А Вольгин–от конь и поскакивает;
У оратая кобылка–то грудью пошла,
А Вольгин–от конь остается.
- Г. Оны сели на добрых коней, поехали
Да по славному раздолью чисту полю
А у ратоя кобылка она рысью идёт,
А Вольгин–тот конь да поскакивает;
А у ратоя кобылка грудью пошла,
Так Вольгин–тот конь остается.

помахивание Вольги колпаком

- Р. Стал Вольга тут покрикивати,
Колпаком Вольга стал помахивати:
- Г. Стал Вольгà покрыкывати,
Стал колпаком Вольгà помáхивати,

обращение Вольги

- Р. "Постой–ка ты, ратай–ратаюшко!"
- Г. Говорил Вольга таковы слова:
— Стой–ко, постой, да оратаюшко!

Приложение

Словесное состязание: обращение Вольги

- Р. Этая кобылка коньком бы была,
За эту кобылку пятьсот бы дали".
- Г. Говорил Вольга таковы слова:
— Ай же орা�тай оратаюшко,
Эта кобылка конём бы была,
За эту кобылку пятьсот бы дали.

словесная победа оратая

- Р. Говорил оратай таковы слова:
"Глупый Вольга Святославович!
Взял я кобылку жеребчиком с-под матушки
И заплатил за кобылку пятьсот рублей:
Этая кобылка коньком бы была,
За эту кобылку сметы бы нет".
- Г. Говорит оратай таковы слова:
— Взял я кобылку жеребчиком,
Жеребчиком взял ю спод матушки,
Заплатил я за кобылку пятьсот рублей:
Этая кобылка конём бы была,
Этой бы кобылки и сметы нет.

Открытие имени победителя: обращение и вопрос Вольги

- Р. Говорил Вольга Святославович:
"Ай же ты, ратаю-ратаюшко!
Как-то тебя именем зовут,
Как звеличают по отчеству?"
- Г. Говорил Вольга таковы слова:
— Ай же ты оратай оратаюшко!
Как-то тебя да именём зовут,
Как звеличают по отчеству?

Анализ сюжета былины "Вольга и Микула" по мотивам

*ответ оратая:
представление героя в крестьянском труде*

- Р. Говорил оратай таковы слова:
"Ай же Вольга Святославович!
А я ржи напашу да во скирды сложу,
Во скирды складу, домой выволочу,
Домой выволочу да дома вымолочу,
Драни надеру да и пива наварю,
Пива наварю да и мужичков напою.
- Г. Говорил оратай таковы слова:
— Ай же Вольга ты Святославович!
Ржи напашу, в скирды складу
В скирды складу да домой выволочу,
Домой выволочу, дома вымолочу,
Драни надеру да то я пива наварю,
Пива наварю, мужичков напою,

название имени

- Р. Станут мужички меня покликавати:
"Молодой Микулушка Селянинович!"
- Г. Станут мужички меня покликавати:
— Ай ты молодой Микулушка Селянинович!

**Анализ сюжета былины
"Королевичи из Крякова" по мотивам**

---

*Представление героя:
происхождение*

- Р.¹ Из того из города из Крякова,
Из того села ли из Березова,
Из того подворья богатырского
- Г.² Из того было из города из Крякова,
С того славного селá да со Березова,
А со тою ли со улицы Рогатицы,
Из того подворья богатырского,
- выезд в чисто поле за "охотою"*
- Р. Охвóчъ ездить молодец был за охвотою
Во славное раздольице чисто поле,
Охвóчъ-то был стрелять гусей, лебедей,
Малых перелетных серых утушек.
Молодой Петróй Петрович, королевский сын,
Он проездил день с утра до вечера
По славну по раздольицу чисту полю,
Не наехал ни гуся, ни лебедя,
Ни малого перелетного утеныша.
Още ездил дру́гой день с утра до пáбедья,
- Г. Охвóчъ ездить молодец был за охвоткою;
А ѹ стрелял-то да ѹ гусей лебедей,
Стрéлял малых перелетных серых утупок.
То он ездил по раздольицу чисту полю,

---

¹ О двух королевичах из Крякова — Петре Петровиче и Луке Петровиче // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3 т. Петрозаводск, 1989. Т. 1. С. 179–186.

² Королевичи из Крякова // Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 143–151.

Анализ сюжета былины "Королевичи из Крякова" по мотивам

Целый день с утра ездил до вечера,
Да и не наехал он ни гуся он ни лебедя,
Да й не малого да перелетного утенушка.
Он по дру́гой день ездил с утра до пабедья,

Встреча с лебедушками

- Р. Подъехал он ко синему ко морюшку
И насмотрел-то он на синéм море,
На той на тихоей забереги,
На зеленоем на затресы,
Плавают две белые лебедушки, колыблются;
- Г. Ен подъехал-то ко синему ко морюшку,
Насмотрéл две белых две лебедушки:
Да на той ли как на тихоей забереги,
Да на том зеленоем на затресы
Плавают две лебеди, колыблются.

Угроза Петра Петровича

- Р. Становил-то он коня богатырского,
От правого от стремечка булатного
Свой тугий лук разрывчатый отстегивал,
То он стрелочки каленые накладывал,
Тетивочки шелковеньки натягивал,
Хотит подстрелить двух белых лебедушек.
- Г. Становил-то он коня да богатырского,
А свой тугой лук разрывчатой отстегивал
От того от праваго от стремечка булатнёго,
Наложил-то он и стрелочку каленую,
Натянул тетивочку шелковеньку,
Хотит подстрелить двух белых лебедушок.

*Предостережение лебедушек:
ответ*

- Р. Этые белые лебедушки
Проязычили языком человеческим:
- Г. Воспроговорили белые лебедушки,
Проязычили языком человеческим:

Приложение

обращение к богатырю

- Р. "Ты удаленький дородний добрый молодец,
Славный богатырь святорусский!
Хоть ты подстрелишь двух белых лебедушек.
Не укрятуешь плеча ты могучего
И не утешишь сердца богатырского.
- Г. — Ты удаленький дородний добрый молодец,
Ай ты славный богатырь святорусский!
Хоть нас подстрелишь двух белых лебедушек,
Не укрятаешь плеча могучаго,
Не утешишь сердца молодецкаго.

рассказ о себе

- Р. Не две белые мы есть—то не лебеди,
Есть—то мы две девушки две красных,
Две прекрасных Настасьи Митриевичны,
Со тоя мы со славной с Золотой Орды,
Летаем мы от пана поганого по три году,
Улетели мы за синее за морюшко.
- Г. Не два лебеди мы есть да не два белых,
Есть две девушки да есть две красных,
Две прекрасных Настасьи Митриёвичны,
Мы летаем—то от пана от поганаго,
Мы летаем поры времени по три году,
Улетели мы за синёе за морюшко.

совет

- Р. Поезжай—ко ты раздольицем чистым полем
Ко славному ко городу ко Киеву
- Г. Поезжай—ко ты в раздольице чисто поле
Да й ко славному ко городу ко Киеву,
Да й ко ласкову князю ко Владымиру:
А й Владимир князь он ест—то и проклаждается
И над собой незгодушки не ведает.
Как поедешь ты раздольицем чистым полем,

предсказание о встрече с вороном

- Р. И подъезжай к сырому дубу крякновисту,
Насмотри-ка ты птицу во сыром дубу:
Сидит-то птица черный ворон во сыром дубе,
Перышце у ворона черным-чёрно,
Крыльице у ворона белым-бело,
Перышца распущены до матушки сырой земли.
Эдакой птицы на свете не видано,
На белоем не слыхано".
- Г. Да приедешь ты к сырому дубу крякновисту,
Насмотри-тко птицу во сыром дубе,
Сидит птица чёрный ворон во сыром дубе,
Перышце у ворона черным черно,
Крыльице у ворона белым бело,
Перышца распущены до матушки сырой земли.

Дума Петра Петровича

- Р. Стоит богатырь, пораздумался:
"Хоть я подстрелю двух белых лебедушек,
Не укрятую плеча ты могучего
И не утешу сердца богатырского".
- Г. Молодой Петром Петрович королевской сын
На коне сидит, сам пороздумался:
— Хоть-то подстрелю двух белых лебедушок,
Да и побью я две головки бесповинных,
Не укрятаю плеча могучаго,
Не утешу сердца молодецкаго.

Отказ от намерений

- Р. Снимает эти стрелочки каленые,
Отпускает он тетивочки шелковеньки,
Свой тугий лук разрывчатый пристегивал
Ко правому ко стремену к булатнему,
Берет он в руки плеточку шелковеньку,
Бьет-то он коня да по тучной бедре,
- Г. Ен сымает эту стрелочку каленую,
Отпустил тетивочку шелковеньку,
А и свой тугой лук разрывчатой пристегивал
А и ко правому ко стремечки булатнёму,

Приложение

Выезд в чисто поле на пути в Киев

- Р. То он ехал по раздольицу чисту полю
Ко славному ко городу ко Киеву.
- Г. Да й поехал он раздольицем чистым полем
А й ко славному ко городу ко Киеву.

Исполнение предсказания: встреча с вороном

- Р. И подъехал ко сырому дубу крякновисту,
И насмотрел он птицу черна ворона:
- Г. Подъезжал он ко сырому дубу крякновисту,
Насмотрел ён птицу черна ворона;

описание ворона

- Р. Сидит-то птица черный ворон во сырому дубе,
Перышце у ворона черным-черно,
Крыльице у ворона белым-бело,
Перышца распущены до матушки сырой земли.
Эдакой птицы на свете не видывал,
На белоем не слыхивал.
- Г. Сиди птица черный ворон во сырому дубе,
Перышко у ворона черным черно,
Крыльице у ворона белым бело,
А й распущены до матушки сырой земли:
Эдакою птицы на свете не видано,
А й на белоем да и не слыхано.

угроза ворону действием

- Р. Становил он коня богатырского,
Свой тугий лук разрывчатый отстегивал,
От правого от стремечка булатного,
Налагает он стрелочку каленую,
Натянул тетивочку шелковеньку,
- Г. Молодой Петром Петрович королевской сын
Он от правого от стремечки булатного
Оттянул свой тугой лук разрывчатый,
Наложил ён стрелочку каленую,
Натянул тетивочку шелковеньку,

угроза ворону словом

- Р. И говорил-то он таковы слова:
"Я подстрелю эту птицу черна ворона,
Расточу его я кровь-то по сырому дубу,
Тущицу его спущу я на сырую землю,
Перышко распушу я по чисту полю,
По славному раздольищу широкому".
- Г. Говорил-то молодец да й таковы слова:
— Я подстреляю эту птицу черна ворона,
Его кровь-то росточу да по сырому дубу,
Его тушицию спущу я на сырую землю,
Перышко я распушу да по чисту полю
Да по тою долинушке широкою.

Предупреждение ворона:

ответ

- Р. Проязычит птица языком человеческим:
Г. Воспроговорил-то ворон птица черная,
Испровещил да языком человеческим:

обращение к богатырю

- Р. "Ты удаленький дородний добрый молодец,
Славный богатырь святорусский!
Ты слышал ли поговорье на святой Руси:
"В келье старца убить — то есть не спасенье,
Черна ворона подстрелить — то не корысть
получить"?
Хоть ты и подстрелишь птицу черна ворона
И расточишь мою кровь-то по сырому дубу,
Тушу мою спустишь на сырую землю
И перышко распустишь по славной по
долинушке,
По раздольищу широкому чисту полю, —
Не укрятуешь плеча ты могучего
И не утешишь сердца богатырского.

- Г. — Ты удаленькой дородний добрый молодец,
Славный богатырь святорусский!
Ты слыхал ли поговорю на святой Руси:

Приложение

В кельи старца-то убить – так то не спасеньё,
Черна ворона подстрéлить – то не корысть
получить,
Хоть подстрелишь мене птицу черна ворона,
И поросточишь мою кровь ты по сыру дубу,
Спустишь тушицу на матушку сыру землю,
Не укрятаешь плеча да ты могучаго,
Не утешиш сердца молодецкаго.

совет

- Р. Поезжай-ка раздолицем чистым полем
Ко славному ко городу ко Киеву,
Ко ласковому князю ко Владимиру.
У ласкова князя у Владимира
Хорош честён пир-пированьице;
Над собой он князь незгодушки не ведает:
- Г. Поезжай-ко ты во славной столней Киев град,
Да й ко славному ко князю ко Владимиру,
А й у славнаго-то князя у Владимира
Есть почестен пир да й проклаждается,
То он есть да пьет да й проклаждается,
Над собою князь незгодушки не ведает:

предсказание ворона

- Р. Ездит паленичища в чистом поле
На добром коне на богатырскоем,
Она кличет-выкликает поединника,
Супротив себя да супротивника.
Говорит-то паленица таковы слова:
"Ежели Владимир стольно-киевский
Не пошлет ко мне он поединника,
Супротив меня да супротивника,
Самого Владимира под меч склоню,
Под меч склоню, голову срублю.
Черных мужиков-то всех повырублю,
Божьи церкви я все на дым спущу".
- Г. То ведь ездит поляничища в чистом поли,
Она кличит выкликает поединника,
Супротив себя да й супротивника,

Анализ сюжета былины "Королевичи из Крякова" по мотивам

Из чиста поля да что наездника:
Он не даст ли мне-ка если поединника,
Супротив себя да ѹ супротивника,
Из чиста поля да что наездника, —
Розорю я славной стольной Киев град,
А'ще чернедь мужичков-то всех повырублю,
Все божъи церкви-то я на дым спущу,
Самому князю Владымиру я голову срублю
Со Опраксией да королевичной.

Дума Петра Петровича:
дума

- Р. Стоит молодец, он пораздумался:
"Слыхал я поговорье на святой Руси:
В келье старца убить — то есть не спасенье,
Черна ворона подстрелить — то не корысть
получить
Хоть подстрелю я птицу черна ворона
И расточу его я кровь-то по сырому дубу,
Тушицу его спущу я на сырую землю,
Перышко-то распушу по чисту полю,
По славному раздолыцу широкому,
То не укрятую плеча я могучего
И не утешу сердца богатырского".
- Г. Молодой Петром Петрович королевской сын
На добром коне сидит, сам пороздумался:
— То слыхал я поговорю на святой Руси:
В кельи старца-то убить, так то не спасеньё,
Черна ворона подстрэлить, то не корысть
получить,
Хоть я подстрело-то птицу черна ворона,
Росточу-то его кровь да по сырому дубу,
Его тушицу спущу да ѹ на сырую землю,
Роспушу то ёго перышце да ѹ по чисту полю
Да по тою по долинушке широкою, —
Не укрятаю плеча-то могучаго
И не утешу сердца молодецкаго.

Приложение

отказ от исполнения желания

- Р. Снимает он стрелочку каленую,
И отпустил тетивочку шелковую,
Свой тугий лук разрывчатый пристегивал
Ко правому ко стремечку булатному
- Г. Он сымает эту стрелочку каленую,
Отпустил тетивочку шелковую,
А свой тугой лук розрывчатой пристегивал
А й ко правому ко стремечки к булатнёму,

Выезд в чисто поле

- Р. И поехал по раздольицу чисту полю.

Дума Петра Петровича

- Р. Поехал молодец, сам пораздумался:
"Прямоезжею дорогою поехать в стольно-
Киев-град,
То не честь мне-ка хвала от богатырей
И не выслуга от князя от Владимира.
Если бы поехать во раздольице чисто поле,
Поответь мне-ка силы у татарина,
То побьет меня татарин во чистом поле,
Не бывать-то молодцу на святой Руси,
Не видать мне, молодцу-то, света белого".
- Г. На кони сидит да й пораздумался:
— Прямоезжею дорогою поехать в стольней
Киев град,
То не честь мне-ка хвала да й от богатырей,
А й не выслуга от князя от Владимира
А поехать мне дорожкой во чисто поле
А й ко тою поляницищу удалою,
А й убьет-то поляница во чистом поле,
Не бывать-то мни да на святой Руси,
А и не видать-то молодцу мне свету белого.

Просьба Петра Петровича о помощи у Бога

- Р. Ён зовет себе да бога на́ помочь,

Анализ сюжета былины "Королевичи из Крякова" по мотивам

Выезд в чисто поле

- Р. Спустил–то добра коня раздольицем чистым полем,
Г. Он спустил коня да й богатырского,
Ен поехал по роздольицу чисту полю,

Появление татарина

- Р. Ен наехал паленичищу в чистом поле.
Г. Ен подъехал к поляници ко удалою.

*Поединок:
съезд богатырей*

- Р. Оны съехались да поздоровкались,
Становили добрых коней богатырских,
Оны сделали говор да промежду собой,
Что разъехаться с раздольица чиста поля
На своих на добрых конях богатырских,
Приударить надо в палицы булатние.
Г. Оны съехались добры молодцы
да й поздоровкались,
Они сделали говор да й промежду собой,
Как друг у друга нам силушки отведати:
Нам разъехаться с роздольица чиста поля
На своих на добрых конях богатырских,
Приударить надо в палицы булатни,
Тут мы силушки у друг друга отведаем.

разъезд

- Р. Разъехались оны с раздольица чиста поля
На своих на добрых конях богатырских,
Г. Порозъехались они да на добрых конях
По славному роздольицу чисту полю;

второй съезд богатырей

- Г. Они съехались с роздольица чиста поля
На своих на добрых конях богатырских,

Приложение

*бой палицами:
описание боя*

- Р. Приударили во палицы булатние,
Оны друг–то друга били не жалухою,
Не жалухою–то били по белым грудям,
Со всея били со силы богатырских;
Под нима доспехи были крепкие:
У них палицы в руках–то погибалися,
По маковкам отломилися,
Оны друг друга не сшибли со добрых коней,
- Г. Приударили во' палици булатнии,
Они друг друга–то били не жалухою,
Со всей силушки да богатырскии,
Били палиц'ми булатнima да по белым грудям.
И у них палици в руках да погибалися,
А й по маковкам да й отломилися;
А й под нима как доспехи были крепкии,
Ены друг друга не сшибли со добрых коней,

оценка боя

- Р. Оны друг друга не били и не ранили,
Никоторого mestечка не кровавили.
- Г. Да й не били óны друг друга, не ранили,
Никоторого mestечка не кровавили.

сговор

- Р. Становили добрых коней богатырских,
Оны сделали сговор да промежду собой,
Что разъехаться с раздольица чиста поля
На своих на добрых конях богатырских,
Приударить надо в копья муржамецкие.
- Г. Становили молодцы оны добрых коней
И они делали сговор да промежду собой,
Порозъехаться с раздольица чиста поля
На своих на добрых конях богатырских,
Приударить надо в копья муржамецкия,
Надо силушки у друг друга отведати.

*бой копьями:
разъезд*

- Р. Разъехались оны с раздольица чиста поля
На своих на добрых конях богатырских,
Г. Порозъехались с роздольица чиста поля
На своих на добрых конях богатырских,

описание боя

- Р. Приударили во копья муржамецкие;
Оны друг–то друга били не жалухою,
Не жалухою–то били по белым грудям,
И со всяя били силы богатырские;
Под нима доспехи были крепкие:
У них копья в руках–то погибалися,
По маковкам копья отломилися,
Г. Приударили во копья муржамецкия,
Они друг друга–то били не жалухою,
Не жалухою–то били по белым грудям.
У них копья–ты в руках да погибалися,
А й по маковкам да й отломилися;
А й под нима как доспехи были крепкии,

оценка боя

- Р. Оны друг друга не сшибли со добрых коней,
Оны друг друга не били не ранили,
Никоторого mestечка не кровавили.
Г. Ени друг друга не сшибли со добрых коней,
То не били оны друг друга, не ранили,
Никоторого mestечка не кровавили.

сговор

- Р. Становили добрых коней богатырских,
Выходили добры молодцы с добрых коней:
Надо биться боем–рукопашкою,
Поответдать друг у друга силушки великия.

Приложение

Г. Становили добрых коней богатырских,
Говорили молодцы — то промежду собой:
Опуститься надо со добрых коней
А й на матушку да й на сырь землю,
Надо биться — то нам боем рукопашкою,
Тут у друг друга мы силушку отведаем.

победа в рукопашном бою: выполнение сговора

Г. Выходили молодцы они с добрых коней,
Становились на матушку сырь землю
Да й пошли — то биться боем рукопашкою.

одоление одной рукой

Р. Молодой Петром Петрович, королевский сын,
Он весьма обучен был бороться об одной ручке;
Он подходит к паленицы ко удалыя,
То он схватит паленицу на косу бедру,
Здынул он паленицу выше головы,
Спустил он паленицу на сырь землю,
Ступил он паленицы на белы груди,

Г. Молодой Петром Петрович королевской сын
Он весьма был обучен бороться об одной ручке;
Подошел он к поляницищу удалою,
Да й схватил он поляницу на косу бодру,
Да й спустил на матушку сырь землю,

угроза врагу

Р. Берет свое кинжалище булатнее,
Заносил он ручку правую выше головы,
Спустить хотит он ниже пояса.
Ручка правая в плече застоялася,
Во ясных очушках свет помущается,

Г. Вынимал — то свой он нож булатнюю,
Заносил свою да ручку правую,
Заносил он ручку выше головы,
Да й спустить хотел ю ниже пояса —
Права ручушку в плечах да застоялася,
В ясных очушках да й помутился свет.

расспрос об имени

- Р. То он стал у паленицы выспрашивать:
"Скажи-тко, паленица, проведай-ка:
Ты с коей земли, да ты с коей литвы,
Как тебя, паленицу, именем зовут,
Звеличают удалую по отечству?"
- Г. То он стал у поленицы повыспрашивать:
— Ты скажи-тко, поляница, мне проведай-ко:
Ты с коей Литвы, да ты с коей земли,
Тобе как-то поляничку именём зовут
И удалую звеличают по отечству?

упрек:
обращение ругательное

- Р. Говорила паленица таковы слова:
"Ах ты старая базыга, новодревная!"
- Г. Говорила поляница й горько плакала:
— Ай ты старая базыка новодревная!

обида

- Р. Тебе просто надо мною насмехатися,
Как стоишь ты над мою грудью белою,
Во руках держиши кинжалище булатнее;
Есть бы был я на твоей белой груди,
Пластал бы я твои груди белые,
Доставал бы твое сердце со печенью,
И не спросил бы ни батюшки, ни матушки,
Ни твоего роду и ни племени".
- Г. Тоби просто надо мною насмехатися,
Как стоишь ты на моей белой груди
И в руках ты держиши свой булатний нож,
Ты хотиши пластать мои да груди белыи,
Доставать хотиши мое сердце со печеней.
Есть стояла я бы на твоей белой груди,
Да пластала бы твои я груди белыи,
Доставала бы твоё да сердце с печеней,
Не спросила б я отца твоёго матери,
А ни твоего ни роду я ни племени.

Приложение

обида Петрова Петровича

- Г. Розгорелось сердце у богатыря
А у молода Петрова у Петровича.

повторная угроза врагу

- Р. Берет свое кинжалище булатнее,
Заносил он ручку правую выше головы
И спустить ю хочет ниже пояса,
Ручка правая в плече застоялась,
Во ясных очушках свет помущается,
- Г. Ен занес свою да ручку правую,
Ручку правую занес он выше головы,
Опустить ю хочет ниже пояса, —
Права ручушка в плечи да застоялася,
В ясных очушках да помутился свет.

повторение вопроса об имени

- Р. Стал у паленицы выспрашивать:
"Скажи-тко, паленица, попроведай-ка:
Ты с коей земли, да ты с коей литвы,
Как тебя, паленицу, именем зовут,
Удалую звеличают по отечеству?"
- Г. То он стал у поленицы повыспрашивать:
— Ты скажи-тко, поляница, мне проведай-тко:
Ты коей земли да ты коей Литвы,
Тобя как-то поляничку именем зовут
Тобя как-то звеличают по отечеству

повторное обращение ругательное

- Р. Говорила паленица таковы слова:
"Ах ты старая базыга, новодревная!"

повторная обида

- Р. Тебе просто надо мною насмехатися,
Как стоишь ты над мою грудью белою,
Во руках держишь кинжалище булатнее!
Есть бы был я на твоей белой груди,

Анализ сюжета былины "Королевичи из Крякова" по мотивам

Пластал бы я твои груди белые,
Доставал бы твое сердце со печенью,
И не спросил бы ни батюшки, ни матушки,
Ни твоего рода и ни племени".

третья угроза врагу

- Р. Молодой Петрой Петрович, королевский сын,
Берет свое кинжалыще булатнее,
Заносил он ручку правую выше головы
И спустить ю хочет ниже пояса.
Ручка правая в плече застоялася,
В ясных очушках свет помущается,

третий вопрос об имени

- Р. Стал у паленицы выспрашивать:
"Скажи-тко, паленица, попроведай-ка:
Ты с коей земли, да ты с коей литвы,
Как тебя, паленицу, именем зовут,
Удалую звеличают по отечству?"

ответ:

обращение величальное

- Р. Говорила паленица и заплакала:
"Ты удаленький дородний добрый молодец,
Славный богатырь святорусский!
Г. Говорила поленица таковы слова:
— Ай ты славный богатырь святорусский!

название своего рода и имени

- Р. Когда ты у меня стал выспрашивать,
Я стану тебе про то высказывать.
Есть я со тоя со темной литвы,
От тых татаровей поганых;
А увезен был маленьkim робеночком
Из того было из города из Крякова,
Из того села да из Березова,
Со тоя со улицы с Рогатицы,
Со того подворья богатырского
Молодой Лука Петрович, королевский сын.

Приложение

Г. А ѿ ты когда стал у меня выспрашивать,
Я стану про то тебе высказывать:
Родом есть из города из Крякова,
Из того села да со Березова,
А ѿ со тою ли со улицы Рогатицы,
Со того подворья богатырского,
Молодой Лука Петрович королевской сын.

рассказ об увозе в полон

- Р. Увезли меня татаровъя поганые
Маленьким робеночком во эту во темну орду,
Г. Увезен был маденьким робеночком:
Увезли меня татара-ты поганыи,
Да ѿ во ту славну в хоробру Литву,

воспитание

- Р. И возрос я там до полного до возраста
И имею в плечах силушку великую.
Г. То возростили до полного до возрасту;
Во плечах стал я иметь-то силушку великую,

выезд в Святую Русь

- Р. Избирал собе коня я богатырского
И поехал я на матушку святую Русь
Поискать собе-то роду-племени
И поотведати собе-то отца-матери".
Г. Избирал коня соби я богатырского,
Я повыехал на матушку святую Русь
Поискать собе я отца матушки,
Поотведать своего да роду племени.

Признание родства

- Р. Молодой Петрой Петрович, королевский сын,
Он скорешенько соскочит со белых грудей,
Берет его за ручушки за белые,
За него за перстни за злаченые,
Становил его да на резвы ноги,
Целовал его во уста в сахарние,
Называл-то братцем собе родным.

Г. Молодой Петром Петрович королевской сын,
Ен скорешенько соскочит со белой груди,
То ѹ берет его за ручушки за белыи,
За него за перстни за злаченые,
То здымал его со матушки сырой земли,
Становил он молодца да ѹ на резвы ноги,
На резвы ноги да ѹ супротив собя,
Целовал ёго в уста он во сахарнии,
Называл-то братцем соби родным.

Отъезд домой

- Р. Оны сели на добрых коней, поехали
По славному раздольицу чисту полю,
Ко славному ко городу ко Крякову,
Ко тому селу да ко Березову,
По той улицы по Рогатицы
И к тому подворью богатырскому.
- Г. Ены сели на добрых коней, поехали
Ко тому ко городу ко Крякову,
Ко тому селу да ко Березову,
Да ко тою улицы Рогатицы,
К тому славному к подворью богатырскому;

*Приезд домой:
сходили с коней*

- Р. Молодой Петром Петрович, королевский сын,
Приехал он на свой на широк двор,
И он скорешенько соскочит со добра коня
- Г. Приезжали-то оны да ѹ на широкой двор,
Как сходили молодцы они с добрых коней,

Петром быстро сбежал

- Р. И бежит в свою палату белокаменну.
Г. Молодой Петром Петрович королевской сын
Он бежал скоро в полату белокаменну;

Лука похаживает по двору

- Р. Молодой Лука Петрович, королевский сын,
Как он соскочит со добра коня,
Стал он по двору похаживать,
Стал добра коня поваживать.

Приложение

- Г. Молодой Лука Петрович королевской сын
А й стал по двору Лука похаживать,
За собою стал добра коня поваживать.

приход Петрова Петровича к матери

- Р. Молодой Петрович, королевский сын,
Пришел в свою палату белокаменну
Ко своей к родителю ко матушке,
Г. Молодой Петрович королевской сын
Ен скоренько шёл полатой белокаменной,
Проходил ён во столову свою горенку,

Обращение к матери и загадывание загадки

- Р. Сам—от говорит да таковы слова:
"Свет ты государыня родная матушка,
Честная вдова Настасья Васильевна!
Был—то я в раздольице чистом поле,
Наехал в чистом поле татарина,
Кормил—то его ествушкой сахарнею,
Поил его питьцем медвяным".
Г. Ко своей ко родной пришел матушке:
— Ай ты свет моя да й родна матушка!
Как—то был я во раздольице в чистом поли,
Да й наехал я в чистом поли татарина,
А кормил я ёго ествушкой сахарною,
Да й поил я ёго питьцем медвяным.

Ответ матери: *величание*

- Р. Говорит ему родная матушка,
Честная вдова Настасья Васильевна,
Сама слезно заплакала:
"Свет ты мое чадо милое,
Молодой Петрович, королевский сын!
Г. Говорит ему тут родна матушка:
— Ай же свет моё чадо любимое,
Молодой Петрович королевской сын!

недоумение матери

- Р. Как был ты во раздольице чистом поле
Да наехал во чистом поле татарина,
Ты б не ествушкой кормил его сахарнею
И не питьицем поил его медвяным,
Бил бы его палицей булатнею
Да колол бы его копьем вострым.
- Г. Как наехал ты в чистом поли татарина,
То не ествушкой кормил бы ты сахарною,
То не питьицем поил бы ты медвяным,
А й то бил бы ёго палицей булатною,
Да й колол бы ты ёго да копьем вострым.

рассказ о старшем брате

- Р. Этые татаровья поганые
Увезли братца у тя родного маленьким
робеночком,
Молода Луку Петровича".
- Г. Увезли у тобя братца они родного,
Увезли-то ёны малым робёночком,
Увезли его татары-ты поганы!

Разъяснение загаданного вопроса

- Р. Говорил Петрой Петрович таковы слова:
"Свет ты моя родная матушка!
Не татарина наехал я в чистом поле,
А наехал братца собе родного,
Молода Луку Петровича".
- Г. Говорил Петрой Петрович таковы слова:
— Ай ты свет моя да родна матушка!
Не татарина наехал я в чистом поле,
А й наехал братца соби родного,
Молодца Луку да я Петровича.

Встреча старшего сына с матерью

- Р. Молодой Лука Петрович, королевский сын,
Он по двору похаживает,
Добра коня поваживает
И нейдет в палаты белокаменны.

Приложение

Тут честна вдова Настасья Васильевна
Скорешенько бежала на широк двор,
Брала его за ручки за белые,
За него за перстни за злаченые,
Целовала во уста его сахарние,
Называла она сыном собе родным
И вела в палаты белокаменны;
Кормила-то их ествушкой сахарнею,
Поила-то их питьицем медвяным.

- Г. А й Лука Петрович по двору похаживат,
За собой добра якона поваживат.
То честна вдова Настасья-то Васильевна
Как скорешенько бежала на широкой двор,
Да й в одной тонкй рубашечке без пояса,
В юных тонкиих чулочиках без чоботов,
Приходила к своему да к сыну родному,
К молоду Луки да й ко Петровичу,
Ена брала-то за ручушки за беленьки,
За него-то перстни за злаченые,
Целовала во уста его сахарнии,
Называла-то соби да сыном родным;
Да й вела его в полату белокаменну,
Да вела в столову свою горенку,
Да й садила-то за столики дубовые,
Их кормила ествушкой сахарною,
Да й поила-то их питьицем медвяным.

Финальная формула завершения сюжета

- Р. Тут оны стали жить да быть,
Долго здравствовать.
Г. Они стали жить быть, век коротати.

Оглавление

<i>Введение</i>	3
<i>Глава 1</i>	
Поэтика сюжета в современных исследований	37
<i>Глава 2</i>	
Поэтика сюжета и проблема эпической памяти у Т. Г. Рябинина	51
<i>Глава 3</i>	
Поэтика сюжета былины "Добрыня и змей"	86
<i>Глава 4</i>	
Поэтика сюжета былины "Вольга и Микула"	107
<i>Глава 5</i>	
Поэтика сюжета былины "Королевичи из Крякова"	122
<i>Заключение</i>	143
<i>Библиография</i>	146
<i>Приложение</i>	
Былевой репертуар династии Рябининых-Андреевых	154
Анализ сюжета былины "Вольга и Микула" по мотивам	158
Анализ сюжета былины "Королевичи из Крякова" по мотивам	170